

РИЧАРД БЛЭКМОР

ЛОРНА ДУН

СЕДЬМАЯ КНИГА

Ричард Блэкмор

Лорна Дун

«Седьмая книга»

Блэкмор Р.

Лорна Дун / Р. Блэкмор — «Седьмая книга»,

1675 год. Англией правит король Карл II, но на западе страны мало кто признает власть короля. Местные феодалы, клан Дунов, убивают фермера Джека Рида и его сын Джон клянется рассчитаться с обидчиками. Но однажды на рыбалке он чуть не утонул, и его спасла Лорна Дун, юная наследница враждебного клана.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	34
Глава 8	39
Глава 9	43
Глава 10	46
Глава 11	50
Глава 12	54
Глава 13	59
Глава 14	64
Глава 15	67
Глава 16	72
Глава 17	76
Глава 18	79
Глава 19	82
Глава 20	85
Глава 21	89
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Ричард Блэкмор

Лорна Дун

Глава 1

Немного об образовании

Я хочу поведать вам историю, изложенную простым языком, и, если вы готовы выслушать ее, то я, Джон Рид, из прихода Оар графства Сомерсет, мелкий землевладелец и церковный староста, расскажу вам о событиях, которые произошли в наших местах, и постараюсь быть точным и справедливым, да сохранит Господь мне разум и твердую память.

Но вы, мои читатели, должны помнить, что я стремлюсь избавить наши места от клеветы и злословия, и поэтому вы должны быть иногда снисходительны ко мне, ибо я не владею ни иностранными языками, как это подобает джентльмену, ни изящным слогом, и познаниям своим я большей частью обязан библии и великому мастеру слова Уильяму Шекспиру, которого я оцениваю по достоинству, в чем готов поклясться. Короче говоря, я самый обыкновенный неуч, хотя для фермера считаюсь весьма образованным.

Мой отец был честным человеком из добропорядочной семьи (так считали все у нас в Экзмуре) и унаследовал одну из трех — причем самую лучшую и большую — ферму в нашем приходе. Надо заметить, что здесь у нас всего три фермы, не считая, конечно, неосвоенных земель. И вот мой отец, Джон Рид старший, буквально одержимый проблемами образования (тем более что он сам умел написать собственное имя и фамилию), решил послать меня, единственного сына, учиться в Тивертон в графство Девон. Надо заметить, что этот старинный городок славился помимо производства шерсти еще и своей школой, одной из самых больших во всей западной Англии, а основал и оборудовал эту школу в 1604 году сам Питер Блюндел, известный суконщик, который, кстати, родился и вырос там же в Тивертоне.

К двенадцати годам из начальных классов меня перевели в средние, а я уже знал Цезаря (конечно, в английском переводе) и даже мог продекламировать целых шесть строчек из Овидия. Потом кое-кто говорил, что я мог бы доучиться и до третьего класса, если учесть мое упорство и прилежание. Хотя, признаться, все, кроме моей родной матери, считали меня откровенным тупицей.

Но, видимо, моя спесь и амбиции сына простого фермера не понравились тем, кого называли старостами, а, короче, стукачами, и меня выгнали из школы, слава Богу, еще на первом году обучения в средних классах, когда мы только начинали спрягать греческие глаголы.

Мой старший внук любит потешаться над дедом, уверяя, что я никогда бы не смог овладеть греческим, хотя сам, постреленок, демонстрируя свое способности, пользуется невероятным количеством шаргалок. Я понимаю, что голова у него соображает куда лучше моей, но зато у него никогда не будет моего крепкого тела. И, признаться, я даже рад, что не доучился. По крайней мере, мне удалось сохранить мозги.

Но если у вас зародилась хоть капля сомнения, что я действительно учился в той школе, то я могу представить доказательства. Там вырезано ножом мое имя — Джон Рид, потому что, как только я запомнил правописание своего имени, я тут же принялся вырезать его перочинным ножом: сначала на скамье, где сидел, а потом на парте, причем не на одной, а на всех, куда меня пересаживал учитель. И теперь мой внук сам читает это имя, когда идет в школу. Он даже как-то подрался с одноклассником, который с усмешкой произнес: «Надо же! Здесь еще какой-то Джон Рид учился». Зато потом я обучил своего внука кое-каким школьным шалостям. Одна из них называлась «вулканчик».

И, если теперь мои внуки попытаются повторить эту затею дома, я сразу же узнаю их «почерку». Дело в том, что каждый ученик, за небольшую плату, разумеется, мог приобрести горстку селитры у привратника. Потом, делая вид, что он чинит перо ножом (как и подобало усердному школяру), он аккуратно вырезал отверстие в парте, там, где толщина доски достигала сантиметров семи. Самое главное было — сделать ровную дырочку для того, чтобы насыпать туда селитру. Лучше всего, чтобы при этом порошок перемешался с опилками. Потом берется сальная свеча, которую мы тогда называли «крысиный хвостик», и поджигается. Ученик усердно изучает свой букварь при свете свечи, потому что на улице еще слишком темно, и в то же время маленький вулканчик начинает отчаянно шипеть и разгораться от пламени фитиля. А если потом мальчик еще возьмет перо и немного поковыряет в своей горке, то из вулканчика пойдет самый настоящий дым и будут видны вспышки пламени. Эта забава длится долго, потому что селитры хватает на несколько минут, а парта за это время прожигается чуть ли не насквозь. Представляете, каково будет потом сидеть за такой продырявленной партией другим ученикам! Правда, тут надо быть осторожным и проделывать подобные эксперименты до того, как в класс войдет учитель, то есть рано-рано утром.

Были у нас и другие развлечения, когда мы поджигали у одноклассников фуражки, но я не буду заострять ваше внимание на таких мелочах. Хочется рассказать еще вот о чем. Наша школа стояла около небольшой речушки Лоуман, которая километра через два впадает в широкую реку Экз. И хотя Лоуман считается обычным ручьем и не сравнить его с нашей знаменитой Линн, тем не менее во время сильных дождей Лоуман разливается, и начинается самое настоящее наводнение. Тогда кажется, что наш ручей превращается в необузданную лошадь, вода пенится, будто вот-вот разнесет и живую изгородь возле школы, да и саму школу в придачу. В такие дни мальчики, живущие рядом в городке, даже и не мечтают о том, чтобы попасть домой на ужин.

Во время наводнения наш привратник старина Медяк (а так мы его прозвали за то, что он носил сапоги из меди, чтобы не застудить ноги от воды, и имел нос багрового оттенка благодаря жидкостям гораздо более крепким, чем вода), так вот, наш любимый Медяк стоял у входа в школу и наблюдал за прибывающей водой, чтобы, не приведи Господь, волны не унесли камни, которыми была обложена наша школа. Правда, паводок слишком волновал старину Медяка, и когда тот от расстройства принимал очередную дозу своего «лекарства», в помощь ему отряжали учеников.

Перед самым входом в школу белыми камушками у нас выложены две буквы «П.Б.» в честь основателя-суконщика Питера Блюнделя. И когда хоть одна беснующаяся волна доходила до этих камушков, то, по неписанному закону, любой ученик, даже самый отстающий первоклашка, имел право вбежать в учительскую и во весь голос заорать: «Пэ-Бэ!»

Тогда и начиналось самое интересное. Все ученики с громкими криками закидывали свои фуражки на крышу школы. Вслед за ними туда же летели учебники и тетради. Забывались все обиды и ссоры. Старшие помогали младшим вскарабкаться наверх и мы с наслаждением наблюдали за несчастным Медяком, который выставлял по домам мальчиков, живущих по соседству.

А учителя беспомощно смотрели друг на друга и, не видя перед собой учеников, безмолвствовали. Они захлопывали свои мудреные книги, вежливо предлагали друг другу раскурить трубку на прощание и желали всех благ, а, главное, избежать простуды, принесенной ледяной водой.

Но я, кажется, немного отвлекся. Я рассказываю вам о детских шалостях и приятных воспоминаниях, а ведь жизнь с тех пор многое во мне изменила. Мне пришлось пережить столько, что я не совру, если скажу, что теперь я просто тертый калач. Правда, я все-таки верю, что люди, пусть и живущие вдалеке друг от друга, при этом должны сохранять теплые чувства. Мы ведь не звери, разбежавшиеся по своим берлогам. И тем более не обезьяны, которых теперь

стало модно привязывать на цепь и показывать на ярмарках. Итак, я перехожу к главному повествованию и должен заметить вам, что дорога ложка к обеду.

Глава 2

И еще о важном

Теперь я хочу остановиться на том, какова была причина моего отъезда домой из школы и как это происходило. Во вторник 29 ноября в год 1673 от рождения Господа нашего, именно в день моего рождения, я потратил свои сбережения на сласти, которыми угостил младших ребят. Правда, старшеклассники все равно потом прознали об этом и успели кое-что отхватить для себя. Занятия, как всегда, заканчивались в пять часов. По традиции мы провожали ребят, живущих в городке по соседству, от школьного порога до самых ворот, где нес свое дежурство старина Медяк и где он же имел собственную хибару. Хотя земляки основателя нашей школы немного выигрывали от этого. Будь они даже внучатые племянники Блюнделя, что тоже не исключено, поскольку сам Блюндель не оставил после себя прямых наследников.

Собственно, мы мало интересовались происхождением своих однокашников. Забавным было другое — те, кто уходил ночевать домой, как выяснилось, не платили ничего школе и даже приносили еду из дома. И мы все, кто учился и жил в пансионе, всегда рады были помочь в уничтожении любой провизии, поскольку питание в школьной столовой только разжигало аппетит. Во время таких пиршеств мы становились равными и вели дружеские беседы, но как только еда кончалась, прекращалось и наше мирное сосуществование. Мы твердо считали, что все городские заслуживают сурового наказания от «коренных» обитателей Блюнделя. У одних отцы были попроще — скорняки, птичники, бакалейщики и так далее — эти молча сносили побои и унижения, справедливо считая себя несколько неполноценными. Зато те, кто происходил из благородных и знатных семей, — вот эти частенько могли дать сдачи. Но даже они прекрасно понимали, за что именно их колотят.

Итак, мы проводили городских, и Медяк закрыл за ними кованые ворота, которые каждый раз противно скрипели. Правда, перед этим один мальчик урезонил меня, опасаясь очередного удара: «Если сейчас ты мне вмажешь сумкой по голове, то что ты будешь иметь завтра на обед?»

Все те, кто остался по эту сторону ворот, на которых были выбиты непонятные латинские вирши, расположились на ограде. Здесь нас было не видно, кроме того, уже вечерело и поднимался туман. А прятались мы только от Медяка, который вообще недолюбливал маленьких и частенько грубил нам, когда мы вручали свои жалкие гроши его строгой супруге. Нас осталось человек шесть или семь, тех, кто решил не ходить на ужин, поскольку в этот день все и так изрядно полакомились моим угощением. Не то чтобы я считался богатым, просто я долгое время откладывал серебряные пенсы именно на то, чтобы достойно отпраздновать свой день рождения.

Мы уселись на ограде, не чувствуя себя стесненными, поскольку тут нас могло уместиться человек девять по крайней мере. Мы смотрели на дорогу и мечтали о свободной жизни. Кроме того, городские клялись, что к ним приехал один известнейший господин и, возможно, он будет проезжать мимо школы до наступления сумерек. Мы все любили ждать, когда рядом с воротами появится какой-нибудь экипаж в сопровождении нарядных кавалеристов, тем более, что у этой знаменитости в прислугах был один из моих дальних родственников. У нас появилась надежда, что он не преминет навестить меня и захватит с собой что-нибудь из угощений по случаю моего праздника. Вот этой приятной возможности и была посвящена наша нехитрая беседа.

Но тут один из моих одноклассников, сидящий рядом, сначала грубо отпихнул мой локоть, а потом неожиданно ударил меня в живот, хотя буквально только что набил свое собственное брюхо сладостями за мой счет. Не выдержав подобной наглости, я развернулся и зака-

тил ему оплеуху, прежде чем сам понял, что произошло. Тогда он тоже размахнулся и на этот раз так врезал мне в живот, что дыхание у меня остановилось и мне показалось, что жизнь вот-вот оставит мое тело.

Когда я окончательно пришел в себя, то услышал спор ребят. Нам с обидчиком предстояло отправиться на ринг — так мы называли большой участок земли, покрытый торфом, между дорогой к воротам и дорогой в столовую. Собственно, там и происходили почти все драки, особенно, когда дело доходило до выяснения серьезных отношений. Но только теперь мы решили подождать, пока проедет последний экипаж, а потом устроить поединок при свечах, чтобы все получили удовольствие от этого зрелища, даже самые маленькие.

И буквально через минуту из-за поворота со стороны ручья у самого столба, где выбиты знаменитые инициалы Питера Блюнделя, появились две лошади, вернее, одна из них была моей пони по кличке Пэгги, а на второй кляче восседал краснолицый мужчина.

— Достопочтенная публика, — начал он, стараясь держаться подальше от ворот, — не подкажете ли, как мне найти уважаемого Джона Рида?

— Он здесь, достопочтеннейший, — подражая стилю Джона Фрэя, которого я сразу же узнал, ответил кто-то из ребят.

— Тогда открывайте ворота, — продолжал Джон Фрэй, просовывая кнут через решетку, — и выпустите его ко мне.

Но тут мальчики обступили меня и начали возмущенно кричать и указывать на меня пальцем. Я прекрасно понимал, что все это означает.

— Джон! — чуть не плача от обиды, произнес я. — Зачем ты приехал сюда и заставил мою крошку Пэгги проделать столь долгий путь по болотам? Ведь каникулы начнутся только через две недели, в среду! И ты это отлично знаешь сам.

Джон Фрэй покачался в седле и отвел взгляд в сторону. Он хотел что-то сказать, но из горла его вырвался только неуверенный хрип.

— Конечно же, я знаю об этом, Джон, — наконец начал всадник. Это знает любой в округе, даже те, кто никогда не ходил в школу, а ты сам уж тем более. Твоя мать вырастила хороший урожай яблок, фруктов много, но черные дрозды портят урожай, и некому ставить на них силки. Требуется твоя помощь, Джон.

Внезапно он запнулся, и какое-то недоброе предчувствие родилось в моей душе. Я отлично знал повадки Фрэя, и такая пауза меня сразу же насторожила.

— А отец? — нетерпеливо выкрикнул я, расталкивая столпившихся вокруг ребят. — А где отец, он в городе? Почему он не приехал сам? Ведь раньше он никому меня не доверял. В чем же дело теперь?

— Отец нас встретит у овчарни. Он не смог приехать. Видишь ли, сейчас много хлопот с заготовками бекона к Рождеству. И еще надо гнать сидр к празднику...

Во время этой исповеди Джон постоянно наблюдал за ушами своего коня, и я смекнул, что он просто-напросто лжет мне. Все внутри меня будто опустилось, и я обмяк, прислонившись к холодной железной ограде. Мне уже не хотелось ни драться с кем бы то ни было, ни доказывать свое превосходство и силу. Я даже не приласкал свою любимую Пэгги, которая просунула морду между прутьев, фыркнула и аккуратно прикоснулась губами к моей ладони.

Но дело надо было доводить до конца, а одним из самых важных занятий любой честный христианин, как ни странно, считает возможность подраться.

— Ну давай же, приятель, — произнес один из ребят, небрежно приподняв мне пальцем подбородок. — Он ударил тебя, ты — его, и теперь надо сразиться, таков закон.

— Сначала рассчитайся с долгом, а потом уезжай, — добавил староста, подходя к нам ближе. Он только что появился на площадке, но сразу понял, чем тут пахнет.

— Дерись за всех одноклассников! — добавил самый умный наш ученик, который прекрасно успевал по всем предметам, да еще в свободное время помогал отстающим.

Но только я чувствовал, что после сытного обеда и изрядного количества сладостей боец из меня получится никудышный. Если учесть мое угнетенное состояние, мою медлительность и нерешительность, то можно представить азарт и нетерпение товарищей, которые сейчас как ненормальные подзадоривали меня, пытаюсь спровоцировать драку. Нет, сразиться я не боялся. Я отучился целых три года в Блюндеде, а ни одной недели без серьезной драки у нас не проходило. Сначала у меня это получалось довольно плохо, но вскоре любой ученик знал, что Джон Рид всегда сумеет постоять за себя и дать сдачи.

А на этот раз дурные предчувствия мешали мне действовать, и я стоял не шевелясь, не зная, как поступить. Правда, даже теперь, когда я стал седым и мудрым, я все же считаю, что мальчикам необходимо иногда таким жестоким способом выяснять отношения, а матери только теряют время понапрасну, убеждая сыновей никогда не драться. Они слушаются их только в двух случаях: либо это действительно пай-мальчики, либо они просто боятся друг друга.

— Нет, — упрямо заявил я и прижался спиной к кованой части ворот, которая плавно переходила в одну из стен дома старины Медяка. — Только не сейчас, Робин Снелл. Вот погоди, я вернусь и тогда уж покажу тебе!

— Тогда он сам тебя побьет, трус! — хором выпалили первоклашки, которые верили в меня и считали главным в своей детской компании. Они знали, что отказаться теперь я уже смогу. Но я продолжал стоять как вкопанный и тупо переводить взгляд с Джона Фрэя на лошадей — то на свою Пэгги, то на большого Весельчака. А Джон чесал в затылке, и лицо его приобрело голубоватый оттенок, потому что именно на него падал свет из гостиной Медяка. Он прохаживался взад-вперед с таким видом, будто драться сейчас предлагали ему. Он поглядывал на мои сжатые кулаки и, как мне показалось, хотел что-то сказать, но пока не отваживался.

— Что мне делать, Джон? — заново начал я. — Лучше б ты и не приезжал.

— Я думаю, придется выйти на поединок, — прошептал он через прутья решетки и громко добавил: — Я думаю, юные джентльмены все-таки впустят меня внутрь, чтобы я пронаблюдал за честной схваткой.

Он вздохнул, оглядев свои измазанные грязью сапоги из бычьей шкуры и лошадей, которым пришлось долго идти по болотам. Моя гнедая Пэгги была все же полегче Весельчака и поэтому выглядела поаккуратнее, а тот умудрился измазаться до самого загривка, так что никто бы сейчас и не мог предположить, что натуральный окрас его пегий, настолько грязь и тина облепили почти все его туловище. Кроме того, обе лошадки успели по дороге собрать изрядное количество репьев, надежно вцепившихся им в гривы и хвосты. Наконец Фрэй закончил внешний осмотр и подошел к воротам, согнувшись после долгой верховой езды, словно его прихватил радикулит.

Но вопрос о сражении решился к этому времени сам по себе. Шесть или семь старшеклассников уже мчались к нам со всех ног, прослышав, что у главных ворот сейчас начнется «молотиловка». Эти мастера боя обучали нас — ребят средних классов — многочисленным приемам борьбы, а самых младших искусству уворачиваться, парировать, и даже выполнять такие движения руками, которым позавидовали бы и любители фехтования. Конечно, наши ребята не могли упустить случая понаблюдать за честным боем.

Должен заметить, что, как мне кажется, само выражение «молотиловка» происходит от схожести движений руками с движениями крыльев ветряных мельниц. Я сам видел такие в некоторых местах, где нет рек. Вот там люди мелют зерно и получают муку именно таким способом. Хотя, конечно, не простому школьнику разбираться в происхождении разных слов. Короче, наблюдатели, окрестившие наши бои «мельницами» становились в круг и развлекались, а сами бойцы в центре калечили как могли друг друга либо до победы, либо до полного взаимного изнеможения.

Но теперь в присутствии Джона Фрэй я почувствовал некую ответственность за исход боя. Мне во что бы то ни стало надо было доказать свое превосходство и заступиться за честь и семьи Ридов, и всего Экзмура. За три года учебы я частенько выдерживал бои и дольше трех раундов и, надо признаться, не раз окроплял своей кровью торф нашего ринга. Зато постепенно победы все чаще стали доставаться именно мне. Не потому, что я обучался этому искусству. Просто после двух-трех десятков боев я стал сражаться так, как мне подсказывала интуиция. Наверное, со стороны я напоминал долгоножку, бьющуюся о стекло фонаря. Но я все же побеждал, и в этом мне помогало и собственное здоровье, и сила, и упорство, которым обладает почти каждый житель Экзмура.

Я с готовностью выступил бы и в этот раз, но полный желудок и тоска на сердце слишком уж волновали меня. К тому же Робин Снелл был куда крепче меня сложен, намного выше и считался одним из самых тупых и безнадежных учеников.

Я никогда не рассказывал матери о своих похождениях, чтобы не расстраивать ее нежную любящую душу, а тем более отцу, поскольку опасался серьезной взбучки. Меня считали примерным послушным мальчиком, и мои белокурые кудрявые волосы добавляли невинности и чистоты внешнему облику. Поэтому Джон Фрэй, я могу поклясться, был уверен, что сейчас на его глазах произойдет первая в моей жизни драка. Когда его впустили за ворота школы якобы поговорить с директором, когда уже были привязаны к решетке и Пэгги и Весельчак, Джон Фрэй рванулся ко мне и чуть не плача, тихонько проговорил:

— А может, не надо?

И когда я ответил, что менять что-либо уже поздно, он выпрямился и уверенно произнес, возведя глаза к небу:

— В таком случае да поможет тебе Господь и да будут твои кулаки стальными!

Место для боев у нас было отведено небольшое, но вполне достаточное и для поединка, и для зрителей, тем более, что христиане любят собираться толпами, чтобы чувствовать локоть друг друга. Старшие ребята имеют беспрекословное право стоять в кругу, а самые маленькие наблюдают за дракой, лежа на траве, через ноги стоящих.

Когда мы подготавливались к бою, из школьного здания появилась старуха Ферб, которая любила присоединиться к зрительской массе. Лет ей было, наверное, под сто, и никто не обращал на нее особого внимания. Единственное, что огорчало, так это только то, что двум старшеклассникам приходилось покидать бой после первого же раунда, чтобы проводить старуху снова домой на второй этаж в крохотную каморку, где она и обитала.

Я не знаю, что ощущал Робин перед боем. Скорее всего, он вообще ничего не ощущал, поскольку считался мальчиком задиристым и непослушным. Зато я прекрасно чувствовал, как заколотилось мое сердце в тот момент, когда ко мне подошли ребята, чтобы помочь раздеться. А еще я боялся опозориться и проиграть. Поэтому для остротки я сжал кулак крепче и недвусмысленно подул на костяшки пальцев, давая понять, что шутить не собираюсь. Потом я снял свою кожаную куртку, положил на нее фуражку и жилет. Мальчик, которому я поручил присматривать за одеждой, ощущал себя на седьмом небе от гордости за такое доверие. Как сейчас помню имя этого мальчугана — Томас Хупер. А куртку делала мне мама длинными зимними вечерами, украшая ее замысловатыми узорами из шерсти. Мне вовсе не хотелось запачкать кровью такую замечательную вещь, тем более, что в карманах находились всякие мелочи, которые могли в схватке потеряться.

И вот Робин Снелл приблизился ко мне вплотную и начал долго и нудно разглядывать меня, будто видел впервые. Я-то сам даже и смотреть не хотел в его сторону. Вокруг пояса он обвязал платок, и кроме бриджей и башмаков, на нем ничего не было. Потом он принялся плясать вокруг меня так, что голова моя закружилась уже через несколько секунд. А меня так расстроили слова Джона, и поскольку я постоянно думал о его странном появлении в школе, то

мне и в голову не пришло, как следует раздеться. Поэтому я чувствовал себя довольно неудобно и никак не мог начать бой первым.

— Ну, давайте же! — не выдержал какой-то долговязый старшеклассник, сгорая от желания поскорей посмотреть на настоящее мужское развлечение. — Где ваша отвага и бесстрашие? Покажите нам, как надо драться, и да вознаградит Господь сильнейшего из вас!

Робин взял меня за руку, с презрением заглянул в глаза и вдруг ударил что есть мочи по лицу, так, что я зашатался и чуть не упал.

— Что такое?! — в негодовании закричал Джон Фрэй. — Что же ты стоишь и ждешь? Врежь и ты ему как следует!

Тут я вмазал ему не хуже, и сразу же началась настоящая серьезная драка. Мы бились отчаянно, и не совру, если скажу, что наши зрители не были разочарованы. Правда, я почти не слышал восторженных криков публики, поскольку удары сыпались один за другим. Но зато потом Фрэй с восторгом поведал мне, что мои поклонники орали как резаные и поддерживали меня своими криками в течение всего боя.

Но ни я, ни Робин не обращали на зрителей никакого внимания — нам было совсем не до них. Никаких судей во время таких поединков, разумеется, не предполагалось. Помню лишь, что когда в конце раунда я доплелся до своего угла, то чувствовал только боль от ударов в груди и огромное желание рухнуть на землю.

— Время! — раздался возглас старосты, и я прямо-таки повалился на колени моего секунданта и помощника, чтобы хоть немного восстановить дыхание. Джон Фрэй сразу подскочил ко мне и рассмешил ребят своими просьбами достать большой фонарь и обещаниями пожаловаться моей матери на мое участие в сомнительных видах спорта.

— Время! — раздался голос какого-то опрометчивого любителя развлечений. — Считаю до трех, и, если вы не выйдете к центру, вам объявят поражение!

Мне показалось, что я не в состоянии пошевелиться, а этот негодяй уже начал считать:

— Раз... два...

Но прежде чем он произнес «три», я стоял на своем боевом месте нос к носу с противником. Я начинал задыхаться, но, тут же вспомнил, что как раз тот мальчик, на коленях которого мне пришлось только что отдыхать в перерыве, сам учил меня когда-то, что в любом бою начало и конец могут быть совсем разными. Сейчас он уже стал знаменитостью, крупным ученым, но я понял еще в те далекие годы, что умные люди иногда чувствуют тягу к глупцам, чтобы поделиться своим умом и знаниями.

— Приканчивай его, Боб, — заорал один из старшеклассников. — Сломай ему челюсть, сверни голову, он все это заслужил!

Эти слова были тем более обидны для меня, что ведь это именно я угощал конфетами выскочку.

Я был уверен, что прикончить Бобу меня, конечно, не удастся, хотя ноги уже переставали слушаться, и мне казалось, что все мое тело онемело, как будто обмороженное. Но так как ноги все-таки держали, этот раунд я провел с большой осторожностью. Я вспомнил советы своего секунданта, и когда во время перерыва я снова грохнулся к нему на колени, мой верный помощник и наставник начал шептать мне слова, которые согрели душу и распалили сердце и которые я могу сравнить по искренности только со словами возлюбленной. Он сказал мне тогда:

— Прекрасно, Джек, просто великолепно! Не сдавайся, Джек, еще чуть-чуть — и победа твоя!

Во время боя Джон Фрэй пытался выведать у мальчишек, не убьет ли меня противник на самом деле, и как он, Джон, будет тогда объясняться с моей матерью. Правда, когда я уже провел три раунда, Фрэй немного успокоился и во время перерыва, после того, как мой секундант

смочил мне лицо мокрой губкой, чтобы утихомирить боль от ссадин и кровоподтеков, Джон снова подскочил и отрывисто проговорил, будто всаживал шпоры в лошадиные бока:

— Чтобы больше никаких драк! Никогда! Иначе я тебя в Экзмор не беру!

Но я уже был спокоен, ко мне вернулась уверенность, в глазах просветлело, и я стал закипать злостью к Робину. Я стиснул кулаки, а в ушах звенело что есть силы, да еще бешено колотилось сердце. Кроме этого я ничего не слышал. Либо Снелл меня действительно сейчас добьет, либо я изувечу его сам. И я снова рванулся в бой, одержимый желанием победить. В этот момент Боб улыбнулся, и эта нахальная улыбка решила исход поединка. Я возненавидел его. Он ударил меня по корпусу, а я, размахнувшись, вlepил свой удар прямо ему между глаз. Это его, видимо, тоже разозлило. Но только теперь я уже не боялся своего противника и не собирался, ни жалеть, ни щадить его. Ко мне пришло второе дыхание, сердце успокоилось, и искры из глаз больше не сыпались. Я знал, что скорее умру, чем позволю себе опозорить свои родные места. Дальнейшее я помню плохо, знаю только, что победил, а потом помог ребятам отнести Боба в наш пансион и уложить на кровать.

Глава 3

Разбойничья тропа Дунов

Между городами Тивертон и Оар пролегает длинный и нелегкий путь, и путешественник должен быть готовым ко многим трудностям в буквальном смысле. Там фактически до сих пор нет нормальной дороги, хотя путешествовать по тем местам сейчас стало намного безопаснее, чем в былые годы, и лошади спотыкаются гораздо реже. Когда я был мальчишкой, шпоры становились совершенно бесполезными из-за непролазных топей, и, как бы вы ни торопили своего скакуна, он едва мог передвигаться. Правда, еще наши отцы старались заботиться о дорогах и, по крайней мере, в самых вязких местах клали вязанки хвороста и волокни туда даже дубовые пни, поэтому в трезвом состоянии путник имел все шансы благополучно проехать, ни разу не провалившись в вязкие топи — если, конечно, он путешествует при свете дня. Я и сам впоследствии стал неплохим проводником через болота Экзмур.

Но в те дни, когда мы возвращались с Джоном из школы, никто еще не заботился столь тщательно о дорогах, и путешествовать по ним не представлялось делом приятным и безопасным. Сейчас же в некоторых местах, особенно поблизости городов, дорогу даже огораживают забором или высаживают живую изгородь, хотя и такие вехи не всегда помогают и дают гарантию не заблудиться, а наоборот, прекрасно скрывают разбойников и грабителей.

Мы выехали из города рано утром, предварительно хорошенько отдохнув, что особенно требовалось измученным и уставшим лошадям. Я тоже обрадовался небольшой передышке, потому что после боя все тело мое ныло, и было покрыто синяками и ссадинами. Мы остановились в гостинице Белая Лошадь на Золотой улице, которую назвали так в честь усопших и похороненных здесь же близ харчевни Джона и Джоан Гринуэй, на могилах которых были выгравированы золотом их имена.

Мы решили тронуться в путь с первыми петухами, и все это время Джон Фрэй оставался немногословным, а если я и начинал его о чем-то расспрашивать, то он отвечал мне откровенной ложью. Правда, я не очень расстраивался этим, поскольку, как и подобает мальчику, все еще переживал вкус победы и утешал себя тем, что отец, скорее всего, действительно сильно занят и сражается сейчас с крысами в амбарах, после того как снял большой урожай зерна.

Солнце стояло высоко, когда мы добрались до Дулвертона, где река Окз сливается со своим притоком Барлем. Здесь жил мамин дядя, но мы не стали заезжать к нему, что меня несколько удивило, потому что лошади уже нуждались хотя бы в двухчасовом отдыхе и корме. Далее наш путь лежал через черные болота. Зимой в мороз путешествовать по этим местам — одно удовольствие, конечно, если поблизости нет горячих источников. А в этом году морозы еще не ударили, и по утрам черные дрозды казались особенно жирными. Это потом, когда выпадет снег, они становятся как будто маленькими и жалкими.

Дорога от Бэмптона до Дулвертона, как ни странно, довольно приличная, и нам не приходилось жаловаться. Грязь была лошадям лишь по бабки, если не учитывать, конечно, откровенные топи. День обещал быть теплым и туманным, и наши кони изрядно вспотели. Правда, Пэгги была не сильно перегружена, поскольку все мои вещи уместились на Весельчаке, из-за чего Джон Фрэй постоянно ворчал.

Со мной Джон тоже не становился приветливее, но я посчитал, что это происходит по следующим причинам: во-первых, он сам никогда не учился в школе и не мог разделить мою радость в связи с предстоящими каникулами, а, во-вторых, будучи голоден, Джон всегда испытывал неоправданное раздражение по любому мельчайшему поводу, и я надеялся, что после сытного обеда он все же немного пообедит. Но даже будучи голодным, он иногда, забывая о

беконе, смотрел на меня таким жалостливым взглядом, будто сам голод был сущим пустяком по сравнению с тем, о чем он так и не решился мне поведать.

В Дулвертоне мы славно пообедали, и я попробовал такое вкусное мясо, что не забуду его, наверное, никогда. Даже теперь, прожив долгую бурную жизнь, я сглатываю слюну при одном воспоминании о том обеде. Наверное, только страсть к возлюбленной способна пробудить в человеке подобный аппетит. Я и раньше слышал о жареной баранине от тех богачей, которые действительно делают из еды культ. От таких бесед я всегда начинал причмокивать губами, а живот мой сводило судорогой голода.

И вот теперь Джон Фрэй, зайдя в гостиницу, забавно переваливаясь на своих коротких ногах, гаркнул что есть силы хозяйке:

— Две порции жареной баранины в пятый номер через пять минут, и не забудь полить их соусом, тем самым, который я пробовал у вас на прошлой неделе!

Разумеется, через пять минут мясо нам не принесли. Не было оно готово и через двадцать минут, но это только разожгло аппетит, и когда комнатуха наконец наполнилась тончайшим ароматом, я сказал Господу спасибо за то, что он создал человека с некоторым пространством внутри тела, и что мне есть куда всю эту роскошь запихнуть. Пятьдесят долгих лет прошло с тех пор, а вкус чудесного соуса я ощущаю до сих пор.

Все нормальные мальчики довольно безразлично относятся к нарядам и уж совершенно холодны к разного рода украшениям. Мне становится тошно, если ребята начинают беспокоиться о морщинках на своей одежде или складках на штанах. А уж когда они сами подшивают те же штаны, чтобы казаться привлекательней, мне тут же хочется крикнуть: «Ну почему же Господь не создал тебя девчонкой?!»

Конечно, позже, когда молодые люди начинают ухаживать за девушками, все меняется. Тогда красота внешняя может сочетаться и с красотой внутренней, и все повторяется снова. Они ведут себя безрассудно, как, впрочем, поступали раньше и их отцы. Но только упаси Вас Бог любить и быть любимым так, как это выпало на мою долю, и если еще не поздно, остановитесь.

Когда с бараниной было покончено, а Пэгги и Весельчак получили свою порцию овса, я пошел к водокачке, чтобы немного освежиться. Я обожаю воду и мыло и, пожалуй, плескаться в воде для меня не менее приятно, чем хорошо пообедать. Джон Фрэй, напротив, очень прохладен к водным процедурам и моется строго один раз в неделю. Я не стал умываться перед едой только из-за того, что опасался за свою порцию баранины. Теперь же я с удовольствием вышел из гостиницы, а Джон встал в проходе и, ковыряя в зубах птичьим пером, с удовлетворением наблюдал за пасущимися неподалеку лошадьми, заранее предвкушая ужин.

В этот момент из гостиницы вышла молодая женщина, очевидно, служанка богатой дамы. Она улыбнулась солнцу и зашагала вперед, слегка приподнимая платье левой рукой. Заметив ее, конюхи, расположившиеся во дворе, начали смеяться, чем вызвали негодование служанки, да так, что она даже побледнела. Изящно неся высокий стеклянный стакан в другой руке, девушка направилась к водокачке, стоявшей посреди двора, как раз туда, где я от всей души наслаждался прохладной водой, омывая лицо, руки, шею и даже грудь. И хотя я не совсем четко видел служанку сквозь поток воды, тем не менее, она произвела на меня весьма благоприятное впечатление.

Оглядев меня и ничуть не сконфузившись, — ведь я для нее, женщины лет тридцати, должен был казаться просто ребенком, — она заговорила со мной довольно высокомерно, в то время как я, смутившись, старался побыстрее натянуть на себя рубашку.

— Мальчик, подойди ко мне поближе! Господи! Какие у тебя ясные голубые глаза, а кожа блеее снега. Кто же посмел так избить тебя до синяков? Позволь мне дотронуться до тебя! Как тебе должно быть больно! Не бойся, я не сделаю тебе ничего плохого.

Говоря так, она трогала мою грудь своими нежными смуглыми ладонями, и по ее выговору и манерам я понял, что она приехала сюда издалека. Я осмелел, поскольку понял, что она иностранка, и перестал стесняться, хотя в то же время мысленно представлял себя уже и в рубашке и в своей любимой кожаной куртке. Но мне не хотелось обижать служанку, и я стоял, не двигаясь, а потом произнес:

— Госпожа, если вы не против, позвольте мне уйти. Дело в том, что меня ждут у дверей гостиницы, к тому же моя лошадь уже оседлана, и мы должны прибыть домой сегодня к вечеру. Там меня будет ждать отец, которого я давно не видел.

— Конечно-конечно, — отозвалась незнакомка, — иди, моя малютка, возможно, мы еще встретимся по дороге. Ты мне понравился с первого взгляда, тем более, что я сама сейчас должна спешить к баронессе. Мы тоже уезжаем на самый берег моря, в Вош... Вош...

— Вы имеете в виду Вотчет, госпожа. Вам предстоит нелегкий путь, и дороги там ничуть не лучше, чем те, что ведут в наш Оар.

— О-ар... О-ар... — задумчиво произнесла служанка. — Я постараюсь запомнить, где живет мой любимый малютка, и когда-нибудь я приеду в ваши места и разыщу тебя. А теперь накачай мне холодной воды для баронессы, дорогой мой, потому что она не будет пить без облака вокруг стакана.

Я начал качать воду, но каждый раз она выплескивала ее из стакана, и так повторялось раз пятьдесят, пока вокруг стакана действительно не образовалось нечто похожее на слабый туман, а на дне вода была чище горного хрусталя. Служанка сделала реверанс, держа стакан снизу, чтобы не рассеять драгоценное облачко, и хотела поцеловать меня, но я увернулся, поскольку такого рода благодарности в то время меня не прельщали. Я юркнул за водокачку, и женщина ударила о нее подбородком. Конюхи, наблюдавшие за этой сценой, тут же предложили служанке свои услуги.

Гордо вскинув голову, женщина зашагала к гостинице с таким неподдельным чувством достоинства, что конюхи тут же притихли. Их собственные девушки не обладали ни такой благородной осанкой, ни манерами. Когда же они расположились на сене, каждый продолжал смотреть ей вслед в надежде, что гордячка все-таки обернется, и только тогда, когда служанка скрылась в дверях гостиницы, парни начали хохотать.

До самого конца Дулвертона по северной дороге те, кто едет в Оар и Вотчет, становятся попутчиками до того места, где стоит сломанный крест на могиле убитого бродяги.

Весельчак и Пэгги резво бежали вперед. После щедрой порции овса и бобов даже дорога в гору казалась им нипочем. Миновав очередной поворот, мы неожиданно встретились с изящным экипажем, запряженным шестеркой великолепных коней. Джон Фрэй без труда обогнал их, и, сняв шляпу, поприветствовал попутчиков, а я растерялся до такой степени, что не только не снял свою, а зачем-то натянул поводья, стараясь умерить бег моей Пэгги.

Карета была наполовину открытой, такие сейчас делают в городах, чтобы следовать последней моде и наслаждаться во время поездки свежим воздухом. В карете сидела та самая иностранка, которой я помогал у водокачки, и которая попыталась поцеловать меня в знак благодарности. Рядом с ней я увидел девочку, темноволосую и очень милую. Я не мог оторвать от нее взгляда, но она, в свою очередь, даже не удосужилась посмотреть в мою сторону, потому что ей было гораздо интереснее любоваться окрестностями.

Потом я увидел, очевидно, хозяйку моей новой знакомой — благородную даму, одетую довольно тепло. Рядом с ней сидел малыш двух или трех лет от роду, в шляпе, украшенной белым пером. Этот кроха беспрестанно вертел головой, рассматривая всех и вся вокруг.

Ребенок заметил Пэгги и, восторженно вскрикнув, указал на нее своим крохотным пальчиком. Его мать тоже повернула голову в мою сторону. И хотя я не слишком благосклонно отношусь к знати, но в глазах этой леди было столько тепла и доброты, сколько нет, ни у одной из наших простых деревенских девушек.

Я сорвал свою шляпу и поклонился милой даме, а она, в свою очередь, послала мне воздушный поцелуй, полагая, видимо, что я мальчик из благородной семьи. Многие говорили мне, что я выгляжу очень безобидно, хотя на самом деле это далеко не так. Служанка же смотрела на меня столь пронизывающим взглядом, что мне захотелось отсалютовать шляпой и ей. Но, как ни странно, теперь в ее глазах не было и тени доброты, будто она никогда не видела меня и не желала видеть. Это было настолько неожиданно, что я, сам того не заметив, пришпорил бедную Пэгги, и та, отдохнувшая и окрепшая, рванула вперед с такой скоростью, что мне не оставалось ничего другого, как быстро надеть шляпу и, пригнувшись к седлу, догонять Джона.

Я рассказал ему о встрече и спросил, как это так получилось, что они выехали из той же гостиницы незамеченными, и что он вообще знает о них. Джон упорно молчал, пока не осушил целую флягу сидра. Но даже и после этого все, что мне удалось выяснить у него, так это то, что они, как выразился Фрэй «проклятушие паписты» и что он сам не собирается иметь с ними никаких дел, да и «плевать хотел, откуда они прибыли и куда направляются.» Но мне как раз повезло, что мы остановились в Дулвертоне, поскольку я успел купить конфет для Энни, а то моя дурная голова забыла бы о сестренке после такой волнующей встречи с незнакомкой.

Больше нам по пути никто не попадался, но теперь дорога становилась все хуже, и наши мысли были заняты только тем, чтобы успеть домой вовремя и не заблудиться, полагаясь лишь на волю Божию.

На болота опустился густой туман, и не было ни ветерка. С листьев коренастых деревьев, которые больше напоминали кусты на толстых стволах, стекали капли воды. Кое-где попадались холмики земли и рядом с ними кроличьи норы, из которых изредка доносился плеск воды. Но скоро сумерки сгустились, и под ногами не стало видно ничего, только вдали последние лучи заката все еще прорезали долины.

А потом нам осталось только наслаждаться видом лошадиных шей да поблескиванием луж. Кони, ритмично помахивая хвостами, шли медленно, куда осторожней, чем это делают люди.

Джон Фрэй задремал, согнувшись в седле так, что я больше не видел его замечательную бороду, усыпанную росинками, как жемчужинами. Надо заметить, что у Джона была роскошная рыжая борода, которую он аккуратно подстригал, потому что женился только недавно и старался выглядеть привлекательным. «Дай Бог мне когда-нибудь обзавестись такой же», — рассуждал я тогда. И поглядывая на его покачивающуюся шляпу, купленную на ярмарке, я думал, смогу ли его разбудить, если вдруг Весельчак оступится или провалится в трясины.

— Господи Всемогущий! Куда это нас занесло? — неожиданно встрепенулся Фрэй, стряхивая с себя остатки сна. — Джон, мы, наверное, уже проехали старый ясен, ты не заметил?

— Нет, не видел, — сознался я. — Честно говоря, не видел и ничего не слышал, кроме твоего храпа.

— Какой же ты невнимательный, — рассердился Джон. — Да я и сам не лучше. Теперь давай слушать вместе.

Мы остановили лошадей и, приложив ладони к ушам, насторожились. Сначала до нас не донеслось ни звука, кроме, разве, посапывания коней, да еще капли, стекающие с одежды и шляп, громко падали в лужицы на земле. Потом издали донесся печальный звук и, если бы не знать его источника, то он не вызвал бы во мне страха, и у меня бы не побежали мурашки по спине. Звук повторился три раза, словно вдали скрипело дерево, на которое было привязано веревкой что-то тяжелое. Я невольно дотронулся до руки Джона, чтобы почувствовать себя уверенней.

— Не бойся, — тут же успокоил он меня. — Сейчас для путников это самая приятная музыка. Да благословит Господь того, благодаря кому мы сейчас ее слушаем.

— Неужели повесили кого-то из Дунов, Джон?

— Тихо, малыш, неужели ты и правда в это веришь? Нет, с Дунами расправиться не так-то просто.

— Тогда кто же там висит? — не отступал я.

Я почувствовал, что постепенно успокаиваюсь. Я часто путешествовал по Экзмуре и считая правильным, что воров и разбойников вешают на первом же дереве. Человек, который в жизни ни дня не трудился, а только грабил, достоин такой участи.

— Нас это совсем не касается, — продолжал Джон. — Он с другой стороны болот, а пришел воровать сюда. Его звали Рыжий Джем. Поделом ему, и теперь он предстал перед Господом, который сам назначит кару негодяю.

Направив лошадей в сторону виселицы, мы вскоре очутились на том месте, где дорога разветвлялась.

— Славно придумано, — прокомментировал Джон, глядя на висельника и обращаясь непосредственно к нему. — Старина Джем, ты выглядишь просто замечательно. Если бы я был вором, то, наверняка висел бы сейчас рядом. Но ты помогаешь заблудившимся путникам, и только благодаря твоей музыке мы нашли перекресток.

Джон Фрэй тронул поводья и направил Весельчака по тропинке, ведущей к дому. А мне было жаль Рыжего Джема, и я начал рассуждать о том, неужели он и вправду заслужил такого печального конца, и как теперь живут без него жена и дети, если они, конечно, у него есть. Но Фрэй больше не разговаривал со мной. Может быть, он тоже печалился, слыша позади протяжный скрип виселицы.

— А теперь притихни, — сказал через несколько минут Джон. — Сейчас мы подъедем к самому высокому месту в Экзмуре, тут проходит тропа Дунов. Кто знает, может, они сегодня снова выйдут на большую дорогу, и тогда нам придется ползти на брюхе, чтобы остаться целыми и невредимыми.

Я прекрасно знал, кого он имеет в виду — этих проклятых Дунов, которых боялись и в Девоншире, и в Сомерсете. Клан Дунов — разбойников и убийц — наводил страх на всех в округе. Ноги у меня задрожали, как только я вспомнил висельника, закованного в цепи, да еще представил себе целую банду живых грабителей, с которыми нам, возможно, придется столкнуться в пути.

— Но, Джон, — тихо спросил я, подъехав к нему поближе, — неужели они смогут увидеть нас в таком тумане?

— От этих зверей трудно скрыться, малыш. Тише, мы уже на их земле. И ни слова больше, если ты хочешь увидеть свою мамушку.

Понимая, какой опасности мы подвергаемся, я почувствовал, что мне хочется рвануться вперед во весь опор, чтобы побыстрее пересечь эту проклятую тропу и очутиться дома. Но даже в тот момент мне снова показалось странным, что Фрэй упомянул только мать и ни слова не сказал об отце.

Мы подъехали к лощине, как мы привыкли называть это место у себя в Экзмуре, хотя, например, в Уэльсе существует другое слово — низина. В принципе, это длинная широкая канава, с крутыми подъемами с обеих сторон, зажатая между горами и ведущая в долины. Она может быть и прямой и извилистой.

Мы медленно продвигались вперед, прислушиваясь к каждому шороху и ожидая нападения в любую секунду. Потом начался подъем, и очень скоро мы очутились наверху, и вот тут я услышал какой-то странный звук. Я схватил Джона за руку, и мы остановились. Издалека доносился топот конских копыт, будто к нам через болота направлялись всадники. Потом послышался людской говор, звяканье металла и скрип кожаных седел.

— Ради всего святого, залезай под брюхо Пэгги и отпусти поводья! — взмолился Фрэй, соскочив с Весельчака.

Я так и поступил... Но наши лошади устали и тут же принялись щипать траву, никуда особо не устремляясь. Однако поводья я намотал на руку, не желая расставаться с Пэгги.

— Отпусти ее немедленно, — зашептал Джон. — Тогда они подумают, что это дикие пони, иначе нам конец!

Я понял, что он имеет в виду. Туман немного рассеялся, и я тут же бросил поводья на землю и сам, следуя примеру Джона, спрятался рядом с ним в зарослях вереска у небольшого оврага. Добираясь до кустов, я боялся, что шум моих шагов привлечет внимание шествующих вереницей всадников. Пока я полз, Джон заблеял, чтобы отвлечь внимание Дунов — он прекрасно подражал крикам любых животных.

В тот момент, когда первый всадник проходил в каких-то десяти метрах ниже нас, порыв ветра прошел по ущелью и развеял туман, и отблески красноватого света засверкали на оружии всадников.

— Маяк, — шепотом пояснил Джон. — Значит, Дуны направляются домой. С тех пор как они сбросили сторожа с башни, маяк светит только для них. Что же нам теперь делать?

Но я не мог удержаться и, вырвавшись из рук Джона, пополз вперед по канаве и вскоре очутился у большого валуна, заросшего папоротником. Я спрятался за ним метрах в десяти от всадников и осторожно выглянул, хотя любопытство разрывало меня на части и я готов был встать в полный рост, чтобы внимательно рассмотреть их.

Я затаил дыхание. Мне показалось, что сигнальный огонь возносился к самому небу, освещая кровавыми отблесками даже долины и болота.

Всадники продолжали двигаться вперед, не обращая внимания на то, что происходит вокруг. Все они были богатырского телосложения, прекрасно вооружены, одеты в кожаные куртки, защищенные железными пластинами на груди, шлемы и высокие сапоги. За седлом у каждого я увидел тюки с награбленным добром и привязанные спереди огромные фляги с вином. Я насчитал более тридцати всадников. Некоторые везли овец, другие — оленей, а у одного разбойника через седло был переброшен ребенок. Я не смог разглядеть, был ли ребенок убит или еще жив. Скорее всего, они забрали его из-за дорогого платья, которое не успели снять, потому что в отблесках света оно сверкало золотом и драгоценными камнями. Мне страстно захотелось узнать, что же станет с этим ребенком. Неужели эти звери тоже сожрут его?

Все это настолько потрясло меня, что, потеряв рассудок, я вдруг выпрямился и, опершись о скалу, заорал на этих тварей во все горло, слабо соображая, что я делаю. Двое всадников оглянулись, и один уже вскинул карабин, но другой остановил его, сказав, что не стоит понапрасну мараться о такую мелочь и «поганку», зря тратя порох. Они еще не знали, да и я не мог предположить, что в один прекрасный день эта самая «поганка» сметет с лица земли их крепость.

Джон Фрэй, который в одно мгновение слетел с Весельчака в момент опасности, словно обмазанный салом, теперь, когда все миновало, подошел ко мне неторопливой походкой и сразу же принялся выговаривать:

— Что же ты натворил? А если бы они нас убили? Ты ведь мог оставить мою жену вдовой и сына сиротой, если он родится в скором времени, конечно. Надо бы было тебя бросить прямо на их разбойничьей тропе, если уж ты такой смелый и готов с ними сражаться!

И это вместо того, чтобы благодарить Господа, что все прошло благополучно и мы теперь можем спокойно продолжать свой путь!

Но я не стал ничего ему отвечать, хотя мне почему-то стало стыдно за себя. Мы вскоре отыскали Пэгги и Весельчака, которые стояли на дороге, ведущей к дому, и мирно паслись бок о бок, поджидая нас. Лошади очень любят хозяев, но не потому, что им нравится возить их, просто они в чем-то напоминают женщин, которым тоже необходимо, чтобы о них заботились и любили.

Отец не встретил нас ни у овчарни, на рядом с амбарами, хотя собаки подняли такой лай, который разбудил бы и мертвого. У самого дома, у ограды из ясеня, там, где отец учил меня ловить черных дроздов, я почему-то ощутил тоску и пустоту в душе. Фонарь у коровника не горел и никто не крикнул собакам: «Да тише вы! Это же наш Джек приехал!»

Я печально взглянул на ворота, а потом на конюшню, где хранилась сбруя и где отец любил петь старинные песни и курить трубку. Потом я утешил себя мыслью о том, что, возможно, в доме гости — какие-нибудь заблудившиеся на болоте путники — и отец не может оставить их даже ради того, чтобы встретить своего единственного сына, хотя это показалось мне досадным, и я был уже готов немного обидеться на него. Я нащупал в кармане новую трубку, которую купил для отца в Тивертоне и твердо решил для себя, что он получит ее не раньше завтрашнего дня.

Как же я был неправ! Я не могу сказать, что ощутил в тот момент, но мне почему-то захотелось куда-нибудь спрятаться. Я убежал в дровяной сарай, чтобы не расплакаться. Сейчас мне не хотелось никого видеть, и ни с кем разговаривать.

Но уже через минуту я услышал горький женский плач и на пороге сарая появились мать и сестренка. И хотя я их очень любил, я не бросился им навстречу, пока, наконец, не осознал того, что им сейчас нужна моя помощь. Они пошли в дом, и я последовал за ними.

Глава 4

Неосторожный визит

Дуны убили моего любимого отца вечером в субботу, когда он возвращался с базара в Порлоке. С отцом ехали еще шестеро фермеров, и все они были трезвыми, поскольку мой отец никогда бы не взял в компанию человека, выпившего более двух кружек пива или фляги сидра. Разбойники не держали зуб на него, поскольку отец никогда не давал им понять, что они занимаются грязным промыслом, грабя людей. Он был честным человеком и считал, что любой прихожанин должен защищать свою собственность и самого себя, если он, конечно, не из нашего прихода, а в противном случае, за своего, мы и сами сможем заступиться.

И вот семеро фермеров отправились в обратный путь, помогая друг другу по мере необходимости. Они пели старинные песни, чтобы скоротать дорогу и поддержать бодрость духа, когда неожиданно из темноты прямо перед ними возник всадник.

По одежде и оружию, а также по телосложению и осанке, видимой при лунном свете, путники сразу поняли, с кем имеют дело. И хотя их было семеро против одного, на самом деле все обернулось иначе. Шестеро фермеров, распевавших псалмы и перевозносивших Господа до этой минуты, без слов выложили свои кошельки и были рады пропеть гимн самим Дунам, лишь бы уцелеть.

Но отец всегда считал, что человек должен зарабатывать себе на жизнь честным трудом, и, если уж тебя пытаются ограбить, надо дать отпор. И пока его трусливые попутчики дрожащими руками снимали с себя шляпы и куртки, отец угрожающе поднял над головой посох и послал коня прямо на разбойника. Негодяй успел отскочить, хотя был немало удивлен, что какой-то фермер смеет ему сопротивляться. Весельчак споткнулся и завалился набок под тяжестью отца, который особенно и не умел драться, а ловко поворачивался, только когда вспахивал поле.

В это время разбойник преспокойно собрал вещи остальных фермеров. Повернув Весельчака, отец хотел было поспешить на помощь друзьям, но тут его обступила целая банда грабителей, неожиданно возникших из густого кустарника. Тем не менее отец не испугался и, оценив его рост и крепкое тело, воры поняли, что так просто он не сдастся. Сильными и меткими ударами отец сбил троих из них с лошадей, ибо он всегда славился своей силой. Увидев, как крошатся черепа и челюсти товарищей, остальные разбойники тут же повернули коней и ускакали. Отец был уверен, что на этом дело и закончилось, и дома он будет рассказывать жене о короткой, но неприятной стычке.

Внезапно один головорез выполз из-за кустов и прицелился в отца из длиннотвольного ружья. Что было потом, я не знаю, но только Весельчак вернулся домой под утро с окровавленными копытами, а отца нашли мертвым на болоте. Рядом с ним лежал его посох, сломанный пополам, но можно ли назвать такую схватку честной, пусть рассудит Господь.

Мы горевали, но никто в округе особенно не удивлялся случившемуся в наши дни грабежей и насилия. Так внезапно мать овдовела, а мы остались без отца. Нас было трое — я и сестренки, но все мы были еще слишком малы для самостоятельной жизни и только могли утешать мать, помогая ей в меру своих сил. Основное бремя пало на меня, Джона Рида, как на самого старшего. Энни была на два года моложе меня, а Элиза считалась совсем крошкой.

Перед тем, как я добрался до дома и узнал о страшной потере — ведь я любил отца больше всех на свете — мать совершила необдуманый и удивительный поступок, и все в округе решили, что она свихнулась от горя. В понедельник утром, когда ее муж еще не был похоронен, она надела на голову белый платок, черный длинный плащ и, не сказав никому ни слова, направилась к воротам Дунов.

К полудню она добралась до ложбины, откуда начинались владения клана Дунов. Говоря по правде, никаких ворот в том смысле, как мы привыкли это понимать, там не было. Но я расскажу все по порядку, как мне это потом представлялось.

У входа ее встретила вооруженная стража, но никто стрелять не стал. Матери завязали глаза, кто-то взял ее за руку и аккуратно повел по петляющей дороге вперед.

Мать не запомнила все повороты, потому что мысли ее были далеко. К тому же она постоянно ощущала неприятное прикосновение металла к спине. Через некоторое время стража остановилась, глаза матери развязали, и она чуть не ахнула от изумления.

Перед ней лежала огромная, овальной формы зеленая долина, окруженная горами. Роль крепостной стены выполняли скалы высотой примерно в тридцать метров. Неподалеку бурлила речушка, берущая начало в горной пещере. Вода у истока казалась темной, но чуть дальше светлела под лучами солнца и уходила в долину. Ручей пересекал опушку, где росли могучие деревья, и большой луг, поросший высокой травой. Вдалеке на обоих берегах стояли каменные дома, расположенные почти что друг напротив друга, отчего создавалось впечатление, что речка выполняет роль мостовой на этой необычной улице. Все домики были одноэтажными, отличался только самый первый, видимо, принадлежащий предводителю. Это были два таких же дома, но соединенные между собой деревянной галереей, переброшенной через ручей.

Мать насчитала четырнадцать домов, и все они походили друг на друга, как братья-близнецы. Поселение это казалось таким мирным и спокойным, стоящим вдалеке от мирской суеты и забот, что с первого взгляда становилось ясно: здесь живут самые набожные и трудолюбивые люди, хотя на самом деле это была обитель разбойников и убийц.

Стражники провели мать по вырубленной в скале скользкой лестнице вниз до самого дома предводителя и оставили у дверей, дрожащую и испуганную.

И действительно, с какой стати она, жена простого фермера, решила, что благородным дворянам придет в голову убить ее мужа? А ведь Дуны были действительно родовитыми, и об этом знал каждый простолюдин в Экзмуре. Поэтому мать чувствовала себя несколько смущенно и, ожидая аудиенции, переминалась с ноги на ногу.

Но потом на нее нахлынули воспоминания о муже — как он любил стоять рядом с ней, обхватив ее своей сильной рукой, как он хвалил ее за вкусно приготовленный обед — короче говоря, слезы навернулись ей на глаза, и мать заплакала, так как горе вытеснило страх...

Через некоторое время в дверях показался высокий пожилой человек, сэр Энзор Дун, с секатором и парой садовых перчаток в руке, как будто он был не господином дома, а садовником, собиравшимся подстричь кусты. Но, конечно, по выражению его лица, походке и особенно голосу, даже ребенок догадался бы, что это не простой деревенский житель.

Длинные белые локоны ниспадали на воротник его плаща. Завидев мать, сэр Энзор остановился, и она невольно поклонилась, встретив пристальный взгляд его черных глаз.

— Кто ты такая, добрая женщина, и что привело тебя к нам? — начал сэр Энзор. — Говори быстрее, потому что сегодня у меня много дел.

Он нахмурился, поскольку мать явилась сюда незваной, но не прогнал ее, а приготовился выслушать. А она, переполненная горем по убитому мужу, набралась храбрости и выпалила:

— Вы считаете, что мне ничего не известно? Предатели! Головорезы! Труссы! Я пришла сюда из-за мужа!

Больше она ничего не могла сказать, потому что ее душили слезы и благородный гнев. Мать замолчала и смело взглянула в глаза Дуна.

— Сударыня, — произнес сэр Энзор, называя ее так, потому что, невзирая на свое «ремесло», родился все-таки джентльменом, — примите мои извинения. Мои глаза уже плохо видят, и я, очевидно, принял вас за кого-то другого. Если же ваш муж действительно находится у нас в плену, мы немедленно отпустим его без всякого выкупа, дабы загладить нанесенное вам оскорбление.

— Сэр, позвольте мне немного поплакать, — неожиданно попросила мать, опешив от его пылкой речи и признаний.

Сэр Дун отошел в сторону, понимая, что в таком деле женщинам не требуется подмога. Мать разрыдалась так горько, что он сразу понял: его люди убили мужа этой женщины. Сэр Дун сам почувствовал печаль и, дав матери вдоволь наплакаться, не рассердился на нее за женскую слабость, а решил подробно выслушать несчастную вдову.

— Мне бы не хотелось, — начала мать, время от времени прикладывая к глазам новый красный платок, который она постоянно теребила в руках, — мне бы очень не хотелось, сэр Энзор Дун, беспричинно обвинять кого бы то ни было. Но я потеряла своего дорогого мужа, самого лучшего человека, дарованного мне Господом. Я знала его, когда он ростом не доходил еще вам до пояса, а я сама была не выше вашего колена, сэр. За все это время он не произнес ни единого дурного слова. Он научил меня пользоваться лечебными травами, закалывать свиней, приготавливать самый вкусный бекон и правильно обращаться со слугами. Трудно мне поверить, что моего милого Джона нет рядом — ведь еще на прошлой неделе у нас всего хватало, и мы были самыми счастливыми в этом мире.

Тут мать снова разрыдалась, но взяла себя в руки, потому что поняла — слезы ей не помогут. Ей вспоминались всякие мелочи из ее жизни, она не знала, что говорить, и мысли ее растекались, как смола по сосновой коре.

— Я должен разобраться в этом деле, и я займусь им тотчас же, — заявил сэр Энзор, хотя все уже прекрасно понял. — Сударыня, если с вашим мужем что-то случилось, поверьте слову чести Дуна, я накажу виновных. Заходите в дом и отдохните, пока я выясню все, что необходимо. Как имя вашего доброго мужа и где все это произошло?

Сэр Дун предложил матери стул, но она отказалась и продолжала стоять.

— В субботу утром я была еще горячо любимой женой, сэр, — продолжала мать, — а в субботу вечером овдовела, и дети мои остались сиротами. Моего мужа звали Джон Рид, сэр, и его знала вся округа, поскольку не было человека честнее и справедливее его ни в Сомерсете, ни в Девоне. Он возвращался домой с базара в Порлоке, где купил для меня новое платье и гребень для волос... О Джон! Как я без тебя теперь буду жить?!..

И она снова начала говорить о том, как им было хорошо вдвоем и как она до сих пор не может поверить в случившееся, а все думает, что это просто дурной сон, и она вот-вот проснется, а Джон будет смеяться над ее нелепыми кошмарами.

Сказав все это, мать даже немножко повеселела, словно ожидая, что мечта ее сбудется и она действительно очнется ото сна.

— Сударыня, ваше дело очень серьезное, — медленно проговорил сэр Энзор Дун с чувством озабоченности, — я прекрасно знаю, что мои люди иногда бывают слишком вспыльчивы и поступают опрометчиво. И все же я не могу поверить, чтобы они обидели кого-то беспричинно. Я понимаю, что вы слишком расстроены и огорчены... Пришлите ко мне советника! — громко крикнул он из дверей дома, и по всей долине понеслось:

— Предводитель вызывает к себе советника!

Вскоре советник вошел в дом сэра Энзора. Мать к тому времени успокоилась, и если что-то могло изумить ее в нынешнем состоянии духа, то разве что сам необычный облик возникшего перед ней старика. Это был приземистый коренастый человек, доходящий сэру Энзору в лучшем случае до плеча, с длиннющей седой бородой до самого пояса. Густые брови нависали над глазами, как плющ с веток дуба, но сами огромные карие глаза светились мудростью совы. Советник обладал даром то умело прятать их под бровями, то внезапно пронзать собеседника пылающим взглядом. Он стоял перед предводителем, держа в руке бобровую шапку, а мать внимательно изучала его, хотя старик не обращал на нее ни малейшего внимания.

— Советник, — начал сэр Энзор, отступив назад, — к нам обратилась эта достопочтенная сударыня...

— Вы ошибаетесь, сэр, она простая женщина.

— Не обижайтесь на него, сударыня, — продолжал сэр Энзор. — Итак, к нам обратилась леди, известная своей доброй репутацией в наших местах. Она утверждает, что Дуны без видимой причины погубили ее мужа.

— Убийцы! Убийцы! — закричала мать. — Сэр, вы же все знаете сами!

— Я хочу выяснить, что же произошло на самом деле, — невозмутимо произнес сэр Энзор, — чтобы восстановить справедливость и воздать виновным по заслугам.

— Я молю Господа, чтобы правда восторжествовала. О Боже, посмотри на меня! — запричитала мать.

— Изложите суть дела, — потребовал советник.

— Произошло вот что, — начал сэр Энзор, подняв вверх руку, подавая таким образом матери знак, чтобы та молчала. — Муж этой достойной женщины погиб, возвращаясь с базара в Порлоке вечером в прошлую субботу. Сударыня, поправьте меня, если я в чем-то ошибся.

— Все верно, — кивнула мать. — Только теперь у меня все путается в голове. То мне кажется, что это случилось год назад, а то будто его убили прямо сегодня.

— Назовите его имя, — попросил советник, все еще пряча свои глаза под бровями.

— Джон Рид, советник. Это имя довольно известно, и мы много слышали о нем. Джон Рид был миролюбивым честным человеком, он никогда не вмешивался не в свое дело. И если наши люди поступили с ним несправедливо, они должны ответить за это, хотя сам я в это не могу поверить. Правда, многие в этих краях неправильно понимают нас и иногда ведут себя опрометчиво, но ты, советник, знаешь все. Так расскажи, ничего не утаивая, что же произошло в тот вечер.

— Сэр советник! — воскликнула мать. — Будьте справедливы! Я верю в вашу честность и искренность, ваши глаза не могут лгать. Только скажите мне, кто это сделал, я хочу увидеть этого человека. И да благословит вас Господь!

Приземистый старик отошел к двери и начал свое повествование. При этом ни один мускул не дрогнул на его лице, но голос загредел подобно горному обвалу.

— Я могу сказать лишь немного. Четверо или пятеро наших самых тихих и спокойных людей отправились на базар в Порлок, захватив с собой достаточное количество денег. Они купили товар для дома по очень высокой цене и сразу же решили вернуться домой, держась подальше от деревенских кутил и гуляк. Когда они расположились на короткий привал, чтобы дать лошадям передохнуть, неожиданно из кустов на них налетел разбойник — мужчина огромного роста и силы с целью убить или, может быть, просто запугать их. Вечер был темным, и его дерзость удивила наших людей. Но они не собирались отдавать то, что им так дорого досталось на базаре. Грабитель повалил троих из наших людей, поскольку сила его кулака была немерена. И только один Карвер, сэр, отважился противостоять этому великану. Он спас и свою жизнь и жизни своих братьев. Карвер выхватил пистолет и выстрелил. Грабитель упал, и наши люди, быстро оседлав лошадей, скрылись. Но Карвер умелый стрелок и, конечно, он уверен был, что только слегка ранил незнакомого разбойника. Он вовсе не хотел убивать его. И, тем не менее, наши люди не держат зла на вашего мужа.

Услышав такую откровенную ложь, мать стояла ни жива ни мертва, только удивляясь, как этот старец мог извратить реальные события. Она смотрела на него так, будто сейчас сама земля не выдержит и разверзнется под его ногами. Но ничего подобного не произошло. Советник замолчал и уставился на мать невинными карими глазами.

Не выдержав этого фальшивого взгляда, мать повернулась к сэру Энзору и увидела на его губах злорадную ухмылку.

— Все из рода Дунов — истинные джентльмены, — провозгласил сэр Энзор с таким серьезным выражением лица, словно никогда и не улыбался в своей жизни, — и мы всегда готовы объяснить, сударыня, заблуждения простых крестьян по отношению к нам. Но следуя

нашим благородным принципам, мы не станем обвинять вашего мужа в разбойничьем нападении, и не будем жаловаться в суд с тем, чтобы нам возместили ущерб. Ведь так, советник?

— Без сомнения, часть имущества Рида должна быть конфискована, но если вам так угодно, сэра, мы простим ему его грех.

— Мы воздержимся от дальнейших действий, советник. Итак, сударыня, мы прощаем вашего мужа. Возможно, он что-то перепутал в темноте ночи. В Порлоке продают слишком крепкое пиво, сударыня, а человек, обладающий большой силой, может иногда поступить весьма опрометчиво по отношению к другим людям. Это так типично в наш жестокий век грабежей и насилия.

Подумать только! Дуны порицают насилие! Мать пошатнулась, с трудом осознавая, где находится, и только хорошее воспитание подсказало ей, что перед тем как повернуться и уйти, она должна поклониться этим людям. Все время она чувствовала свою правоту и уж никак не ожидала, что советник сумеет так ловко перевернуть события с ног на голову. Промокнув слезы платком, она вышла на свежий воздух, опасаясь, что может сейчас наговорить много лишнего.

Стражник повел ее назад, не забыв перед этим снова надеть на глаза повязку, хотя из-за слез мать и так почти ничего не видела вокруг. Перед самым выходом из владений Дунов кто-то подошел к ней и сунул в руку тяжелый кожаный мешочек.

— Предводитель просил передать вам вот это, — прошептал незнакомец, — для ваших детей.

Но мать с омерзением бросила кошелек на землю, словно в ладонь ей вложили не золото, а горсть дождевых червей. И уже потом, молясь Богу, она сетовала на свою горькую участь, вспоминая, что даже Дуны пожалели ее, поняв, как ей придется тяжело без мужа.

Глава 5

Обитель греха

Добрые люди, привыкшие подчиняться закону и живущие в местах, где соблюдаются все порядки и правила, (если, конечно, такие земли существуют), наверное, захотят услышать кое-какие объяснения по поводу творившихся в наших краях безобразий. Если не рассказать всей правды, то станет непонятным, каким образом уживались разбойник с большой дороги и мирный земледелец. Мы не подавали на них жалоб и постепенно привыкли к ним как к неизбежному злу. Но только читатель должен иметь в виду, что все, о чем я поведаю сейчас, я узнал, будучи уже зрелым человеком.

Примерно в 1640 году от рождества Господа нашего, когда положение в Англии стало особенно напряженным, и назревал конфликт, многие земли на севере страны были конфискованы у крупных феодалов теми, кто имел влияние при дворе. При этом законных владельцев пускали по миру, и те были счастливы от сознания того, что им удалось уцелеть. Поместья отдавались в общее владение новым наместникам, и если один из них умирал, то земля просто передавалась другому хозяину, вопреки любым завещаниям.

Одним из владельцев такого поместья и оказался сэр Энзор Дун, джентльмен, обладающий недюжинным умом, а вторым — его двоюродный брат, граф Лорн Дайкмонт.

Граф был старше сэра Энзора и решил добиться законного разделения громадного поместья, но судьба распорядилась иначе. Благодаря проискам женской половины семейства, граф не только не получил своей доли, но лишился всего, и земли у братьев были отняты.

Несмотря на это, у графа еще оставались весьма значительные средства к существованию, а что же касается сэра Энзора, то он в одночасье превратился в нищего, имея вдобавок крупные долги. Он посчитал, что брат по злему умыслу оставил его без земли и денег, не подав при этом прошения о пересмотре дела. Многие друзья советовали самому сэру Энзору обратиться в суд, поскольку он был честным человеком и ревностным католиком, чего нельзя было сказать о его братце. Поэтому сэр Дун мог рассчитывать выиграть процесс.

Но сэр Энзор, будучи человеком горячим, забрал с собой жену (кстати, дочь графа Лорна), сыновей, остатки денег и отбыл в неизвестном направлении, проклиная все на свете. Возможно, он совершил роковую ошибку, но не мне его судить, поскольку я сам, возможно, поступил бы точно так же.

Поговаривали, что обозленный сэр Энзор убил одного из членов суда, которого считал виноватым во всех своих несчастьях и благодаря которому он лишился земель. Другие утверждали, что он открыто выступал против короля Карла Первого, и вынужден был скрываться именно по этой причине. Одно я знаю наверняка — у сэра Энзора отняли поместье и объявили его вне закона.

Он искал поддержки у друзей, надеясь, что они помогут ему добиться оправдания, и имел на это право, поскольку в свое время не раз оказывал многочисленные услуги соседям, относясь к ним, как к родным братьям. Его внимательно слушали и действительно щедро раздавали обещания, но никто при этом не шевельнул и пальцем, чтобы реально помочь бывшему приятелю, а тем более, ни один из богачей и не думал раскошелиться. Все те, кто приходил со своим горем к сэру Энзору прежде, теперь разом отвернулись от него. Возможно, это и ожесточило его даже больше, чем потеря власти и состояния.

Отчаявшись, сэр Энзор решил, наконец, обосноваться на западе Англии и в один злочастный для наших мест день прибыл сюда. Он хотел уединиться здесь вдали от бывших представителей его сословия. Я не могу назвать родные края захолустьем, но здесь у нас огромные просторы и большие возможности для любого человека. И когда он выбрал себе землю —

труднодоступную, среди гор, отдаленную от крупных городов — тогда местные жители стали поначалу приносить ему угощения в знак знакомства: бекон, оленью грудинку, баранину, бочонок сидра. Так что некоторое время сэр Энзор вел вполне честный и добропорядочный образ жизни. Но постепенно к нему привыкли, и фермеры стали недоумевать по поводу его праздного бытия. По нашим понятиям любой человек, даже благородного происхождения, обязан либо работать, либо платить другим за работу по найму. Через некоторое время крестьяне и вовсе всполошились. Ведь если, владея плодородной землей, сыновья Дуна не собираются ее даже вспахивать, значит, рано или поздно эти молодцы начнут отбирать добро у других.

Я рассказываю все это со слов моих соседей и не позволю себе и крупинки лжи. Меня все уважают в округе, ибо я владею пятьюстами акрами земли (неважно, что кое-где она не огорожена заборами — это мое дело), являюсь церковным старостой и дружу с пастором, а он человек непьющий и некурящий, читает книги и тоже учился в Блюнде. Позвольте также заметить, что я истинный роялист и соблюдаю букву закона. Так что не делайте поспешных выводов относительно моей особы и не ругайте вашего покорного слугу за то, что в повествовании моем частенько встречаются лирические отступления. Уверю вас, все это происходит по простоте душевной и от чистого сердца.

Итак, сэр Энзор вместе с семейством и несколькими слугами обосновался у нас. Всего их было немногим более десятка, но потом число Дунов стало непомерно возрастать. Может быть, так действовала оленья грудинка, которая увеличивает жизненные силы, или баранина, или сам свежий воздух Экзмура, но одно остается явным — семейство Дунов росло куда быстрее, чем их честность.

Дуны привезли с собой несколько женщин благородного происхождения и имеющих собственные, пусть и небольшие, деньги, но потом начали похищать и местных девушек — дочерей окрестных земледельцев. Сначала невесты никак не могли смириться со своим положением, но время шло, они привыкали и становились верными женами и рожали детей. Как мне кажется иногда, женщинам всегда нравятся сильные мужчины, за которыми слабый пол может чувствовать себя как за каменной стеной.

Надо сказать, что хоть наш род и состоит из настоящих богатырей, но в среднем поставьте в ряд с полсотни мужчин, и лишь один из них сможет состязаться с Дунами по красоте и мощи телосложения. Так что в смысле привлекательности Дуны, конечно, выигрывали перед моими земляками, хотя и мы кое-что умели и в случае чего могли дать им достойный отпор. Однако женщины почему-то останавливали свой выбор на них. Я не могу пожаловаться ни на свой рост, ни на силу, но за свои слова отвечаю, ибо многое повидал в этой жизни.

Скорее всего, им действительно приходилось туго поначалу, но если бы все дружно воспротивились, когда Дуны впервые вышли на большую дорогу, возможно, их «ремеслу» и настал бы конец. Но и землевладельцы, и крестьяне, и пастухи наивно считали, что раз уж кого-то ограбили, то, видать, человек он сам был нечестный. Кое-кто ворчал себе под нос, не соглашаясь с ними, а другие просто посмеивались и отшучивались. Короче, никто не предпринимал решительных действий, чтобы прекратить все эти безобразия.

Вскоре слух о Дунах разнесся по округе, а их деяния зашли так далеко, что соседям стало уже не до смеха, и при одном упоминании имени «Дун» женщины хватили младенцев в охапку и прижимали к груди, а мужчины бледнели и затихали. Получилось так, что сыновья и внуки сэра Энзора Дуна выросли вне закона и были воспитаны в духе презрения и ненависти к ближнему и жестокой грубости по отношению к бессловесным тварям Господним.

Единственное, что считалось в их роду хорошим качеством, так это то, что все свои традиции и веру они неизменно передавали потомкам. Правда, тем страшнее становились они для окружающих, ибо одним из правил была кровная месть каждому, кто осмелился бы поднять руку на члена клана Дунов. Однажды, вскоре после моего рождения, Дуны грабили под покровом ночи дом богатого сквайра. Хозяин выстрелил только раз, ранив одного из разбой-

ников, но об этом поначалу никто даже и не догадался, кроме самого раненого. Дуны не стали убивать ни мужчин, ни женщин и даже сжигать сам дом, но на обратном пути в свое логово один из банды вдруг упал с коня и умер. Юноша никому не сказал, что в него угодила пуля, а возможно, и сам, не обратив внимания на рану, медленно погибал от внутреннего кровотечения. Его братья аккуратно положили умершего в заросли черники, а сами вернулись в селение, туда, где был смертельно ранен их соратник. Они не оставили в живых ни одного человека, ни мужчину, ни женщину и спалили дом. Чудом уцелел один ребенок, который после этой ночи лишился рассудка.

Эта трагедия многому научила моих земляков. Самые осторожные и рассудительные решили просто не вмешиваться в дела Дунов и не попадаться им на пути, тем более, что к тому времени их клан набрал силу, так что войти беспрепятственно на их территорию смог бы, наверное, только полк хорошо вооруженных и обученных солдат, да и то с большим трудом, как вы в этом убедитесь позже...

Кроме прекрасно защищенной крепости, Дуны тщательно подбирали и своих людей. Каждый из них по праву считался великаном — высокий, стройный, весом под сто килограммов. Всех сыновей и внуков как самих Дунов, так и их челяди по достижении 24-летнего возраста подвергали необычной проверке. Босыми ногами юноша должен был встать в дверном проеме дома самого сэра Энзора. Нормой считалось, если головой молодой человек достигал притолоки, а плечами упирался в косяки. Если же юноша не подходил под этот стандарт, то его с позором выкидывали в ущелье, с тем, чтобы тот (если, конечно, по капризу судьбы он выживет) как может, влачил свое жалкое существование. А дверь эта в высоту имела под два метра и сантиметров шестьдесят в ширину. Правда, мне достоверно известно, так как я знал многих из них, что из всех потомков Дунов (не считая, конечно, советника, которого держали за мудрость) только двое или трое не смогли пройти эту жестокую проверку и были предоставлены своей судьбе.

Впрочем, лично меня такое испытание не страшило, ибо, если бы Дуны решили привести меня к той двери, когда мне исполнилось двадцать, я бы вынес ее вместе с косяком, но я скорее исключение среди наших жителей, которые, конечно, значительно уступали Дунам. К тому же все в их клане были превосходными стрелками и попадали из карабина кролику в голову за семьдесят метров, даже мальчики. Некоторые из вас могут похвастаться и лучшими результатами, но только Дуны стреляли так метко и с плеча, и навскидку. Я, например, не верю в легенды о Робин Гуде, где описывается, как он расщеплял стрелой очищенные от коры веточки на расстоянии полутора сотен метров. Тот, кто сочинял эти сказки, и не представляет себе, что стрела, даже попав в такую палочку, не расщепит ее, а соскользнет в сторону. Пусть он самолично возьмет лук и попробует проделать подобный опыт, отойдя метров на десять от цели, или даже на пять.

Итак, если вы внимательно прочитали все то, что изложено здесь, вы уже имеете представление о Дунах, хотя я рассказал далеко не все, а только то, что мне особенно запомнилось. Теперь вы поймете, почему никто не обратился к правосудию по поводу смерти моего отца. Нам частенько приходилось возвращаться домой в темноте, и кто знает, что могло случиться, попадись нам по дороге жаждущий мести сын или внук Дуна...

Поэтому мы тихо и без лишнего шума похоронили отца на небольшом церковном кладбище Оара, рядом с которым протекает река Линн. Мать, конечно, голосила и причитала, остальные держались более или менее спокойно. Могил на кладбище было не так и много, поскольку всю местность занимают либо крестьянские угодья, либо болота, а население здесь невелико. Если мы хоронили кого-то раз в три года, то потом вспоминали об этом событии месяцами, и похороны на долгое время служили главной темой для разговоров — до следующих похорон.

Энни на кладбище не пустили, потому что она ужасно рыдала. Ее оставили дома, и она смотрела из окна, не переставая реветь, как отбившийся от стада теленок. Элиза пошла вместе с нами, но она не проронила ни единой слезинки. Да и сам обряд похорон ее скорее удивил, чем опечалил, поскольку ничего подобного она в жизни своей еще не видела. Бедняжка, она была просто еще очень мала и не понимала, слава Богу, что это значит — потерять отца.

Глава 6

Необходимая практика

Я мало что помню о событиях той зимы, скажу только, что мне очень не хватало отца, особенно когда дело доходило до охоты или обучения пастушьих собак. Я частенько с завистью смотрел на отцовское ружье, которое давным-давно нашли в море близ Гленторна и которым он очень гордился, хотя это был всего-навсего старинный мушкет. Я вспоминал, как держал фитиль, пока он прицеливался в кроликов, а один раз нам даже попался олень, кормившийся в кустах. Но тогда я зря надеялся, что мне удастся пострелять. Уже гораздо позже я увидел, что Джон Фрэй решил снять мушкет со старой полки, где отец оставил его, и, увидев, как небрежно Фрэй обращается с оружием, я чуть не расплакался от обиды.

— Не повезло твоему отцу, Джон, — начал Фрэй, — Была бы эта штукавина с ним, вместо того чтобы пылиться в сарае, он бы так просто не достался этим негодьям. Ты только посмотри, какой огромный ствол. Да ты чего раскис, малыш? Да, зря я завел эту беседу...

— Джон Фрэй, я вовсе не раскис. Вот ты сейчас ухаживаешь за Энни, а я вспомнил, что зимой, когда я кашляю, отец всегда дает мне сладкий ликер. То есть, я хотел сказать, раньше давал... Послушай, Джон, дай мне подержать мушкет.

— Тебе? Да ты знаешь, сколько весит это ружье? У тебя и силенок не хватит взгромоздить его на плечо. Я и сам-то его с трудом поднимаю! — проворчал Фрэй.

— Да его и не надо держать на плече, Джон. Видно, ты ничего не понимаешь в оружии. Осторожней, не заглядывай в дуло, может быть, мушкет заряжен, — предупредил я.

Джон Фрэй отпрыгнул в сторону с такой скоростью, которую он редко проявлял, работая в поле. Я примостил мушкет на деревянной подставке и, поглаживая ствол, ощутил полную уверенность и безопасность. Ведь сейчас я мог разнести в щепки дверь сарая или, по крайней мере, проделать в ней солидную дыру. Правда, Фрэй наотрез отказался дать мне фитиль, но, с другой стороны, я даже был рад этому, поскольку вспомнил слова отца, который уверял, что отдача у мушкета похожа на удар лошадиного копыта. Хотя потом я понял, что если ружье хорошо зарядить, то отдача не так уж и велика, даже когда стреляешь с плеча. Но толщина металла действительно могла удивить даже знатоков, а история самого мушкета еще более занимательна, если, конечно, ее пересказывают без вранья. Впрочем, людям свойственно ошибаться. А может, так оно и есть на самом деле. Так вот, у нас в семье все были убеждены, что этот древний мушкет принадлежал какому-то благородному испанцу, капитану корабля из флота Непобедимой Армады, которую Англия все-таки сумела покорить с помощью Господа Бога и благоприятствующей погоды около века тому назад.

Когда Джон Фрэй убил крысу из мушкета моим единственным зарядом, который я берег как зеницу ока, то я подумал и решил, что пора и мне учиться стрелять из приличного оружия, поскольку мушкетон, принадлежащий Джону, больше напоминал колокольчик, привязанный к палке. Конечно, лучшей целью для начинающего стрелка были бы вертящиеся крылья мельницы, но в наших местах не строят ветряных мельниц, зато на болотах есть несколько заброшенных амбаров, и никто не станет сердиться, если я начну стрелять по их дверям. А если хорошенько зарядить ружье и, плотно прижавшись щекой к прикладу, прицелиться, ничего при этом не боясь, вполне возможно попасть в дверь такого амбара. Постепенно я освоился и послал почти весь свинец, украденный с порога нашей церкви, в амбарную дверь, о чем я впоследствии горько сожалел, особенно, когда меня выбрали церковным старостой. А с другой стороны, я прекрасно понимал всех мальчишек, которые тоже покушались на этот свинец.

Долгое время я бродил по горам или полям, принадлежавшим отцу, постоянно думая о нем. Я вспоминал отца, даже беседуя с Джоном Фрэем или с матерью, которая тяжело пере-

живала потерю мужа. Иногда мать заходила к служанкам и начинала заново рассказывать, какого доброго и справедливого хозяина они лишились. Но ее уже никто не слушал, потому что девушки мечтали о своих возлюбленных, и тогда она жаловалась на свою участь курам, но те тоже лишь кудахтали да занимались своими делами. Мать считала прислугу эгоистичной и нечуткой, а сама втайне гордилась, что осталась верной мужу и после его смерти. Энни тоже частенько выходила из дома на пасеку и там в амбаре, где зимовали пчелы, забивалась в уголок и тихо плакала. Она никого не хотела видеть в такие минуты и оставалась один на один со своим горем. Несколько раз я заставал ее там в слезах, но мои попытки утешить сестричку кончались неудачей, так что потом я бросил эту затею, а только приходил к ней, чтобы спросить, скоро ли будет обед.

И вот где-то в середине декабря, когда отец лежал в могиле уже две недели, я обнаружил, что мои запасы пороха иссякли, и мне нечем будет стрелять, чтобы отомстить за отца. Кстати, при каждом выстреле я повторял про себя: «Это вам, убийцы!» и при этом корчил такие гримасы, что Джон Фрэй приходил в ужас и удивлялся, как ружье не дает осечки. Мне действительно было трудно с ним управляться, потому что я мог его держать, только оперевшись спиной в стену сарая, но зато мне было приятно слышать выстрелы, и я каждый раз представлял себе, что пуля попадает во врага.

В тот день я подошел к матери и, не дожидаясь, пока она начнет свое обычное «Ах, Джон, ты становишься похожим на отца как две капли воды, подойди же ко мне и поцелуй меня», я заговорил первым:

— Мамочка, мне очень нужен шиллинг, дорогая моя, мне очень надо!

— Сынок, — ответила она, — пока я жива, ты никогда не останешься без шиллинга, только скажи мне, зачем тебе понадобились деньги?

— Мне надо кое-что купить в Порлоке, мамочка. Может быть, я расскажу тебе потом, что именно. А если и нет, то только ради твоего же спокойствия и благополучия.

— Благослови Господь этого мальчика! — воскликнула мать. — Он рассуждает, как зрелый мужчина. Ну, хорошо, сынок, поцелуй меня, и я дам тебе шиллинг.

В те времена я еще не любил целоваться, и это вполне естественно для мальчика моего возраста. Но мне очень нужен был порох, поэтому я подошел к матери и быстро чмокнул ее в щеку, поглядывая в сторону Бетти в надежде, что та ничего не заметит.

Мать же успела поцеловать меня раз пять или шесть, и за все я получил один-единственный шиллинг. У меня не хватило смелости попросить еще денег, хотя они бы мне, конечно, не помешали. Я выскочил из дома с шиллингом в кармане, вывел Пэгги из конюшни и, не сказав никому ни слова, помчался в Порлок. Мать боялась этой дороги, где каждое дерево казалось ей разбойником, и она все равно не отпустила бы меня одного.

Говоря по правде, я и сам долгие годы побаивался ездить в Порлок, и даже сейчас, если мне встречается кто-нибудь на том самом роковом месте, где убили отца, я чувствую себя весьма неуютно. Но тогда я был бесстрашен, тем более, что я захватил мушкетон Джона. Я вглядывался в каждый куст, но по пути мне попадались только овцы, коровы и иногда олени. Влетев в Порлок, я тут же отправился к господину Пуке, безошибочно отыскав его по вывеске «Вертел и Решетка».

Господин Пуке дремал, поскольку у него сейчас не было посетителей. Я привязал Пэгги во дворе у жаровни, и она тут же начала отфыркиваться и бить копытом после быстрой скачки. Я вошел в дом как настоящий мужчина, держа в руках мушкетон Джона Фрэя.

Тимоти Пуке был человеком миролюбивым и спокойным, ни с кем никогда не ссорился, а я выглядел уже тогда довольно внушительно и грозно. Открыв глаза и завидев меня, Тимоти спрятался за прилавком, а потом высунулся оттуда, держа над головой сковороду, будто к нему пришли сами Дуны с целью грабежа, поскольку они как раз любили совершать налеты после

ярмарочного дня вечером. Мне было и странно, и приятно одновременно, что кто-то ошибочно принял меня за разбойника.

— Приветствую вас, господин Пуке, — начал я так вежливо, как нас учили в Тивертоне. — Неужели вы думаете, что я не умею обращаться с оружием? Вот если бы я заявился сюда со старинным испанским мушкетом, который стреляет за десять миль и еще ни разу не дал осечки — вот тогда можно было бы испугаться. Так что я могу даже наставить дуло прямо на вас и стоять так хоть целый час, и ничего не случится, если, конечно, я не нажму на спусковой крючок, вот так, только немножечко посильней, господин Пуке.

— Ради всего святого, Джон Рид, не надо этого делать, — взмолился Тимоти. — Опустит, прошу тебя, свое ружье, и я дам тебе все, что только есть в моем магазине.

— Ладно, — согласился я и мотнул дулом так, что с полки полетели все свечи, — просто сейчас у меня руки замерзли, я долго скакал по болотам, — а иначе я запросто мог бы простоять целый час, и ничего плохого не произошло бы. Я прекрасно владею оружием.

Но несмотря на все заверения, господину Пуке захотелось как можно скорее избавиться и от меня и от моего ружья. Надо сказать, что никогда я больше не покупал такого дешевого пороха, как в тот день. Всего за один шиллинг Тимоти выдал мне два мешочка пороха, да таких, что они не уместились у меня в карманах, и впридачу огромный кусок свинца. Все это я положил на спину Пэгги и надежно прикрутил веревкой. Но и это показалось несчастному Пуке недостаточным, и он добавил от себя большой пакет со сладостями для Энни, доброта и милость которой покоряли всех в округе.

День клонился к вечеру, когда я тронулся в обратный путь, размышляя по дороге, волнуется ли мать из-за моего отсутствия, или, дай Бог, она ничего не заметила. Мешки с порохом так сильно бились друг о друга, что я испугался, как бы они не взорвались от трения, а тогда бы я точно свалился через голову лошади со своего шерстяного подседельника. Надо сказать, что отец всегда клал на спину лошади шерстяной плед, когда отправлялся в дальний путь, чтобы в случае чего использовать его или как попону для коня, или укрыться самому. Отец считал, что седло — это излишнее баловство и предназначено для слабых и ленивых, поэтому никто из наших работников — ни стар ни млад — никогда не пользовались седлами, опасаясь, что хозяин, прознав про это, просто выгонит их. Сам я только один раз попробовал проехать на лошади под седлом ради любопытства, а потом целых два дня с трудом мог передвигаться — до такой степени натер себе ноги.

Итак, я мчался вперед. Пэгги всхрапывала, выпуская каждый раз маленькое облачко пара. Вскоре вышла луна, и мне стало поспокойнее, я перестал оглядываться на каждое подозрительное дерево. И тем не менее я был готов выстрелить в любого, кто преградил бы мне путь, поскольку верил в свои силы и умение владеть мушкетом. Когда мы проезжали то памятное место, где Дуны убили отца, сердце мое замерло от страха, я закрыл глаза и крепче прижался к шее Пэгги. Но там никого не оказалось, и вскоре мы подъехали ко двору. Мать громко плакала, а Бетти Максворти ворчала в углу, занимаясь своими делами.

— Пошли со мной, — шепнул я Энни сразу после ужина, — и если будешь держать язык за зубами, я кое-что тебе покажу.

Она так проворно соскочила со скамьи, раскрасневшись от радости из-за оказанного ей особого доверия, что Бетти бросила на нас сердитый взгляд. Ей почему-то показалось, что я припрятал кое-что в шкафу за часами, и когда я отрицательно покачал головой, сомнения ее не только не рассеялись, но, напротив, возросли. Она не могла уличить меня во лжи, поскольку я всегда говорил только правду и ей, и матери, и возлюбленной, когда она вошла в мою жизнь. Нет, просто Бетти была женщиной пожилой, давным-давно она вышла замуж за садовника, и тех пор убедилась в том, что все мужчины от рождения до смерти неисправимые лжецы, а женщины, обращающие на них внимание — просто дуры.

Так и не найдя ничего в шкафу, Бетти оттолкнула меня к двери, а сама подошла к Энни и, ласково называя ее «госпожа Энни», стала гладить ее по длинным волосам, что-то нашептывая на ухо. Мать уже засыпала, изнервничавшись за меня, а отцовская любимая собака по кличке Кусай уютно пристроилась у нее в ногах.

— Энни, ты идешь со мной? — нетерпеливо спросил я, потому что она нужна была мне, чтобы держать ковшик для расплавленного свинца. — Если нет, тогда я позову Лиззи, и покажу ей то, что обещал тебе.

— Нет-нет, — заволновалась Энни. — Ты так не поступишь, Джон. — Лиззи ничегошеньки еще не понимает, она даже бульон как следует сварить не может, и ей все равно, что ветчина, что язык — лишь бы было вкусно, правда, Бетти? Какой толк в том, что она учится читать книги?

— Слава Богу, что этого нельзя сказать про меня, — проворчала Бетти. Она вступала в спор только тогда, когда была уверена в своей правоте. — Каждое утро я славлю Господа за то, что он вел меня правильным путем. Все мужчины лжецы, а образованные люди — тем более. Но самое опасное — это книги. Простаки верят всему, что там написано, хотя в основном в книгах — одни выдумки. Да простит Бог тех, кто читает их!

Бетти упрямо верила в то, что человек должен жить сердцем, а не печатным словом. Она сама не умела читать и никогда не хотела учиться. Бетти считала, что книги обманывают, как колдуны — в них все ненастоящее. И даже образованность пастора не могла переубедить ее. У нас на ферме она прожила лет сорок. Бетти нянчила еще моего отца, шила для него одежду, готовила еду, а потом сама одевала его для похорон. Поэтому она пользовалась огромным авторитетом и никто бы не осмелился ей перечить.

Энни была ее любимицей. Ради Энни Бетти была готова на все, даже на улыбку, когда ее маленькая хозяйка начинала хохотать или танцевать. Не знаю почему, но Энни у всех в душе вызывала только добрые чувства. Она казалась такой очаровательной, милой и безобидной, что невольно хотелось погладить ее по детской головке. В ее голубых глазах светилась радость от того, что ей удалось сделать кому-то приятное. Она научилась прекрасно готовить именно потому, что получала наслаждение, смотря на довольные лица всех, кто попробовал ее угощение. Я многое повидал на этом свете, в чем вы позже убедитесь, но ни один человек, встречавшийся мне на пути, не мог сравниться с Энни по душевной доброте.

Глава 7

Опасный подъем

Долгие зимние вечера мы провели вместе с Энни. Шипели блестящие круглые пули, скачиваясь в воду, а рядом сестра поджаривала мне большие красные яблоки на сковороде. Мы ютились на маленьком чердачке над кухней, куда поместились стол и два стула, несмотря на то, что почти все пространство занимала труба. Направо стояла духовка, где Бетти грозилась нас испечь, когда мы шалили, а справа коптились свиные окорока, которые постепенно меняли цвет с розового на коричневый. Бекон делался из самых любимых и откормленных свиней, которых Энни помнила по кличкам, иногда подходя к ним в момент лирического настроения и даже спрашивала каждую свинью, как ей живется и когда именно ей хочется быть съеденной. Возвращалась она в слезах и я, тронутый ее заботой, в знак солидарности клялся, что не приронусь больше к бекону.

Но, конечно, это были только слова, ведь каждое утро за завтраком, после трехчасовой прогулки по болотам, я забывал о своей клятве и с удовольствием налегал на аппетитные ломтики свинины. У нас любят хорошо поесть, как, наверное, и во всей Англии. Ведь кто хорошо ест, тот хорошо работает, и сам воздух наших просторов способствует приятным воспоминаниям о прошлом и вдохновляет на подвиги в будущем. Поэтому, когда вы садитесь за стол, вы готовы съесть все, что бы вам ни подали.

Все в нашей округе знают прелесть окрестностей фермы Бэрроуз. Темные горы, могучие и безлюдные, возносят вершины к самому небу, а около нашего дома их сменяют долины, манящие своим теплом и уютом. Зеленеет трава, а в фруктовых садах деревья растут так густо, что вы не сразу заметите ручей, а скорее услышите, как весело журчит вода. Широкий ручей течет и по территории нашей фермы, в паводок он начинает бурлить, но в другое время Линн спокойно несет свои воды, сверкая и переливаясь на солнце. Ниже по течению, мили через две, в Линн впадает речка Бэгворти, и ширина реки становится весьма значительной. Линн постепенно набирает силу у подножья безлесной горы и уходит дальше к скалам, а оттуда снова в леса, где теряется в зарослях, образуя заводи.

По всей реке можно наловить много рыбы, но чем дальше забредешь, тем крупнее попадется добыча. Частенько летом, когда мать отпускала меня с фермы на несколько часов, мы с Энни налавливали по целой корзинке мелкой форели и пескарей. В качестве наживки мы пользовались либо червем, либо мухой.

Из всего того, чему меня учили в Блюнделе, я усвоил только две вещи: страсть к рыбной ловле и умение плавать. Надо заметить, что обучение детей плаванию проводилось весьма жестоким способом. Старшеклассники брали с собой малышкой и начинался процесс, который они сами в шутку называли «купание ягнят». На лугу недалеко от школы была большая заводь на реке Лоуман, где она сливается с ручьем Тонтон, поэтому ее так и называли «заводь Тонтон». Сначала река течет ровно и довольно быстро, а потом неожиданно сворачивает, и там, где в нее впадает ручей, берег глинистый, достигает высоты полутора метров и более, а на противоположной стороне — плоский, покрытый галькой и очень удобный для выхода. Итак, старшеклассники брали в охапку визжащих и сопротивляющихся малышкой и волокли их на крутой берег. Там им приказывали раздеваться до бриджей. Малышки, стоя на коленях, молили о пощаде, но тщетно. Тем более, что старшие хорошо знали — такие уроки будут только на пользу. Одного за другим мальчиков бросали с берега в воду. Сначала они, разумеется, шли на дно, а потом выныривали, барахтаясь и отплеываясь. Зрелище, уверяю вас, довольно приятное, тем более, что все мы знали, что бояться тут нечего — поток все равно вынесет на гальку. Меня пришлось бросить всего один раз, потому что жалкий Лоуман — ничто по сравнению с

нашей могучей Линн. Тем не менее, по-настоящему плавать я научился именно в школьные годы, как и все другие мальчики. Самое главное было усвоить, что это необходимо и ты должен суметь выплыть. Я с детства любил воду и не могу без нее долго обходиться, но даже те ребята, которые испытывали к ней отвращение от природы, научились плавать только тогда, когда их в течение года или двух подвергали этому испытанию.

Но вернемся к рассказу. Хотя Энни всегда сопровождала меня на рыбалку, причуды Линн ей не были страшны. Если она не могла перепрыгнуть речушку или пройти по камушкам, приподняв юбку, я просто переносил ее на руках. Мы излазали Линн вдоль и поперек, но почему-то получилось так, что мы никогда не бывали в тех местах, где Линн сливается с Бэгворти. Мы слышали, что рыбы там гораздо больше, почти столько же, сколько гальки на берегу, и мечтали исследовать эти дикие места, куда даже коровы не ходили на водопой. Не могу сказать, боялись ли мы этих мест, потому что много лет прошло с той поры, но отрицать не стану, потому что Бэгворти вытекает из долины Дунов, где-то примерно через милю от устья.

Но когда мне исполнилось четырнадцать лет, я надел новые бриджи, синие вязаные гетры и решил исследовать Бэгворти. И вот по какому поводу.

Моя мать захворала, а мы больше всего волнуемся, когда наши близкие теряют аппетит. Я вспомнил, что как-то раз на праздник принес дорогой маме целый кувшин маринованных гольцов, которых я сам наловил в Лоумане и сварил в уксусе с перцем и лавровым листом. Она еще тогда сказала, что не пробовала в жизни ничего более вкусного. Может быть, это было сказано из вежливости, а может, ей рыба на самом деле понравилась, во всяком случае и все другие, кто пробовал моих гольцов, хвалили их. Так или иначе, я решил наловить рыбы и замариновать ее тем же способом, чтобы мама хоть немного поела.

Уверен, что далеко не все из вас знают, что такое голец, где он водится, как его нужно ловить и как правильно приготовить. Я не буду рассказывать все об этой замечательной рыбке, иначе голец исчезнет из наших рек раз и навсегда. Ведь гурманов-то много! Маринованные пескари тоже приятны на вкус, но, тем не менее, не идут, ни в какое сравнение с гольцами.

Итак, решившись во что бы то ни стало, наловить рыбы, я вышел из дома в день святого Валентина, не сказав никому ни слова. Шел 1675 год, а может быть, это случилось и в 1676, точно не припомню. Энни не пошла со мной, потому что вода была еще слишком холодна. Зима выдалась длинная, и кое-где еще лежал снег. Но весна постепенно наступала, и ее теплое дыхание говорило само за себя.

Странно, почему до сих пор я помню такие мелочи! Тогда я даже не обращал внимания на подобные пустяки. А теперь, будто старик, протирающий очки, я вновь возвращаюсь в детство.

Но как бы стар я ни был, я никогда не забуду, какая холодная вода была в реке в тот день. Но я смело снял башмаки, чулки, положил их в сумку, висевшую у меня на шее, закатал рукава рубашки почти до плеч и взял в руки трехзубую острогу. Стараясь представить себе, насколько тепла вода, я шагнул вперед к берегу, покрытому галькой. Я прошел почти милю вниз по течению, поднимая каждый камень, поскольку мне хорошо были известны повадки гольцов. Эти хитрецы, похожие на крапчатые камушки, знают, что их в реке почти незаметно, и могут подолгу оставаться на одном месте, при этом даже не шевеля хвостом. Когда же вы его чем-то побеспокоите, он сразу уплывает прятаться в камни, высовывая оттуда одну лишь голову, либо зарывается в песок так, что снаружи торчит только спинной плавник. Именно в этот момент вы и накалываете его на острогу.

А если голец прячется в своей норке, то его можно спугнуть, бросая в воду гальку. Встревоженный непонятным движением воды, голец сам выплывет вам навстречу, чтобы поискать новое убежище. Вот тут надо быть весьма осторожным, чтобы проследить, куда он спрячется на этот раз. Рыбка прекрасно видна на песке, только подходить к ней нужно очень осторожно. И вот пальцы ваши начинают дрожать в предвкушении добычи, вы подкрадываетесь, и тут —

увы! — в самый неожиданный момент голец уплывает, как призрачная тень, оставляя после себя лишь небольшой песчаный вихрь.

И вот тем ясным прохладным днем я продвигался вперед с твердой целью — добыть побольше рыбы. Казалось, даже мальки почувствовали, что я прибыл к ним в роли разрушителя, ибо человек скорее способен уничтожать, нежели создавать. Если корова подойдет к воде и начнет пить, или зимородок голубой стрелой пролетит над сверкающим потоком, а потом сядет поблизости на сук, зарыв свой длинный клюв в грудку, или даже если выдра проплывет по ручью и пристроится где-нибудь у берега, поглядывая на мир своими маслянистыми глазами, — никакой паники в животном мире это не вызовет. А вот если к реке приблизится человек...

Только не подумайте, что я знал обо всем этом в детстве. Зато меня распирало чувство гордости тем, что я навожу ужас на всю округу, потому что и сам бы испугался, если бы кто-то из зверья приблизился ко мне. Конечно, приятно смотреть на величественные деревья, ожидающие прихода весны и на серебряный поток воды, но только ни один мальчик не станет рассуждать о подобных вещах (если, конечно, он не родился поэтом).

Я прошел уже мили две, не поймав ни одной рыбки. Когда же ноги мои сводило судорогой от ледяной воды, я выходил на берег, чтобы растереть озябшие мышцы. Через некоторое время после безуспешных попыток поймать хоть одного гольца, я наткнулся на незнакомый ручей. Вода в нем была куда чище, чем в нашей Линн, но текла медленнее и выглядела привлекательнее. Я остановился в раздумье, но так как пальцы на ногах уже ныли от боли, я решил разогнать кровь, походив на берегу по крапиве, а заодно и перекусить.

Итак, передо мной стоял нелегкий выбор. Я жевал хлеб, испеченный Бетти, заедая его тонкими ломтиками бекона, и рассуждал. Если я приду домой и скажу Энни, что не сумел поймать гольцов, она очень расстроится. С другой стороны, мне было немного боязно исследовать реку Бэгворти, которая текла по территории Дунов. Ведь я был еще мальчуганом, как вы помните.

Но чем больше я ел, тем больше набирался храбрости. Я вспомнил об отце и о том, что он сотни раз говорил мне: «Никогда не будь трусом, сынок». Постепенно я согрелся, и мне стало стыдно за себя. «Если отец сейчас смотрит на меня, он поймет, что я не трус», — подумал я. И тут же повесил свою сумку на шею, закатал бриджи выше колен, приготовившись путешествовать по реке более глубокой, чем Линн, и смело зашагал вперед в сторону Бэгворти.

Эта река оказалась более спокойной, но слишком извилистой. Ветви деревьев иногда переплетались над моей головой, образуя тоннели, и становилось темно, а на безлесых участках вода сверкала на солнце, и виден был каждый камушек на дне.

И хотя мне казалось, что каждый шаг может быть последним и что я не вернусь домой вовсе, постепенно я успокоился, потому что в Бэгворти оказалось полным-полно всякой рыбы — и гольцов, и форели, и пескарей. Некоторых я удачно насаживал на острогу, других загонял на берег и ловил уже на отмели. Если вы когда-нибудь ловили рыбу, то поймете мой азарт. Я совершенно забыл о времени и возможной опасности, а гонялся за рыбешками, издавая победный клич всякий раз, когда мне попадалась крупная добыча.

На мой крик откликалось эхо, да иногда вспархивали перепуганные птицы. Вскоре я заметил, что зашел довольно далеко, и деревья над головой стали почему-то темными и грозными, и тогда мне почудилось, что в этом страшном месте, чего доброго, меня съедят рыбы вместо того, чтобы их ел я сам.

Вода стала нестерпимо холодной, ноги заныли, и в этот момент я вышел к черной заводи, наполовину покрытой снегом, как мне показалось вначале. Однако, приглядевшись получше, я понял, что это была всего-навсего белая пена.

Я прекрасно умею плавать и не боюсь никакой глубины, однако тогда у меня не было ни малейшего желания нырять без раздумья в эту заводь, тем более, что я успел изрядно про-

дрогнуть. Один вид этой темной воды остановил бы любого даже в теплый солнечный день, хотя я сильно сомневаюсь, чтобы солнечные лучи когда-нибудь проникали сюда. Кроме того, меня напугал не только вид темной воды, но и то, что в центре заводи было совсем тихо, а по краям вода бурлила и, пенясь, образуя водовороты.

Но вскоре я понял, отчего это происходит. Я услышал рокот, и там, где заводь оканчивалась крутой скалой, прямо навстречу мне катился переливающийся поток воды, с обеих сторон сжатый скалами, словно высоким забором. Вода шла сверху, плавно перекатываясь, будто по громадной черной лестнице, со ступеньки на ступеньку.

Зрелище было и красивым, и пугающим одновременно, потому что подняться по такой «лестнице» казалось невозможным — ведь там не было перил. Мне ужасно захотелось очутиться дома рядом с Энни. Я даже представил себе, как она готовит ужин, а наша собака Кусай вертится вокруг меня и обнюхивает богатый улов. Но одни только мечты не приносят результатов, как я уже давно выяснил для себя. Теперь мне надо было решить, как поступить дальше.

И тогда я сказал себе: «Джон Рид, эти деревья, заводи и черные скалы, похоже, и в самом деле сделали тебя трусом. Неужели ты так и вернешься домой, не доказав, что ты настоящий смельчак?»

Может быть, не только чувство стыда заставило меня решиться на подвиг. Дело в том, что, как каждый любознательный мальчик, я вдруг ощутил прилив храбрости. Мне страшно захотелось заглянуть наверх и выяснить, что же там находится и почему вода так странно течет вниз.

Итак, я поднял бриджи повыше и переставил ремешки на одну дырочку. Может быть, застежки немного растянулись от воды либо мои ноги от холода уменьшились в размерах. Проверив, надежно ли устроена сумка с добычей у меня на шее, я не стал больше рассуждать, а направился к тому месту, где из воды выступал большой камень, и сразу же шагнул в пенящийся поток, который напоминал гриву скачущего коня.

И тут коварная черная заводь чуть было не поглотила меня, и если бы не моя верная острога, я бы мог погибнуть. Поскользнувшись на водорослях, я потерял опору и ударился головой о камни, едва успев подумать о матери и сестрах. Удар был настолько силен, что мог бы вышибить мои мозги, которых, наверное, и так было немного. Но моя острога тут же впилась в узкое отверстие между камнями, поток холодной воды еще раз плеснул в лицо, и я собрался с мыслями.

Не спеша, чтобы не упасть еще раз, я поднялся, опираясь на острогу, очень аккуратно выбирая место для следующего шага. Но, оглядевшись вокруг, я понял, что теперь мне не остается ничего другого, как только карабкаться вверх по необычной лестнице, иначе меня смоеет очередной волной в страшную черную заводь. И тогда я прочитал молитву (единственную, которую знал наизусть), и, тяжело вздохнув, опираясь на острогу, начал свой опасный путь наверх. Мне казалось, что падающая вода передо мной простирается на полмили, но, как потом выяснилось, мне пришлось путешествовать на высоту всего двухсот метров. Камни под ногами оказались скользкими, поток воды мешал продвижению, но, так как другого пути не оставалось, страх наконец покинул меня.

Вода была неглубокой, едва доходя до щиколоток, и я прекрасно видел свои ноги, когда останавливался, чтобы хоть немного отдышаться. Постепенно я осмелел и даже внутренне гордился тем, что, возможно, я первый из людей, кто совершает столь трудный подъем. А когда я вспомнил отца, то и боль в ногах стала утихать.

Я смело шагал вперед, не подозревая, что главная опасность подкарауливала меня как раз там, где я меньше всего ее ожидал. У самой вершины меня подстерегла волна скользких водорослей, я оступился и снова ударился о камни, да так, что чудом не вывихнул себе ноги. Некоторое время я только стонал от боли, пытаюсь удержаться на месте и не скатиться вниз. Я

успел ухватиться рукой за выступ в скале и тогда, поднявшись, продолжал свой путь намного осторожнее.

Цель моя была близка, и вот, совершив последнее, почти нечеловеческое усилие, я оказался в том месте, откуда спускался поток. Я не осмеливался оглянуться назад. Мне хотелось умереть, чтобы не чувствовать изнуряющей боли в ногах, все тело ныло, сердце бешено колотилось, и я стал задыхаться. Но только было бы очень обидно умирать именно сейчас, когда цель достигнута и все самое страшное уже позади. Я шагнул вперед, набрал полную грудь воздуха и потерял сознание.

Глава 8

Мальчик и девочка

Когда я очнулся, то увидел в сжатых кулаках пучки зеленой травы. Какая-то девочка стояла подле меня на коленях, усердно вытирая мне лоб поочередно, то листом шавеля, то своим носовым платком.

— Я так рада, что тебе лучше, — прошептала она, как только я открыл глаза.

Никогда еще я не слышал такого прекрасного голоса, исходящего из маленьких алых уст. Я не мог произнести ни слова, а только смотрел в ее огромные темные глаза, полные сочувствия и удивления. Ее длинные шелковистые волосы спадали вниз до самой земли. Я проследил за этим нежным водопадом и увидел вплетенную в черные локоны примулу, похожую на яркую звездочку в бархатной ночи. Много времени прошло с тех пор, но стоит мне увидеть примулу, как я снова вспоминаю об этой девочке. Возможно, ей понравилось мое открытое лицо, по крайней мере, мне очень захотелось, чтобы это было именно так. Потом она говорила мне, что я сразу привлек ее внимание, но тогда она была слишком мала, чтобы заметить это.

Я собрался с силами и сел, но все равно боялся сказать хоть что-то, поскольку прекрасно знал о своем деревенском выговоре и боялся, как бы это не испортило впечатления обо мне. Но она только захлопала в ладоши и несколько раз обежала вокруг меня, словно перед ней сидел не мальчик, а какая-то редкая игрушка.

— Как тебя зовут? — поинтересовалась она, словно имела на это право. — Что ты тут делаешь и что там у тебя в мокрой сумке?

— Оставь сумку в покое, там только гольцы для моей мамы, — нехотя отозвался я. — Но я могу с тобой поделиться, если хочешь.

— Боже мой, как ты печешься о них! Это же самая обыкновенная рыба. Но посмотри, у тебя же все ноги в ссадинах! Хочешь, я перевяжу их? А почему у тебя нет ни гетр ни башмаков? Твоя мама, наверное, очень бедная?

— Нет, — тут же ответил я, удивленный ее словами. — Мы достаточно богатые и можем купить даже этот луг, если захотим. А вот мои гетры и ботинки.

— Да они же мокрые. Но мне так больно смотреть на твои ноги, давай, я их все-таки перевяжу.

— Пустяки, дома я смажу ссадины гусиным жиром. А почему ты так странно на меня смотришь? Меня зовут Джон Рид, а тебя?

— Лорна Дун, — тихо произнесла девочка и опустила пушистые ресницы. — Меня зовут Лорна Дун. Я думала, что ты знаешь.

Я встал и взял ее за руку, но она отвернулась. И я понял, что эта маленькая скромная девочка просто стыдится своей фамилии. Я не отпускал ее руку, и она сначала покраснела, потом на глазах ее выступили слезы, и она стала тихонько всхлипывать.

— Не плачь, — попросил я. — Я уверен, что ты никого никогда не обидела. Я отдам тебе всю свою рыбу, Лорна, а для мамы наловлю еще. Только перестань, пожалуйста, плакать.

Она выдернула свою маленькую ручонку и хотела закрыть ладонями лицо, и в эту минуту я не смог удержаться, чтобы не поцеловать ее. Для меня это было тем более странно, что я терпеть не мог поцелуев, как и подобает мальчикам моего возраста. Но она проникла в мое сердце, и душа словно переполнилась весной и цветами, хотя на самом деле никаких цветов вокруг пока еще не было.

Она не обрадовалась, как моя мать в таких случаях, а напротив, вытерла губы руками, и отойдя на шаг, аккуратно расправила платье, словно я совершил что-то дурное. Я почувствовал, что краснею и, опустив глаза, увидел свои ноги. Я тут же понял, в чем дело. Ведь родо-

словная этой девочки насчитывает тысячу лет. А для того, чтобы у меня были такие же манеры, потребовались бы века.

Ведь я был простым крестьянином, целиком и полностью, даже если меня раздеть догола, а она — истинная леди от рождения, и Дуны гордятся ее красотой. И хотя волосы ее растрепались, а один локон даже немного намок, пока она возилась со мной, весь ее облик говорил об одном: эта девочка — настоящая королева! Лорна была одета в прекрасное платье из тонкой полупрозрачной материи с блестками, но без излишеств, без кисеи и бантов. От воротничка до талии платье казалось кружевным, а мягкие темные волосы, спадая на него, делали ткань как будто еще белее. Но больше всего меня поразили глаза Лорны, и, когда она смотрела на меня, я не мог оторвать взгляда в искреннем восхищении.

Увидев, как я тщательно ее рассматриваю, да еще после поцелуя — хотя ей было-то всего лет восемь, не более — Лорна бросилась бежать к реке и, остановившись у берега, стала смотреть в воду.

Несколько удивленный ее поведением, я нарочито долго собирал свои вещи, чтобы Лорна поняла — я собираюсь уходить. Но Лорна не окликнула меня. Мне предстояло спуститься вниз по водяной лестнице, что было для меня смерти подобно, однако, день уже клонился к вечеру, и мне не оставалось ничего другого, как самому подойти к девочке и тихонько позвать: Лорна.

— А я думала, что ты уже ушел, — призналась она. — А зачем ты сюда забрался? Неужели ты не знаешь, что с нами сделают, если увидят вдвоем?

— Наверное, побьют. Во всяком случае, меня. Ведь тебя-то они же не осмелятся и пальцем тронуть.

— Нет, нас убьют обоих и похоронят тут же у реки, — серьезно ответила Лорна. — Иногда мне об этом рассказывает вода.

— А зачем им меня убивать?

— За то, что ты узнал путь сюда наверх, а они считали, что это невозможно. Пожалуйста, уходи, я прошу тебя. Они могут прийти за мной в любую минуту. Ты мне очень понравился, — наконец произнесла Лорна слова, которых я так долго ждал. — Очень понравился, и я буду вспоминать тебя, Джон Рид, только пожалуйста, Джон, уходи отсюда. А когда у тебя заживут ноги, ты сможешь вернуться и поговорить со мной.

— Лорна, вот что я тебе скажу. Ты мне тоже очень нравишься, почти что как Энни и уж гораздо больше Лиззи. Я никогда не видел никого, похожего на тебя, и я приду сюда прямо завтра, и ты тоже приходи на это место, я принесу тебе кучу интересных вещей, и еще у нас остались вкусные яблоки, я подарю тебе дрозда — я поймал его совсем недавно, у него только одна лапка сломана, а недавно у нас оценилась собака, и я...

— Милый мой, мне не разрешат держать щенка. Здесь во всей долине нет ни одной собаки. Они считают, что от собак много шума...

— Поверь мне, Лорна, они ничего в этом не понимают, я принесу тебе самого лучшего щенка, и ты сама увидишь, какой он будет послушный.

— Тише!

Из долины послышался крик, и сердце у меня тревожно забилось. На лице Лорны радость и восхищение сменил самый настоящий страх. Она прижалась ко мне, пытаясь найти защиту, и я понял, что спасу ее от врагов и, если придется, умру вместе с ней, но не сдамся. По телу пробежала легкая дрожь. Как мне не хватало сейчас карабина! Но моя отвага передалась и Лорне, и девочка доверчиво прижалась лицом к моей щеке.

— Пошли со мной к водопаду, — предложил я. — Я запросто смогу донести тебя на руках, а мама будет заботиться о тебе, и ты останешься жить у нас.

— Нет-нет, что ты! — испуганно воскликнула Лорна, когда я попытался взять ее на руки. — Я скажу тебе, что нам надо делать. Они просто ищут меня. Видишь ту дыру, вон там, небольшое отверстие?

Она указала на маленькую нишу в скале метрах в пятидесяти от того места, где мы стояли. В сумерках я с трудом мог различить ее.

— Да, вижу, но они заметят, как я перебегаю через луг.

— Послушай! — заторопилась Лорна. — Оттуда есть выход, но меня убьют, если кто-нибудь узнает, что я раскрыла эту тайну. Скорей же! Я уже их вижу.

Юная красавица побледнела как снег, который еще лежал на скалах, потом она еще раз взглянула на воду и заплакала. Я схватил ее за руку, и мы бросились вперед в густой кустарник, где было бы безопасно спрятаться, к самому краю пропасти. Ах, если бы только деревья уже покрылись листвой! Спрятаться было бы легче, тем более, что я успел забрать и острогу и сумку с рыбой.

Прижавшись друг к другу, словно дети, напуганные грозой, мы забрались в самую гущу кустарника, и оттуда нам было хорошо видно, как дюжина мужчин рыщет по обоим берегам ручья. Правда, ружей у них не было, напротив, казалось, что они просто вышли прогуляться после сытного обеда.

— Королева! Королева! — то и дело кричали они, а потом слышалось что-то вроде: — Куда эта маленькая чертовка запропастилась?

— Они всегда называют меня королевой, — шепотом пояснила Лорна. — И когда-нибудь я ею стану. — Она еще сильнее прижалась ко мне, я чувствовал своей грубой щекой ее мягкую кожу, а сердечко ее так быстро билось у моей груди, что я не смог сдержать своего восхищения этой хрупкой маленькой девочкой. — Они уже близко! Отсюда нас уже могут увидеть! — волновалась Лорна.

— Подожди, — прервал ее я. — Я знаю, что надо делать. Ты притворись, как будто спишь на лугу, а я побегу к воде и скроюсь там.

— Да, но ведь вода такая холодная, тебе будет там плохо.

Но это был единственный выход, и времени у нас не оставалось.

— Тебе опасно приходить сюда, — прошептала Лорна и поползла вперед на луг. — О Боже, они уже так близко!

Я заполз в воду почти целиком, спрятав только голову между двух больших камней. Темнело, и над рекой повис туман, но я прекрасно видел и водоросли, и камыши, как на самой лучшей картине. Люди Дунов кричали, ругались и создавали такой шум по всей долине, что мне даже показалось — еще чуть-чуть — и скалы затрясутся. Я успел порядочно замерзнуть, и вода вокруг меня будто тоже задрожала.

Так лежал я в полном отчаянии, и только воспоминания о прекрасном юном создании согревали меня. Искренность и доброта Лорны покорили меня навеки, и теперь я думал только о ней. Я твердо верил, что ради нее мне придется сейчас проявить мужество — ни единым движением не выдать своего присутствия. А Лорна лежала у скалы метрах в тридцати от меня, свернувшись в маленький клубочек и притворившись спящей.

Один из людей Дуна неожиданно подошел к ней и остановился, пораженный ее невинным и спокойным сном. Потом он нагнулся, взял ее на руки, поцеловал, так, что мне даже послышался звук этого поцелуя. Если бы у меня было ружье, я в ту же секунду, не раздумывая, пристрелил бы его.

— Наша королева здесь! Здесь дочь предводителя! — закричал он на всю долину. — Она просто заснула! Я ее нашел, и награда тоже будет моя! Никто не смеет больше прикасаться к ней. А теперь давайте выпьем!

Он положил ее прелестную головку себе на плечо, поддерживая ноги другой рукой, и победно удалился. Ее длинная юбка почти сливалась с его бородой, а волосы развевались, как облако на ветру. Я выпрыгнул из воды, возмущенный таким поведением охранника, и меня наверняка бы заметили, но только сейчас все бросились к кувшинам с вином, и никто не обратил внимания на маленькую фигурку, вынырнувшую из ручья. Теперь на юную королеву мало

кто обращал внимание. Они искали ее по берегам реки, думая, что она, возможно, утонула. Теперь же, успокоившись, они быстро удалялись, беседуя о том, как бы сейчас развлечься после долгих, но успешных поисков. Во всяком случае это все, что я понял по их разговорам.

Лежа на плече у великана, маленькая Лорна заметила меня и помахала рукой. И я в ответ махнул ей на прощанье в надежде на скорую встречу.

Вскоре они скрылись из виду. И теперь, когда мой страх прошел, мне захотелось снова поговорить с ней и рассказать очень многое. Ее голос до сих пор звенел в моих ушах. Это был самый прекрасный звук на свете, напоминающий крохотные серебряные колокольчики. Так, наверное, звучат самые тонкие струны арфы. Но мне некогда было предаваться воспоминаниям, потому что день клонился к вечеру, и надо было успеть домой к ужину.

Небо потемнело, и целое поле звезд, подобно цветам на майском лугу, разом высыпало на нем.

Выжав промокшие бриджи, я прополз до ниши в скале, на которую указала мне Лорна.

Я почувствовал, что нахожусь перед каким-то глубоким колодцем в кромешной тьме. Я шел, опасаясь любого звука, не зная, что ждет меня впереди и боясь при этом оглянуться. Потом неожиданно я очутился перед потоком черной воды. Продолжая двигаться вперед, переполняемый самыми разными мыслями и переживаниями, я вдруг отчетливо услышал пение малиновки позади себя. Мне даже почудилось, что это Энни зовет меня, потому что она умела подражать голосам птиц. Я собрался с духом, ощущая теперь полную уверенность в себе. Мелкие камушки осыпались под ногами, а впереди оставалась темнота, и я смело шагнул в нее.

Глава 9

Лучше дома места нет

Могу признаться, что я выбирался из этой ямы, как будто за мной гнался сам дьявол. Только теперь, вспоминая прошлое, я могу предположить, что именно мальчишеский задор мог заставить меня отправиться в эту долину. Я думал, что если мне удастся благополучно добраться до дома, я отдам все, лишь бы не очутиться там еще раз.

Когда я очутился в каменной нише, на которую указала мне Лорна, я поначалу подумал, что, возможно, она специально заманила меня сюда на погибель, поскольку я нарушил ее покой и пробрался на территорию ее семьи. Но мне стало стыдно за такие мысли. Я вспомнил, с какой нежностью она ухаживала за мной, пока я лежал на траве без сознания. И тогда я понял: Лорна не могла обмануть меня, значит, отсюда действительно должен быть выход.

Зубы мои стучали, я продрог до мозга костей, но не отчаивался найти спасительный путь наверх. Когда же взошла луна, я обнаружил в отвесной скале вырубленные ступеньки, узкие, крутые, напоминающие следы от зубов на горбушке хлеба.

Мне снова захотелось умереть, но я верил, что Господь бдит над нами, и если смерть не приходит, нечего ее торопить.

Итак, я поставил ногу на первую ступень, повис на скале, хватаясь пальцами за уступы, и начал постепенно продвигаться наверх. Надо заметить, что в те годы я был довольно неуклюжим, не то что мои сверстники. Перед последней ступенью я увидел привязанную толстую веревку и, ухватившись за нее, выбрался в Бэгвортский лес.

Как я нашел дорогу домой, вспоминается с трудом — видимо, из-за усталости. Представьте себе, сколько пришлось пережить мальчику за один короткий день. Сначала нелегкий подъем по водяной лестнице, встреча с прекрасной девочкой, страх быть убитым людьми Дунов, отчаяние выбраться живым из проклятой долины — все это вместе взятое сильно на меня подействовало.

Короче говоря, я вполне логично рассчитывал на хорошую порку. Но когда я добежал до дома, ужин стоял на столе, Энни и Лиззи сидели на своих местах, мама ждала меня у входа, а старая Бетти что-то стряпала в углу и, как всегда, ворчала. Я боязливо оглянулся на чернеющий вдаль лес, но, глядя на мать, понял, что ничего страшного не произойдет. К тому же запах жареной колбасы придал мне храбрости, и я сразу же навалился на ужин.

Но я никому не сказал, где пропал весь день, хотя каждый счел своим долгом попытаться вытряхнуть из меня правду, в особенности Бетти, которая вечно совала нос не в свое дело. Я не стал ничего сочинять, а просто набивал рот едой и отмалчивался, иногда загадочно улыбаясь.

После посещения долины Дунов я стал подолгу мечтать. Мне даже начали сниться интереснейшие сны, чего до сих пор не случалось. Я все чаще уходил в амбар, чтобы потренироваться в стрельбе. Не то чтобы я жаждал перестрелять всех Дунов, нет, я не был мстительным до такой степени, просто мне хотелось знать ружье, как свои пять пальцев и уметь обращаться с ним.

Я уже прекрасно попадал в амбарную дверь с приличного расстояния и из мушкета и из мушкетона Джона Фрэя, причем сам Джон Фрэй всегда находился поблизости. Мне очень нравилось, когда он хвалил меня за удачные выстрелы. Правда, здесь я совершал большую ошибку, хотя в то время и не осознавал этого. Ведь Джон Фрэй должен был целыми днями трудиться на ферме вместо того, чтобы праздно болтаться возле меня. Но Джон предпочитал мое общество. Еще бы! Ведь на ферме как раз начиналась пахота. Кстати, у нас есть одно старое изречение, которое гласит:

Лучше я еще стаканчик опрокину,
Чем за деньги в поле буду гнуть я спину.

Могу вспомнить и еще одну неплохую поговорку:

С Божьей помощью пшеница зеленеет,
А крестьянин пьет, пока не захмелеет.

И ни один человек из Девоншира или Сомерсета (к коим отношусь и я сам) не станет трудиться больше, чем это действительно необходимо.

Но над умением стрелять я трудился в поте лица, втайне мечтая о более современном ружье, которое не грохотало бы так сильно и стреляло бы намного точнее. А потом пришла пора косить сено, а за ней и сбор урожая. Мы готовили сидр, запасались дровами, ставили сети на дичь. Кроме того, навалилась куча мелких дел — то подправить ограду, то бороться с кротами и многое другое.

Странно, как быстро бежит время, когда ты занят чем-то весь день напролет и некогда остановиться и подумать о своем. Я никогда не мог понять горожан, у которых нет ни овец, ни домашней птицы, они не растят зерно, не косят траву, ведь у них должна оставаться уйма свободного времени, и как они умудряются не помереть от скуки, просто ума не приложу.

Так незаметно пролетел год. Я постоянно был в полях, на ферме, или стрелял в лесу дичь, а иногда уходил далеко к морю и подолгу наблюдал за огромными волнами. Я мечтал стать моряком, потому что именно они в те времена представлялись мне по-настоящему мужественными людьми. Мне даже два раза удалось поплавать в лодке. Но во второй раз мать узнала про это и так горько плакала, что я поклялся больше не выходить в море, не предупредив ее.

Правда, Бетти Макуорти, отжимая мои гетры и вешая их на сушилку, рассуждала по-другому:

— Хочет стать моряком — пускай! Пусть нахлебается воды, раз ему так нравится. И мне работы будет меньше, чем здесь сушить ему бриджи. Узнает, каково приходится морякам во время шторма. Пускай идет, хозяйка! А там, глядишь, и сам на корм рыбам пойдет.

И такие речи Бетти подействовали на меня, пожалуй, даже больше, чем мольбы матери, и моряком мне стать уже больше не хотелось. Я терпеть не мог Бетти Макуорти из-за ее постоянной ворчливости. Но она кривила душой лишь в одном — когда ругала нас. На самом деле это была добрая женщина, и, если ее не сердить, она тут же все прощала, совсем как мыло, которое жжет глаза, но стоит его положить в воду, как оно начинает таять и совсем не щиплет.

Хотя в те годы я еще не сознавал этого, а понял гораздо позже, насколько трудно уяснить, чего хочет женщина. Но оставим это. Страх, которого я натерпелся в долине Дунов, кое-чему научил меня, и теперь я не отваживался путешествовать по лесам без сопровождения Джона Фрэя. Джон сначала удивлялся моей привязанности, но это даже льстило его самолюбию, и так как нам приходилось частенько оставаться вдвоем, мало-помалу я рассказал ему все, что приключилось со мной в тот день, за исключением, разумеется, встречи с Лорной. Эта тайна касалась только моего сердца. Кроме того, я немного стыдился говорить об этом с Джоном. Я думал о Лорне, но тогда я был всего-навсего мальчишкой, а в этом возрасте мальчишки не дружат с девочками и считают их некими капризными созданиями, годными только для домашних дел. Во всяком случае, когда я разговаривал с приятелями о девчонках (если вообще мы опускались до этой темы), то все сводилось к одному — девчонка — существо низшее и место ей — нянчить младших братьев и сестер.

Хотя лично для меня сестричка Энни значила гораздо больше, чем все мальчишки нашего прихода и из Брендона, и из Каунтисбери вместе взятые. Правда, я не говорил этого вслух, иначе меня бы высмеяли. Энни была очень симпатичная, некоторые говорили, что она даже похожа на маленькую леди. Она всегда пыталась всем помочь, а если это ей не удавалось, Энни плакала, но так, чтобы никто об этом не узнал, потому что ей казалось, будто только она

одна виновата во всех несчастьях. А когда у нее что-то выходило, ее небесно-голубые глаза начинали светиться от счастья, что она кому-то полезна, щечки розовели, и она становилась похожей на молоденькую яблоньку. Нельзя было не любоваться такой красавицей. И взрослые всегда рады были ее приласкать.

Когда же приезжали гости, она радостно встречала их во дворе, помогала распрягать лошадей, а потом каждый раз приходила, чтобы напомнить, что обед готов и она всех ждет к столу.

Потом Энни превратилась в стройную красивую девушку с соблазнительной фигурой и огромной копной волнистых светлых волос, переливающихся на солнце. Но увы! Бедная Энни, и как большинство красивых девушек, она — но... чу! — об этом пока мне рассказывать рановато. Замечу только, что после красоты Лорны я перестал обращать внимание даже на Энни.

Глава 10

Счастлиное спасение и отчаянная езда

Это случилось ноябрьским вечером. Мне было уже пятнадцать, я очень быстро рос и набирался сил, а Энни как раз исполнилось тринадцать. Шли постоянные дожди, все канавы наполнились мутной коричневатой водой, да так, что во двор было выйти страшно. Мы с Энни сидели дома, как вдруг услышали странные звуки. Это крякали наши утки вместо того, чтобы как обычно, чинно прогуливаться. Мы тут же выбежали во двор, чтобы посмотреть, не случилось ли чего. Всего у нас было тринадцать уток — три обычных и десять белоснежных (правда, крякали они все довольно противно, невзирая на цвет).

Перед нашими глазами возникла необычная картина. Утки как будто приплясывали на месте, разевая свои золотистые клювы (как всегда, грязные) и подпрыгивая на розовых лапах-треугольниках. Некоторые время от времени начинали носиться взад-вперед, вытягивая шею и размахивая крыльями.

— Ути-ути-ути! — позвала Энни, призывая птиц к порядку. Но вместо того, чтобы успокоиться, они, как ненормальные, принялись кричать в три раза громче. Потом они вдруг стихли, потрясли хвостами, и все началось заново. Они прыгали так, что у нас с Энни в конце концов зарябило в глазах.

Лично я отношусь к уткам довольно прохладно, мне неважно, живые они или жареные. В крайнем случае я могу вынести их в спокойном настроении, когда они чинно следуют друг за другом, похожие на послушных солдат. Впрочем, так оно обычно и бывало, поэтому столь странное поведение птиц меня насторожило. Видимо, что-то произошло в их утиной компании. Энни начала считать их, а делала она это быстро, как настоящая птичница, и сразу же выяснила, что одной утки не хватает.

Мы начали искать по двору, но утки помогли нам сами и вывели в самый конец двора, где стоят два ясеня возле небольшого ручья. И тут нам сразу стало понятна причина их переполоха. Наш самый старый белый селезень, отец всего утиног семейства, отважный в схватках с собаками, галантный и элегантный, попал в весьма затруднительное положение. Тем не менее он держался стойко и лишь изредка крякал, как мне показалось, с оттенком некоторой гордости и независимости. Дело в том, что ручей, тот самый ручей, который наш селезень знал уже не первый год, в котором он всегда ловил тритонов, головастиков и прочую пищу, где он лакомился самыми разнообразными водорослями и считал его вторым домом, так вот, этот коварный ручей теперь разлился до неузнаваемости. Вода пенилась и неслась коричневым потоком, волна шла за волной, и подобное зрелище испугало бы самую храбрую утку, а наши, надо признаться, к числу храбрых не относились.

Через ручей был перекинут мостик, вернее, нечто вроде ограды, которая отделяла наши земли от соседских. Сейчас эта ограда, которая обычно не касалась воды, была наполовину затоплена. Между досками вода несла разный мусор: ветви деревьев, мотки водорослей и прочую ерунду. Но забавнее всего, что наш опытный селезень по непонятным причинам решил заплыть именно в это самое опасное место и там благополучно застрял между двух досок. Цепи, на которых держалась ограда, угрожающе звенели, готовые вот-вот сорваться, и зрелище становилось еще более смешным.

Я чуть не расхохотался, глядя на нашего беднягу, особенно в тот момент, когда он скосил на меня свой единственный глаз (ибо второй он потерял в схватке с индюком) и жалобно крякнул. Но крякнул он весьма некстати, потому что именно в этот момент его накрыло с головой очередной волной. Видимо, поняв всю тщетность попыток освободиться самому, бедный

селезень раскрыл клюв, ожидая скорой смерти после следующей волны, а уж тогда лягушки бы порадовались, глядя на его бездыханное тело.

Энни рыдала и заламывала руки, и я уже был готов прыгнуть в воду, хотя такая перспектива меня не устраивала, как вдруг на берегу ручья возник всадник.

— Эй, мальчик, — крикнул он с противоположного берега, — отойди от воды. Поток унесет тебя, как соломинку. Я сам все сделаю, не волнуйся.

Он пригнулся в седле и начал разговаривать с лошадьё. Это была великолепная кобыла светлой масти, мне даже показалось, что ее шкура отдает цветом давленной клубники, настолько красива она была. Лошадь по-лебединому выгнула шею, хотя ей не хотелось нырять в эту пучину, но, повинувшись хозяину, она готова была совершить любой подвиг. Лошадь вошла в воду, прядая ушами и фыркая, глаза ее были огромны и столь выразительны, будто она понимала каждое слово. Поток становился сильнее с каждым шагом, но она все шла и шла вперед, полностью доверившись хозяину. Когда вода дошла ей до холки, она задрала вверх голову и тут всадник, извернувшись в седле, быстрым движением выхватил нашего застрявшего в заборе селезня, пристроил его в седле и засмеялся, когда тот два раза крякнул ему в знак благодарности. В этот момент потоком воды всех троих понесло вниз по течению.

На берег они выбрались только метров через тридцать, там, где ручей проходит через наш огород, рядом с капустными грядками. Мы с Энни перебрались через изгородь и от всей души стали благодарить незнакомца, но он не стал отвечать нам, пока не переговорил с лошадьё, словно объясняя ей всю необходимость подобного поступка.

— Родная моя, я знаю, что ты бы запросто перемахнула этот ручеек, — начал он, соскочив с седла и ласково похлопывая лошадь по шее. — Но так нужно было, понимаешь? И на это у меня есть свои веские причины.

Лошадь посмотрела на хозяина своими огромными глазами, еще раз фыркнула, и они поняли друг друга. Потом незнакомец вынул из кармана перечный стручок, угостил им нашего селезня и подтолкнул его к тому месту, где в ограде была небольшая лазейка. Тот отряхнулся, несколько раз взмахнул крыльями и вразвалку отправился к своей утиной семье. Птицы загалдели от счастья и вытянули клювы к небу, словно благодарили Господа за чудесное избавление от смерти своего предводителя и отца.

Когда инцидент был исчерпан и все обошлось благополучно, юный джентльмен повернулся к нам, довольный тем, что смог быть полезен. Мы стояли молча и рассматривали его. Он был невысок, примерно как Джон Фрэй, может быть, чуточку повыше, но весьма крепкого телосложения. Казалось, всю свою жизнь он провел в седле и даже немного разучился ходить, во всяком случае походка у него была немного подпрыгивающая, словно он никак не мог привыкнуть к собственным ногам. Для мальчика моего возраста он казался зрелым мужчиной — ему было уже за двадцать, и при этом он носил густую бороду. Как выяснилось потом, ему только что исполнилось двадцать четыре. Всадник был румян, с веселыми и пронзительными голубыми глазами, и что-то было в его манерах резковатое, словно он постоянно ожидал нападения и всегда был готов дать отпор, словно взведенное ружье. Во всяком случае, видя таких людей, каждый понимает, что для своего же блага лучше бы их не задевать.

— Ну, и что же вас так заинтересовало? — с улыбкой спросил незнакомец, потом ущипнул Энни за подбородок, а мне весело подмигнул.

— Ваша кобыла, — не задумываясь, ответил я, при этом расправляя плечи, чтобы казаться повыше. — Никогда не видел такой красавицы, сэр. Вы позволите мне прокатиться на ней?

— Ты думаешь, что сумеешь? Она никому не позволяет сесть в седло, кроме меня. Чего доброго, ты еще разобьешься!

— Не разобьюсь! — произнес я уверенно, потому что лошадь показалась мне довольно доброй и послушной. — Нет такой лошади во всем Экзмуре, с которой я не смог бы справиться за полчаса. Только я не привык ездить в седле. Если можно, снимите его, сэр.

Всадник оценивающе посмотрел на меня, присвистнул и сунул руки в карманы бриджей. Этого я вынести не мог. А Энни так вцепилась в меня, что я чуть не взбесился. Незнакомец рассмеялся, но, что хуже всего — он ничего мне не ответил.

— Уйди отсюда, Энни, — рассердился я на сестру и снова обратился к молодому человеку: — Неужели вы считаете меня глупцом, добрый господин? Поверьте мне, я не стану загонять вашу лошадь.

— А у тебя это и не получится, сынок. Скорее она тебя самого загоняет. Правда, земля сейчас стала мягкой после дождей, так что падать будет не больно. А теперь пойдем во двор, иначе мы перетопчем тут всю капусту твоей матери. Лучше всего, конечно, подошла бы солома, ибо каждого падения лучше побережись. Я кузен твой матери, сынок, и сейчас пойду к вам. Меня зовут Том Фаггус, что известно во всей округе, а это моя кобыла Уинни.

Какой же я болван, что не узнал его сразу! Это был сам Том Фаггус, известный разбойник на своей знаменитой чистокровной кобыле. Слухов о ней ходило не менее чем о ее хозяине, и теперь мне в десять раз больше захотелось прокатиться на ней. Но вместе с этим в душе зародилось и чувство страха. Не потому, что я боялся лошадиного норова, а просто проехаться на такой красавице уже было для меня слишком большой удачей, и, кроме того, люди поговаривали, что это не лошадь вовсе, а самая настоящая ведьма. Тем не менее она выглядела как лошадь, только очень статная, с выразительными, почти человеческими глазами. Я не могу сказать, была ли она местных кровей или потомком арабских скакунов, которые только недавно появились у нас, поскольку плохо разбираюсь в этом и знаком в основном только с нашими крестьянскими лошадами. А на ферме самое главное, чтобы у коня было четыре ноги, и чтобы он мог работать.

Господин Фаггус подмигнул лошади, и она последовала за ним. Это была гордая красивая кобыла, но она оставалась преданной хозяину — как высшему и более сильному созданию. Так всегда, впрочем, поступают и женщины, если они, конечно, уверены в том, кого боготворят.

— Ну что, парень, ты еще не передумал? — поинтересовался Фаггус, и мне показалось, что и он и его кобыла поглядывают на меня вызывающе.

— А она умеет прыгать, сэр? На этом берегу ручья есть прекрасный забор.

Господин Фаггус рассмеялся и повернулся к Уинни, будто приглашая ее расхохотаться вместе с ним. И мне показалось, что она все же сумела оценить шутку.

— Ты боишься слететь с нее во время прыжка? Ничего с тобой не случится. Я немного знаком с вашей семьей и имею представление о твердости ваших голов.

— Ну, тогда снимайте седло, — решил я, хотя последняя фраза меня немного обидела. — А я уж постараюсь не сломать пятками бока вашей лошади, если, конечно, она не начнет взбрыкивать.

Господин Фаггус ничего не ответил, но, видимо, моя речь произвела на него некоторое впечатление. К этому времени к нам подбежали Джон Фрэй, Билл Дэдс и еще с полдюжины работников. Слава этой лошади распространялась на несколько графств, и что означала по сравнению с этим моя жалкая жизнь? Но теперь отступить было некуда, и я обязан был показать искусство верховой езды во всех тонкостях, чтобы не ударить в грязь лицом. Тем не менее я чувствовал, что ноги мои дрожат в коленях, а руки висят, как плети.

Видимо, Фаггус заметил это, но все же подошел к лошади и, заглянув ей в глаза, проговорил:

— Не усердствуй, дорогая, скинь его поаккуратней в навозную кучу. Этого будет достаточно.

С этими словами он сбросил седло, и я стрелой взлетел на спину Уинни. Поначалу она пошла рысью, но так плавно, что я удивился и подумал, что, может быть, ей тоже приятно носить столь легкое тело. Поэтому мне не хотелось мучить ее прыжками.

— Но, пошла! — весело прикрикнул я, заметив, что зрителей становится все больше, потому что рабочий день на ферме как раз закончился. — Покажи, на что ты способна!

Я стукнул ее пятками по бокам, и в этот момент Билли Дэдс победно подбросил в воздух шляпу.

Уинни выпучила глаза, чем сразу же напугала Энни, Джон Фрэй на всякий случай вооружился палкой, а лошадь встала на дыбы, отчаянно перебирая в воздухе передними ногами. Фагус резко свистнул, лошадь остановилась как вкопанная и тут я понял, что может означать этот сигнал.

Она снова встала на дыбы, но на этот раз слишком резко, так, что я всем лицом врезался в ее загривок и из носа у меня сразу закапала кровь. Потом передние ноги она опустила в солому, зато задние взвились под самые небеса. Поняв, что от меня так просто не отделаться, Уинни бросилась вскачь, да с такой скоростью, которую я от лошади даже не мог ожидать.

— Джек, падай в солому! — визжала Энни.

Но я держался на Уинни, словно приклеенный. Мои бриджи лопались по швам, но я решил сражаться до конца. «Если мне суждено разбиться, ты погибнешь вместе со мной», — мысленно повторял я. Одним махом лошадь перелетела через дворовую ограду, и я сильно прикусил язык. Уинни полетела по лугам, а я прижался к ней, как ребенок к материнской груди, и жалел о том, что вообще появился на свет. Земля мчалась куда-то назад, мне казалось, что и весь воздух остался у нас за спиной.

Тем не менее, я продолжал скакать, гордясь тем, что сумел так долго продержаться, хотя уже прекрасно понимал, что победа будет за Уинни. Лошадь решила испытать новый прием и стала прыгать через живую изгородь туда-сюда в надежде все-таки скинуть меня. Ветви орешника исхлестали мне лицо, спина ныла, и я решил сдаться. Но как раз в этот момент со стороны дома раздался пронзительный свист, и, прядая ушами, Уинни рванулась на зов хозяина. Она неслась, как стрела, как ласточка в небе. Я и не представлял себе, что лошадь способна на такое. Ее полет напоминал бриз, несущий корабль и летнюю молнию одновременно. Я выпрямился, хотя чувствовал себя изрядно вымотанным. И в самый последний момент, когда она перелетела через ворота, я плавно скатился прямо в кучу навоза.

Глава 11

Заслуженный ужин

— Неплохо, совсем неплохо, — подытожил господин Фаггус. Я выбрался из навоза, немного удрученный, но, тем не менее, довольный (впрочем, я умудрился упасть на голову, как это обычно у меня получалось). Джон Фрэй начал истошно хохотать, и мне захотелось немедленно врезать ему в ухо. — Прекрасно, мой мальчик, я думаю, со временем из тебя выйдет великолепный наездник. Честно говоря, я и не думал, что ты сумеешь столько продержаться.

— Я бы и дольше продержался, сэр, но у вашей лошади мокрые бока, и я случайно соскользнул.

— В этом ты прав, мой мальчик, правда, эта случайность произошла именно в том месте, где захотела сама кобыла. Не огорчайся, Джек, что я над тобой немного подтруниваю. Для меня Уинни — самое дорогое существо на этом свете, и мы с ней прекрасно понимаем друг друга. Если бы ты победил, я бы этого, наверное, не перенес. Только я могу ездить на своей лошади.

— Стыд и позор тебе, Том Фаггус, — выкрикнула внезапно подбежавшая мать, да так злобно, что мы с Энни невольно переглянулись. — Усадить мальчика, моего мальчика, на свою зверюгу, будто его жизнь не стоит и пенса! Он единственный сын своего отца, тихий, спокойный, между прочим, честный, а не паршивый разбойник с большой дороги! А он бы мог одной левой схватить и тебя, и твою поганую кобылу и утопить в пруду! Да я тебя сама сгною, если с его головы упадет хоть волосок. Сынок, сынок мой дорогой! Что бы я без тебя делала? Ну-ка, подними руки, Джонни.

Во время этой пламенной речи мать обнимала и ощупывала меня, а Фаггус стоял рядом, сгорая от стыда и не зная, как следует себя повести в данном случае.

— Мама, да ты только посмотри на его куртку! — выкрикнула Энни. — А бриджи! Да он порвал бриджи, за которые мы уплатили целый шиллинг!

— Да плевать я хотела на бриджи! Пошла вон, гусыня! — С этими словами мать вцепилась Энни такую пощечину, что та отлетела в сторону и угодила как раз в объятия Тома Фаггуса, который тут же прижал к себе девочку и поцеловал. — Будь ты проклят! — кричала мать, разозленная на Тома еще больше тем, что ей пришлось из-за него ударить Энни. — И это после всего того, что мы для тебя сделали! Да мы спасли твою никчемную голову, а ты собирался угробить моего сына! Чтобы никогда твоя кобыла в наших краях не показывалась, раз ты так платишь за добро! Спасибо вам огромное и тебе, Джон Фрэй, и тебе, Билл Дэдс! Так-то вы заботитесь о сыне вашего хозяина! Свора трусов и негодяев! Сами испугались этой твари, так решили усадить на нее моего мальчика!

— Миссис, ну что мы могли поделать? — начал оправдываться Джон Фрэй. — Джон сам захотел прокатиться, мы же...

— Какой он тебе Джон! — возмутилась мать. — Для тебя он господин Джон, если угодно, не забывай этого. А теперь, Том Фаггус, будь любезен, убирайся отсюда подобру-поздорову, покуда цел. А если я увижу еще раз твою кобылу, я собственноручно переломаю ей ноги, если уж мои работнички не осмелятся подойти к этой твари.

Все стояли молча, пораженные. Мы знали, что мать тихая и спокойная женщина, которую можно запросто обвести вокруг пальца. Теперь же работники забрали лопаты и потихоньку стали расходиться, чтобы рассказать своим женам о случившемся. Уинни тоже недоумевающе смотрела на мать, словно не понимая, что же она такого наделала. Потом лошадь подошла ко мне, задрожала и нагнула шею, как будто извинялась, что поступила так жестоко.

— Уинни останется на ночь здесь, — заявил я, поскольку сам Фаггус до сих пор не произнес ни слова, а начал медленно собирать вещи, ибо знал, что с женщинами лучше не спо-

рять. — Мама, она останется здесь, иначе я уйду вместе с ней. Я раньше и знать не знал, что такое кататься на настоящей лошади.

— Молодой человек, — начал Том, продолжая собираться в путь, — вы знаете о лошадях больше, чем кто-либо другой во всем Экзмуре. Ваша мать должна гордиться этим и ничего не бояться. Уж если я, Том Фаггус, кузен вашего отца, позволил вам сесть на кобылу, равной которой нет ни у герцогов, ни у принцев, значит, я увидел отвагу и мужество в ваших глазах. С самого начала я знал, что вы справитесь с лошадыю и победите. Но женщины нас не понимают. Прощайте, Джон. Я горжусь вами и надеюсь, что смог доставить вам удовольствие. Впрочем, я приехал, чтобы рассказать вам массу таких историй, от которых у вас волосы стали бы дыбом. И хотя со вчерашнего дня у меня не было во рту ни крошки, поскольку весь хлеб я отдал одной несчастной вдове, теперь я поскачу на болота и буду там голодать, вместо того, чтобы отпробовать самый роскошный ужин в том доме, где меня уже забыли.

С этими словами Том тяжело вздохнул, вспоминая, видимо, моего отца, и неторопливо сел на Уинни. Он приподнял шляпу, прощаясь с матерью, но ей так ничего и не сказал, а опять обратился ко мне:

— Открывай ворота, кузен Джон. Пожалуйста, если не трудно. Ты победил Уинни, и она теперь не сможет перепрыгнуть их, бедняжка.

Но перед тем как лошадь развернулась, мать подошла к Тому, одной рукой прижимая к глазам край фартука, а другую протягивая кузену. Но тот сделал вид, что не замечает этого.

— Остановись, Том, — попросила мать. — Я хочу с тобой поговорить.

— Господь Бог услышал мои молитвы! — воскликнул Фаггус, и лицо его переменилось так, словно уже не он, а совсем другой человек сидел в седле. — Неужели это моя любимая кузина Сара? Я считал, что все стыдятся меня и никто не пригласит на ночлег с тех пор, как погиб мой кузен Джон Рид. «Приходи ко мне, — говаривал он частенько, — приходи ко мне, Том, когда тебе будет худо, и моя жена всегда приютит и накормит тебя». «Конечно, дорогой Джон, — отвечал я тогда, — я знаю, что именно так она и обещала моей матери, но люди обо мне плохого мнения, может быть, и кузина Сара не захочет меня видеть». Это был настоящий мужчина! Если бы вы знали, что он ответил мне! Но не будем об этом. Теперь я никто. С тех пор, как погиб мой кузен Джон Рид, я уже не чувствую себя человеком.

Он тронул поводья, но мать не дала ему уехать.

— О Том, это была страшная потеря. Я ведь теперь тоже никто без него. Ты должен понять меня, ведь кроме тебя, наверное, меня никто не поймет.

И она расплакалась, а я стоял и удивлялся, потому что сам уже давно перестал плакать.

— Конечно! — крикнул Том и в одно мгновение соскочил с Уинни, ласково глядя на мать. — Я испытываю то же, что и моя любимая кузина Сара. Может быть, я и в самом деле не очень хороший человек, но я умею ценить добро. Одно ваше слово, и я...

— Тихо, Том, ради всего святого! — воскликнула мать, с опаской поглядев в мою сторону. В свое время она заставила меня забыть не только о мести, но и том, чтобы я искал справедливости в суде. «Бог сам рассудит», — говорила она мне, и постепенно я свыкся с этой мыслью, отчасти из-за своего мягкого характера и еще потому, что мне твердили, будто отца убили за то, что он напал первым.

— Спокойной ночи, кузина Сара, спокойной ночи, кузен Джон, — печально проговорил Том, снова устраиваясь в седле. — Ни еды ни ночлега мне не предвидится, а ночь будет темная и холодная. Поделом мне! Ведь я посмел обидеть мальчика, который так похож на него!

— Кузен Том, — тихо произнесла мать, чтобы мы с Энни не услышали, — ты поступишь несправедливо и не по-родственному, если откажешься от нашего дома. Конечно, мы не можем предоставить тебе развлечений, как в богатых гостиницах, да и яства у нас не такие изысканные. Но сегодня суббота, работники ушли по домам, и у тебя будет в распоряжении комната. Я угощу тебя жареной олениной, свежей ветчиной, вяленой лососяной, холодной свининой и

устрицами. А если все это тебе не по вкусу, мы за полчаса поджарим тебе парочку вальдшнепов, а Энни приготовит к ним тосты. А еще у нас на прошлой неделе гостили добрые люди и, уезжая, второпях забыли маленький бочонок джина. Конечно, я не вправе была оставлять его себе, но что может поделаться бедная вдова? Иначе его забрал бы себе Джон Фрэй.

Джон Фрэй действительно подбирался к этому бочонку, и когда я увидел, как он что-то прячет себе под фартук, я тут же остановил его. «Ну что ты, Джон, — ответил тогда Фрэй, — я несу домой полено, жена просит разжечь печь, а у нас, как назло, все дрова сырые». «Ну-ка, покажи его мне, — настаивал я, — странной формы поленья стали рубить дровосеки. Показывай, тебе говорю, не то сам вытащу!»

Короче говоря, Том остался у нас на ужин и попробовал всего понемногу — сначала несколько устриц, потом вяленой лососины, яичницу с ветчиной, несколько кусков жареной оленины, после чего он отпробовал холодной копченой свинины и напоследок жареного вальдшнепа с тостами, запивая его джином с горячей водой. Сменив белье, он стал ласковым и все время хвалил Энни за прекрасно приготовленный ужин, время от времени прищипывая губами и довольно потирая руки, когда они были свободны от еды.

Тома переодели в бриджи Фрэя, поскольку он сказал, что одежда отца ему будет великовата. Мать даже обрадовалась, что Том отказался, а Фрэй, в свою очередь, предложил весь свой гардероб, ссылаясь на то, что ему даже будет приятно, что его одеждой, пусть хоть временно, но воспользуется такая знаменитость, как Фаггус.

Том Фаггус был веселым парнем, он не заострял внимание на пустяках и не искал ссоры ни с кем. Он был настолько добродушен и так ценил благородство, что если путник говорил ему ласковые слова, он даже мог вернуть ему отнятый кошелек. Да, он действительно отбирал у людей деньги, причем чаще силой, нежели обманом, и закон был против него. Но тут я вообще перестаю понимать логику вещей. Я видел много грабителей — и законных и незаконных — и мне трудно судить, где же проходит грань в легальности грабежей. Но не мне рассуждать об этом. Даже сейчас, уважая закон и почитая короля (что мне и положено, как честному подданному и церковному старосте), я не понимаю одного: почему Тома Фаггуса, который много трудился, называли разбойником, тогда как король не занимается ничем (правда, ему и не надо ничего делать в силу своего положения) и, тем не менее, с удовольствием принимает дань в огромных количествах да еще и с благодарностью от верных подданных.

Но в те дни я мало что знал о профессии своего кузена. Правда, мать иногда испуганно оглядывалась по сторонам и просила Тома не говорить так много, чтобы — упаси Господь! — не услышали дети, а наш гость послушно кивал и тихонько попивал свой джин.

— Ну, а теперь пойдём посмотрим, как там Уинни, — предложил мне Том сразу после ужина. — Обычно я кормлю ее до того, как сажусь за стол сам, но сегодня ты ее так умотал, что ей надо было немного остыть. Впрочем, я никогда не оставляю ее подолгу одну. Бедняжка, наверное, успела без меня соскучиться.

Я обрадовался возможности еще раз побыть рядом с лошадью, и Энни тихонечко пошла вслед за нами. Кобыла уныло шагала по земляному полу конюшни из угла в угол (Том запретил стелить солому, объяснив это тем, что для своей лошади привык все делать сам). Уинни ходила без привязи («Моя кобыла не собака!» — рассердился Том, когда Джон Фрэй предложил привязать ее). Увидев хозяина, лошадь сразу же подбежала к Тому, и глаза ее радостно заблестели.

— Ударь меня, Джек, и увидишь, что она сделает. Не бойся, ничего страшного не произойдет. — Говоря так, он нежно гладил ее по ушам, а Уинни прижималась к нему шеей. Я сделал вид, что хочу стукнуть Тома, и Уинни в ту же секунду схватила меня зубами за пояс, приподняла так, что я думал, она швырнет меня оземь и растопчет, как Том тут же остановил ее.

— Ну как, парень, понравилось? А у тебя есть лошадь или собака, способная за тебя заступиться? Но она умеет не только это. Если я свистну по-особому, словом, подам сигнал тре-

воги, Уинни расшибет дверь конюшни и прискачет ко мне на помощь прямо в дом. И неважно, будет это церковь или каменный замок. Ах, Уинни, ведьма моя маленькая, мы и умрем с тобой вместе!

Потом Том начал кормить ее прямо из рук. Уинни не притронулась к овсу, который был заготовлен для других лошадей, хотя была изрядно голодна. Фаггус достал из своего мешочка какой-то порошок и смешал его с овсом. Когда я спросил, что он делает, Том только рассмеялся и объяснил, что добавляет лошади в корм «звездную пыль». Он внимательно наблюдал за Уинни, а когда она поела и напилась холодной воды, сам смастерил ей удивительной формы лежанку из соломы и перед уходом не забыл пожелать спокойной ночи.

Потом мы сидели у огня в большой комнате, и Том веселил нас, показывая самые разные игры. Все это время он курил, но совсем необычным способом. У него не было трубки. Он делал из бумаги маленькие трубочки примерно с палец длиной, острые с одной стороны, и острым концом клал в рот, а через широкий конец выпускал кольца сероватого дыма. Мы с Энни с удивлением смотрели на него. Я тоже захотел попробовать, но Том рассмеялся и сказал: «Тебе нельзя. Это не для мальчиков». Тогда Энни положила ему руки на колени и наивно спросила: «Значит, для девочек, да, кузен Том?» Лучше бы она не спрашивала. Том протянул ей острый кончик, она закрыла глаза и вдохнула. Одного вдоха было достаточно. Она закашлялась, да так сильно, что нам с Лиззи пришлось усердно колотить ее по спине, пока она не успокоилась.

Чтобы как-то загладить свою вину, Том принялся рассказывать нам интересные истории, но не про себя, а про других людей. Как ни странно, но нам казалось, что все, про кого он говорил, давным-давно нам знакомы, что его герои — это наши добрые друзья. Он ни разу не повторился, и как только один рассказ заканчивался, он тут же переходил к следующему. Он говорил, подражая голосам разных людей, при этом меняя лица, да так забавно, что я, Энни и Лиззи смеялись до слез, а у мамы даже лопнул новый поясок за десять пенсов. Из угла, где старушка Бетти Максурти мыла посуду, то и дело раздавался оглушительный хохот.

Глава 12

Известный по заслугам

Хотя Том Фаггус был умным, благородным и знаменитым, я до конца так и не смог понять, должны ли мы относиться к нему с уважением или, наоборот, нашей семье следовало бы стыдиться такого родственника. Видимо, все зависело от того, в каком обществе мы находились. Например, перед мальчишками из Брендона я мог запросто хвастаться своим кузеном. Но вот в беседе с пасторами, судьями, которые иногда навещали наши места, или с торговцами из Порлока, короче, со всеми, кто имел какую-то власть и силу, мы старались не упоминать имени нашего кузена-разбойника.

Нашей задачей было не осуждать его, а приютить и успокоить, поскольку я считаю, что судить человека — во власти Божьей, а жалеть человека должен другой человек. Конечно, я не оправдываю его за его способы добывания денег, тем более, что это не делает чести и его родным. Но, тем не менее, следует учитывать, что сам он был беззлобным и только жизнь его складывалась таким образом, что дурные поступки уступили место хорошим. И дабы вам понять Фаггуса, я хочу изложить его нелегкую судьбу, причем буду говорить о нем, не как о своем родственнике, а просто как о человеке без прикрас и лишних выдумок.

У Тома было много причин ожесточиться на этот мир, и все-таки даже те, у кого он отбирал деньги, соглашались, что это был милейший человек. Он часто сам расплачивался за наемные экипажи, если успел ограбить тех, кто в них сидел, чтобы не создавать людям еще одно неудобство. Том был кузнецом в городе Нортмолтон в графстве Девоншир. Это дикое место на самой окраине Экзмура. Многие удивлялись, как такой благородный человек мог вырасти среди тупиц и невежд Нортмолтона. Он не только умел читать и писать, но и владел участком земли стоимостью в сто фунтов, имел отару в двести овец и тридцать коров. Оставшись сиротой почти во младенчестве, он рано начал работать, и вскоре так ловко научился подковывать лошадей, что кузнецы из Барума побаивались потерять своих клиентов. И действительно, Том даже получил первый приз за свое мастерство на севере Девоншира, за что многие так никогда и не смогли его простить.

Этого я тогда понять не мог, а объяснялось все просто — человеческой завистью. Так или иначе, но буквально через месяц после этой победы у Тома начались серьезные неприятности, как раз в то время, когда его дело набирало силу и он собирался жениться. Его невеста была из Саутмолтона (по-моему, дочь конюха, а звали ее Бетси Парамор), отец ее уже дал согласие на брак. Том хотел выглядеть на свадьбе как можно представительнее и поэтому выписал лучшего портного из Экзетера, которого и поселил у себя в доме на втором этаже. Свадебное платье для Бетси было уже готово (за которое его тоже потом ругали, как будто это Том во всем виноват) — вдруг неожиданно против него были собраны документы и переданы в суд.

Это было длинное и нудное дело с сэром Робертом Бэмпфилдом, который вознамерился лишить Тома земли и скота. В результате Том остался ни с чем, поскольку сэр Роберт обладал большой суммой денег для подкупа свидетелей, и Тому пришлось продать не только ферму и имущество, но даже и свою кузницу. Фаггус успел оседлать коня, прежде чем его арестовали, и ускакал прочь из города. Те, кто видел его в пути, говорили, что он больше походил на безумца, нежели на уважаемого всеми кузнеца. Прибыв в Саутмолтон, Том сразу же направился к невесте, надеясь в ее доме найти приют и убежище, но там ему сразу указали на дверь. Весть о его банкротстве успела распространиться, а господин Парамор был человеком рассудительным и к тому же членом городского совета. Ходили слухи, что Тому даже предъявили чек для оплаты за пошив свадебного платья Бетси, поскольку из-за бедности жениться на ней ему не разрешили.

Но это могли быть и пустые сплетни, потому что платье у невесты напрасно не пропало, и она через месяц счастливо вышла замуж за Дика Велакотта из Мокхэма.

Все это сильно подействовало на Тома, и, потеряв имущество, невесту и надежду на будущее, он решил так: «Мир поживился мною, как волк овцой. Господи, дай мне сил стать хищником против всего мира».

И Провидение встало на его сторону. Он с успехом грабил на дорогах богатые экипажи. Вскоре слава о нем разнеслась далеко за пределы Бристоу. Он занимался своим промыслом и днем и ночью, имея в «шайке» только трех лошадей. Дела шли хорошо, и вскоре Том решил, что пора и отдохнуть. Он скопил немало денег, оставил себе некоторую сумму, а остальное отдал на благотворительность. Надо сказать, что Том любил высшее общество, и ни один из дворян не пренебрегал его приглашениями. Отзывались о нем прекрасно, и Том принимал у себя эсквайров и даже членов выездного суда присяжных, когда те останавливались в гостинице, в которой жил сам Фаггус. Гости с удовольствием пили за его здоровье, женщины бросали в его сторону страстные взгляды, а дети устраивали засаду на перекрестках, чтобы предупредить о приближении судебных исполнителей, если таковые вдруг объявятся.

Однажды, в самом начале своей карьеры, Фаггус повстречался на дороге с самим сэром Робертом Бэмпфилдом, при котором находился один-единственный слуга. Том Фаггус приставил пистолет к виску сэра Роберта, решив расквитаться с ним раз и навсегда. Слуга, увидев это, решил не торопить коня, а сделал вид, что отстал и никак не может нагнать своего хозяина, якобы заблудившись. Баронет дрожащими руками вынул кошелек, справедливо считая, что теперь уж живым ему не уйти. Том забрал кошелек и перстень, а потом поклонился, вернул вещи назад и объяснил, что не в его привычках грабить грабителя. Потом он выволок незадачливого слугу из леса, надавал ему тумаков за недостойное поведение и обобрал до нитки.

Фаггус оставил себе только одну лошадь — свою любимицу кобылу Уинни. Как она досталась ему, Том никогда не рассказывал, но мне кажется, что это был подарок одного полковника, большого любителя азартных игр и лошадей, которого Том спас от разъяренных кредиторов. Если добавить, что на счету Фаггуса нет ни капли пролитой крови (потому что его взгляда, щелчка пистолета и репутации было вполне достаточно для того, чтобы все его желания выполнялись мгновенно), он ни разу не ограбил бедняка, не оскорбил женщину, был патриотом своей родины, человеком верующим, с мягким нравом и веселым характером, то нетрудно будет понять, отчего он пользовался всеобщей любовью и заслуженной славой.

Все проклинали Дунов, занимавшихся грабежом, но все обожали Фаггуса (кроме тех, наверное, кого он обчистил). Многие старики и нищие благодарили его за деньги, отнятые у богачей, а трактирщики и конюхи — те просто-таки обожали его.

Я так долго рассказываю о Томе только затем, чтобы вы правильно поняли его, поскольку он — мой любимый кузен и, кроме того, возлюбленный моей... Но хватит об этом. Вы сами все узнаете, когда придет время.

Он вернулся через три месяца в самом начале весны и привез мне новый карабин, зная о моем увлечении оружием. Мать сначала протестовала, но Том смог убедить ее, что приобрел ружье на честно заработанные средства. Возможно, это и так, поскольку Том все-таки старался, чтобы безобидным путем добыть деньги. Так или иначе, я был неслыханно рад и выбрал себе цель подальше в полях, чтобы научиться стрелять из нового ружья. Фаггус научил меня кататься на Уинни — с тех пор она подросла и стала еще красивее, но все равно помнила и любила своего незадачливого наездника. Энни была без ума от Тома, и тот даже заявил, что он — ее крестный отец. Правда, я не понимаю, откуда он это взял. А когда Фаггус уезжал, бока Уинни сверкали в пламени свечей, и нам казалось, что они отливали вишневым цветом.

Больше, пожалуй, никаких ярких впечатлений от отрочества у меня и не осталось. Жизнь шла спокойно и размеренно. Я усердно трудился на ферме, стараясь во всем помогать матери, а когда вспоминал Лорну Дун, мне начинало казаться, что все это — только прекрасный сон.

Но никому не будет интересно знать, сколько бушелей пшеницы мы снимали с акра, как доились коровы или как проходила жатва. Скажу только, что самым крупным, не считая скота, на нашей ферме был я. Не страдая отсутствием аппетита, я очень быстро набирал рост и вес, увеличиваясь каждый год в высоту на десять сантиметров и на пять в ширину. Очень скоро я стал самым здоровым во всем Экзмуре. Но и это не имело большого значения, потому что у нас не было мерки вроде Дуновой двери, а если бы и была, я бы в нее просто не пролез. Я стал мишенью для всяческого рода шуток и насмешек. В конце концов, я начал стесняться своих размеров и боялся подходить к зеркалу. Правда, моя мать, наоборот, гордилась мною и говорила, что для нее я навсегда останусь малышом.

Я всегда держался прямо, гордо подняв подбородок, и от этого казался еще выше. А нашей бедой в семье оставалась крошка Элиза. Хотя ей привозили самое лучшее вино на пасху, она не росла, оставаясь маленькой, костлявой и угловатой. Но дело не только в этом. Ее язычок тоже оставлял желать лучшего. Лиззи была ядовитой и колкой, она могла ехидничать и жалить когда угодно, а это мне очень не нравится в женщинах. Да простит меня Бог, что я так говорю о дочери собственного отца, тем более, что он ни в чем не виноват. Во время беременности моя мать поскользнулась на льду и сильно ушиблась около сарая. Негодяй Фрэй поленился сколоть лед и прикрыл его соломой. Конечно, он получил взбучку от отца, но матери от этого легче не стало. Элиза родилась на следующий же день с хилым телом и острым умом — хуже не придумать.

Зато Энни уже превратилась в прекрасную блондинку, и я мог часами наблюдать за ней, если только не засыпал у огня, думая о нашем дорогом отце. Она забирала волосы в пучок, но иногда непослушные золотистые пряди спадали ей на плечи, а я смотрел на них через полуприкрытые веки и мечтал. Если долго любоваться Энни, то можно понять: только это лицо расскажет вам, как могут быть красивы тень или свет. И если я вдруг о ком-то плохо говорил или просто думал, стоило мне взглянуть в прекрасные глаза Энни, и я сразу понимал, что был неправ.

Что касается Дунов, то они продолжали процветать, и никто против них не восставал, разве что, распуская сплетни, но на это они как раз меньше всего обращали внимания. Иногда на них жаловались и доходили до высоких инстанций, но тщетно. Один раз жалоба дошла даже до короля. Но Его Величество лишь отшутился и был так собою доволен, что о жалобе предпочли забыть. Кроме того, никто из высокопоставленных лиц в Экзмуре хозяйства не имел, поэтому Дуны разбойничали по-прежнему и местные жители старались обходить их земли стороной. Единственным человеком, кто бы мог с ними справиться, был Том Фаггус, но он и сам считался вне закона. К тому же Том переселился в Уонтадж в графстве Беркс. По его мнению, климат там был посуше, дороги получше и народ побогаче.

Кое-кто из наших соседей считал, что при моей физической мощи и умении стрелять я бы мог давно разобраться с Дунами и показать им, чего я стою. Но в то время я был еще слишком скромным, вздрагивал, когда меня окликали и краснел, как девушка. Я не был еще достаточно силен для своего роста. И, хотя я по-прежнему горячо любил покойного отца, мне оставалось непонятным, как бы я смог ему помочь, нанеся увечья другим. Есть такие люди, которые веками культивируют кровную месть, и ради видимости удовлетворения готовы убивать и разрушать чужие судьбы. Я сомневаюсь, что истинный англичанин способен на такое. Правда, это не касается женщин, потому что если у женщины жизнь не сложилась, она, по моему, готова мстить всем.

Но не будем об этом. Я не люблю рассуждать о вещах, в которых плохо разбираюсь. Тем не менее, если бы я встретил именно того из Дунов, который убил моего отца, я, несомненно, избил бы его до полусмерти (если бы у меня хватило сил), но стрелять бы стал только в случае, если бы он начал игру с оружием первым, если бы он обидел кого-то из моей семьи или просто

оскорбил женщину. Энни и мать придерживались того же мнения, зато Элиза иногда ругала нас за нерешительность и, фыркая, вообще отказывалась разговаривать.

Зимой, когда мне исполнился двадцать один год, в наших местах случилось нечто непонятное, что напугало всю округу, и даже я чувствовал себя довольно неуютно. Ничего дурного, разумеется, ни с кем не произошло, но явление было настолько таинственным и непонятным, что никаким логическим объяснениям не поддавалось, а приписывалось исключительно нечистой силе. Зима выдалась на редкость теплой, снег так и не выпал, а если изредка и выпал, то лежал на земле не более часа, а потом все равно таял, даже на самых высоких вершинах Экзмура. Такого мне не приходилось наблюдать за всю жизнь. По ночам было темно, как будто звезды исчезли с неба, зато днем долины наполнял такой густой туман, словно вся наша местность превратилась в прачечную, полную пара и пены. На болотах было полно бекасов и чирков, они летали, свистели и громко хлопали крыльями, вороны кружились над павшими овцами, однако кулики и ржанки куда-то исчезли, и когда по ночам раздавался одинокий крик коростеля, тем не менее никто его при этом не видел.

Выходить на охоту становилось и неприятно, и небезопасно (а я как раз любил стрелять дичь именно зимой) из-за густого тумана, отчего даже выстрелы стали звучать по-другому. Из-за плохой видимости можно было запросто сбиться с пути и забрести в непролазные топи или упасть в ущелье.

Тем не менее я выходил из дому, поскольку, во-первых, был еще юным и неопытным, а, во-вторых, я стыдился собственного страха. К тому же, кроме победы над этой слабостью, меня манил туман и еще кое-что, а именно — тайна и неизвестность, перед которой склоняют головы даже сильные и мудрые.

Моя мать, думавшая обо мне куда чаще, чем о себе самой, очень волновалась за меня. Правда, я мог учуять запах ужина за целую милю и никогда бы не заплутал в родных местах даже в таком тумане, тем не менее мать приказала повесить большой колокол перед сараем и велела бить в него каждые десять минут. Это немного омрачило мои прогулки, потому что звук колокола напоминал мне занятия в Блюндеде, и каждый раз, слыша ненавистный звон, я с ужасом вспоминал школу.

Самое печальное занятие во время сильного тумана (а он не спадал в течение двух месяцев) — это стоять возле моря и наблюдать за волнами. Слишком тяжело сознавать, какие они огромные и могучие, а видеть только часть их, слышать мощный гул валов и не иметь возможности созерцать всю картину бескрайних просторов.

В Линмауте жил один старик, объездивший полсвета, но вернувшийся сюда, чтобы быть похороненным на родине. Он выстроил себе домик около моря и рассказывал много интересного. Так вот, этот старик Уилл Уотком говорил, что такая необычная зима произошла из-за некоего Гольфстрима, который неожиданно повернул к нам. Он утверждал, что есть такое теплое течение, причем вода там настолько горячая, что ее можно использовать для бритья. Эта вода вытесняет нашу холодную воду, отчего страдает в первую очередь рыба во время нереста, и после этого надо ожидать холодную весну.

Я любил навещать Линмаут по воскресеньям и слушать рассказы старика, и, хотя он большей частью был молчалив, но почему-то ко мне проникся доверием и поведал много занимательного. Он говорил, что это могучее течение заглядывает в наши края не так уж и часто, один раз в десять лет, а бывает, что и раз в полвека, и только Господь Бог знает, зачем это нужно. Но вместе с течением приходит тепло, облака, туман и сырость и, соответственно, богатый урожай, особенно орехов. Говоря об орехах, старик весело подмигивал, но тогда я его не понял, а позже выяснил, что вместе с течением к нашим берегам заносило какие-то заморские орехи с винными ядрами. Никогда еще столько иностранного спиртного не причаливало к нашим берегам.

Люди поговаривали, что Уотком прекрасно знал места, куда прибывает этот «товар». Но наш мировой судья де Уичехальз уверял, что никакой контрабанды здесь нет. Некоторые работники даже рыли специальные ямы для хранения таких «орехов». Правда, доказательств этого тоже нет, поэтому я не буду слишком строг и не стану судить тех, кто, возможно, увлекался спиртным и после прихода в наши места теплого течения сам становился «тепленьким».

Но не огромное количество запасов заморского спиртного испугало и удивило нас и даже не очертания парусника в тумане, появляющегося в утреннем тумане. Нас страшил непонятный таинственный звук, от которого мурашки ползли по коже, мы жались друг другу и закрывались одеялом с головой.

Как только на землю спускались сумерки и в небе не оставалось ни отблеска красного заката, долины прорезал долгий стон, сопровождаемый топотом человеческих ног. Неважно, где бы вы ни находились в это время — на болотах, в горах или в лесу — звук словно шел из сердца земли. А потом этот топот прерывался еще более странным звуком, напоминающим скорее всего истошный хохот, от чего сердце уходило в пятки и человек тихо сходил с ума.

Но даже я, тупой и невежественный, не мог поверить в то, что наш Создатель позволил бы злу вырваться наружу и овладеть нами, хотя, после того как я сам все это слышал три вечера подряд, я предпочитал сидеть дома и не доходить даже до конюшни, и пламя маленькой свечи мне было куда приятнее костра даже в хорошей компании.

Разные истории рассказывали по этому поводу. В основном сходились на том, что это стонет призрак какой-то женщины, а за ней гонятся бесы. Правда, я не очень-то верил в подобные байки, но на всякий случай после заката всегда закрывал дверь на засов.

Глава 13

Приезд господина Гекабека

Господин Рубен Гекабек был дядюшкой моей матери и весьма уважаемым человеком в Дулвертоне. Он владел самым большим магазином тканей в городе. Особенно хорошо дела шли у него перед Рождеством, когда ему удавалось продать огромные партии товара к празднику. Мы были его единственными родственниками (если не считать его собственной внучки Руфи, о которой, кроме него, никто не заботился), и поэтому мать нежно и по-христиански любила дядюшку. Люди в Дулвертоне все как один утверждали, что господин Гекабек по праву считается самым богатым человеком в городе, он мог бы скупить половину всех земель в округе, если, конечно, захотел бы.

Итак, этот уважаемый джентльмен (ибо именно так к нему обращались горожане за его толстый кошелек — а я видел и негодяев, которых называли «уважаемый») должен был навестить нас в канун Нового года. Не потому, что ему очень хотелось (он терпеть не мог деревенской жизни), но мать уговорила его приехать в гости и даже заставила дать честное слово, что он приедет. Наш дядюшка славился тем, что всегда сдерживал обещания, во всяком случае, с тех пор как открыл собственное дело.

Богу было угодно, чтобы в этом году (несмотря на густой туман) дядюшке удалось доставить в Дулвертон в целостности и сохранности несколько вьючных лошадей, груженных тюками с ценными тканями. Итак, подводя итоги года и разослав исковые жалобы на банкротов, как и полагается истинному христианину перед Рождеством, он оседлал коня и, надев лучшую шубу, отправился в Оар, оставив помощнику немного еды, массу поручений и свою внучку для призора.

Мы договорились, что он приедет в последний день декабря около полудня, надеясь, что Дуны, как и все нечестные люди, любят поваляться в постели подольше, и поэтому для дядюшки будет безопаснее приехать к нам по возможности раньше. Правда, тут мы немного просчитались, поскольку эти разбойники, как оказалось, веселились всю ночь накануне и решили вовсе не ложиться спать, а прямо с утра уже разъезжали по округе, но, возможно, не с целью грабежа, а просто в поисках приключений.

Мы отложили обед до часу дня (что меня, разумеется, не слишком обрадовало) и наметили праздничный предновогодний ужин на шесть вечера. Певцы с фонарями должны были появиться под окнами примерно в это же время. Мы обязаны были их напоить допьяна и хорошенько угостить. И хотя в нашей семье уже не было церковного старосты, по обычаю считалось, что это право тем не менее принадлежит только нам. Пока что на эту должность по рекомендации матери избрали Николаса Сноу, но он плохо справлялся со своими обязанностями, и все в приходе ждали, когда подрастет еще один Рид, то есть, я. Тем не менее, Николас был приглашен к нам со своими тремя симпатичными дочерьми, работавшими на маслобойне. Глупец Фрэй зачем-то разнес по всему приходу сплетню о том, что я тайно влюблен во всех троих, хотя, честно говоря, меня не привлекала ни одна из девушек. Сноу должны были прийти к нам по двум причинам. Во-первых, дядюшка обожал общество юных девиц, а, во-вторых, только Николас во всей округе умел курить трубку.

Дядюшка Бен обожал трубку. Он мог подолгу сидеть у огня и курить, ничего при этом не говоря, но ему хотелось, чтобы рядом находился по крайней мере еще один курильщик.

Все утро я провозился со скотом — день выдался на редкость мрачным — и мне надо было загнать всю скотину в хлев, чтобы она не разбрелась и не потерялась в тумане. Когда около часу дня я пришел домой, то был уверен, что дядюшка Бен уже рассматривает на кухне наш бекон, поворачивая то один окорок, то другой. Дядюшка обожал этим заниматься, потому что

во всем Дулвертоне ничего подобного он достать не мог, и к тому же он ценил любые продукты домашнего изготовления. Но вместо этого на кухне оказалась только лишь ворчливая Бетти Максурти, которая при виде молодого хозяина не преминула схватить крышку от сковороды и ткнуть меня ею в бок.

— Прекрати сейчас же, Бетти, — как можно сдержаннее произнес я, потому что к этому времени старуха стала несносной, и ругать ее было бы бесполезно.

— Ах ты, бочка из-под сидра! — съязвила Бетти, она любила так называть меня из-за моего роста и большого веса, — редкостное явление в природе!

— И с редкостным аппетитом, — подхватил я, не желая ссориться с ней в праздник. — Кстати, я чувствую, что у нас сегодня будет замечательный ужин. — Тут я был прав, потому что успел почуять великолепные запахи готовящихся яств.

— Возможно, Джон Рид, но только тебе придется повременить немного с едой.

— Ты что же, хочешь сказать, что дядя Бен еще не приехал? — изумился я.

— Нет, и хотя не моего ума это дела, чудится мне, что его по дороге поймали Дуны.

И Бетти, которая ненавидела дядю Бена за то, что он ни разу не дал ей денег и ей не разрешалось садиться с нами за стол в его присутствии, злорадно расхохоталась, а потом снова ткнула меня сальной крышкой. На этот раз я успел увернуться и гордо вышел из кухни. Мне было очень неприятно, что она до сих пор так обращается со мной, как будто я не старший в семье, а какая-то девчонка вроде Лиззи.

— Джонни, Джонни! — закричала мать, выбегая из гостиной, где у нас в честь праздника были выставлены чучела птиц, павлиньи перья и даже чучело зайца, убитого еще бабушкой. — Наконец-то ты пришел! У нас тут не все в порядке, Джонни.

Мать нацепила на руки браслеты, которые я терпеть не мог по многим причинам. Я считал, что такой хлам неуместно носить на ферме, никакого отношения к памяти отца они не имеют, и потом, я просто не мог объяснить, почему эти безделушки меня раздражают, а от этого они начинают раздражать еще сильнее. Но это дядя Бен дарил матери украшения, и из уважения к нему и ради собственных детей ей приходилось их изредка надевать. Но не только это расстроило меня. Я терпеть не могу, когда меня называют «Джонни». Я понимаю еще Джон или Джек, тут мне все равно, но не при моем же росте употреблять уменьшительные имена!

— Что случилось, мама?

— Не сердись на меня, Джонни. Надеюсь, ничего плохого еще не произошло. Я знаю, что ты очень мягкий и спокойный, Джон Рид, иногда даже чересчур мягкий. — Я понял, что она подготавливает меня ко встрече с дочерьми Сноу и безнадежно повесил голову. — Как ты думаешь, не могли ли те самые люди (она никогда прямо не называла фамилию Дун) встретить по пути твоего дядюшку Бена, едущего на коне, в шубе и с подарками?

— Ну что ж, в таком случае мне их очень жаль. Ему придется открыть поблизости магазин, и тогда они разорятся, это уж точно.

— И ты еще можешь шутить, Джон! А я ведь так старалась, обед уже стынет, а ужин — что станет с ним? Я ведь специально купила новые тарелки с голубым рисунком, и кроншнеп должен быть нафарширован луком только перед подачей на стол, а еще надо следить за жареной свиной, чтобы вовремя повернуть ее...

— Милая мама, я тебе глубоко сочувствую. Давай тогда пообедаем прямо сейчас. Мы же обещали ждать его только до часу дня, тем более, что все уже изрядно проголодались. Все ведь испортится, мама, как же мне будет жалко! А потом искать его в тумане все равно, что иголку в стоге сена. Неужели ты позволишь, чтобы я уехал, не поев?

Мать стала серьезной.

— Что ты, Джон, я об этом даже и не думала! Слава Господу, что он не лишил моих детей аппетита. Дядя Бен может и подождать.

Итак, мы пообедали в кругу семьи, сожалея, что дядюшка не смог разделить с нами трапезу, однако, не забыв оставить порцию и ему. Но так как он не появлялся, я взял ружье и отправился на поиски.

Я поскакал по следам полозьев (надо заметить, что в Экзмуре мы не пользуемся колесами. Один раз какой-то чудаковатый решил проехать по нашей местности зимой в экипаже и сломал ось — слава Богу, что не шею), добрался до горных хребтов, спустился к Линн, исследовал оба берега, осмотрел поля, но ничего не обнаружил. В одном месте я принял кусты за крадущегося человека, но, разумеется, ошибся. Было около трех часов дня, и при свете я даже отличал оленей от овец, хотя туман был довольно сильный. Мне захотелось подстрелить одного оленя, я знал, как сестры любят оленину, но они стояли так близко и так невинно смотрели на меня, что я невольно опустил ружье. Если бы хоть один из них бросился удирать, я бы, несомненно, пристрелил его.

Я поскакал дальше, и уже через три мили почувствовал капли влаги на бороде (к этому времени она уже немного подросла, и я по праву ею гордился). Собаки у меня не было, а местность казалась недружелюбной и пустой, и если мимо пробежала заблудившаяся овца, я уже не мог определить, к чьей отаре она принадлежала. Эту местность мы называли «Висельное болото», поскольку здесь и впрямь стояло немало виселиц, хотя тела с них обычно снимали либо ради цепей, либо для обучения молодых хирургов.

Но теперь меня это не страшило — ведь я был уже не школьник, а взрослый молодой человек, почти мужчина и, кроме того, неплохо ориентировался даже в незнакомых местах. Ружье мое было заряжено, а что касается физической силы, то я бы мог уложить любых двоих из нашей округи, не считая, разумеется, Дунов. Мне дали прозвище «балка» и обходили меня стороной, не желая сходитьсь врукопашную. Честно говоря, всяческие шутки относительно моего роста порядочно поднадоели мне, и я проклинал все на свете, когда по воскресеньям мне приходилось по дороге в церковь выдерживать многозначительные взгляды девушек и слышать, как они перешептываются у меня за спиной.

Наступил вечер, и туман сгустился. Кусты постепенно теряли очертания и превращались в темные пятна. Я успел измучиться, и мне показалось, что я сбился с пути, потому что уже несколько минут мне не попалось ни одной виселицы. В это время завыл ветер, и я понял, что выехал к какой-то горной долине, и тут впервые меня охватил страх. Но потом я успокоился — каким дураком надо быть, чтобы испугаться звука! Я остановился, и звук пропал. Ничего не было слышно, кроме стука моего собственного сердца. Я тронулся дальше, насвистывая веселый мотив и держа ружье наготове.

Вскоре я подъехал к большому камню, вкопанному в землю, на котором был начертан небольшой красный крест, видимо, в память о какой-то стычке. Я остановил лошадь и, положив ствол карабина на этот памятник, стал размышлять. Найти дядюшку Бена не представлялось возможным. Теперь пусть выпутывается сам, если он, конечно, еще жив. Надо было самому выбираться из этой глуши и поскорее возвращаться домой.

Туман наплывал волнами, наполняя все вокруг сном и оцепенением. Вскоре ничего вокруг уже не стало видно, и я радовался, что могу хотя бы наощупь отыскать тот самый камень, возле которого решил сделать привал. Вдали послышался топот копыт, я прошептал: «Господи, пошли какую-нибудь дичь», но звук постепенно стих, и я снова опустил ружье.

И вот, пока я ругал себя за такое опрометчивое путешествие, где-то совсем рядом раздавался мучительный стон, словно кто-то рвался из-под земли наружу, не зная, как освободиться от оков. Минуту я стоял не шевелясь, не в силах совладать с собой и только чувствовал, как поднимаются волосы на голове, словно рожки улитки. Однако, не видя опасности, я собрался с духом и поскакал вперед. Вероятно, шестое чувство помогло мне, и очень скоро я очутился на знакомом перекрестке. И тут уже более отчетливо я услышал тот же стон, к которому присоединился и другой звук — словно где-то рядом хромала больная заблудившаяся овца. Я испу-

гался, но, тем не менее, напряг слух в надежде, что ничего подобного больше не повторится. Поскольку я торопился домой, в мои планы никак не входило застревать в пути, особенно в такое ненастье. Но меня удерживала любовь к животным, да и, какой же из меня будет фермер, если я не приду на помощь овце, пускай и чужой. Тем более что топот становился все ближе, животное задыхалось, а потом я услышал какое-то бормотанье и понял, что мне предстоит встреча совсем не с овцой.

— Боже, смилуйся! — хрипел кто-то совсем рядом. — Боже, спаси мою душу! И если я обманул Сэма Хикса на той неделе, Боже, ты же знаешь, что он это заслужил. Господи, что же теперь со мной станет?

Голос стих, потом послышался кашель, и незнакомец снова стал задыхаться. Не мешкая, я бросился вперед и тут же чуть не столкнулся с горным пони. На спине его лежал мужчина, привязанный ногами к шее животного. Голова его была прикручена к хвосту, а руки безвольно свисали вниз, напоминая какие-то нелепые стремяна. Дикий пони, перепугавшийся за свою жизнь, брыкался, не зная как отделаться от такого необычного бремени.

Я изловчился и поймал пони за косматую мокрую челку. Он начал вертеться, но вскоре понял, что все попытки бежать напрасны, и притих, даже не укусив меня ни разу.

— Добрый господин, — обратился я к этому странному седоку, — не бойтесь меня, я не сделаю вам ничего дурного.

— Помоги мне, милый друг, — взмолился мужчина, — кто бы ты ни был, помоги, — стонал он, не глядя на меня, потому что был надежно привязан к пони. — Бог послал тебя во имя спасения, а не грабежа, потому что меня уже успели ограбить.

— Дядя Бен! — воскликнул я, тут же узнав его. Мне было страшно видеть богатейшего человека Дулвертона в таком жалком состоянии. — Дядюшка Бен, что с вами случилось? Это же вы, господин Рубен Гекабек!

— Честный торговец тканями, саржа, лен, бархат... — бормотал дядя Бен, — под знаком играющего котенка в славном городе Дулвертон. Ради всего святого, юноша, освободи меня от этих позорных пут, и я тебе хорошо заплачу, но только в своем городе Дулвертоне. И пожалуйста, оставь мне этого пони, потому что мою лошадь разбойники тоже увели...

— Дядюшка Бен, вы что, не узнали меня? Это же я, ваш любящий племянник Джон Рид.

Короче говоря, я перерезал ремни, которыми бандиты привязали его к пони, но сам он не мог путешествовать верхом, поскольку слишком ослаб. Тогда я взвалил его к себе на седло и послал лошадь быстрым шагом, а пони повел в поводу.

Как только дядюшка Бен понял, что находится в безопасности, он успокоился, замолчал и тут же заснул. Ему было уже семьдесят пять лет, и такое приключение, несомненно, измотало его до предела. При этом он храпел так, что мне даже показалось, будто тот страшный звук на самом деле шел из Дулвертона.

Как только мы добрались до дома, дядюшку тут же усадили поближе к огню. Я с удовольствием и сам отдохнул, потому что мне пришлось еще и стаскивать его с седла, а дядюшка отличался солидным весом. Дядя Бен несколько мгновений испуганно озирался по сторонам, оглядел кухню и, убедившись в том, что находится у племянницы, снова заснул до самого ужина.

— Он должен жениться на Руфи, — сквозь дремоту бормотал дядюшка, обращаясь скорее к себе самому. — Он возьмет в жены Руфь, и они унаследуют от меня все, чем я владею. Правда, это не очень много, огромную часть моего богатства отняли сегодня разбойники. Негодяи!

Мать очень расстроилась, увидев дядюшку в таком состоянии. Я не стал мешать ей и Энни, оставив их с дядей, чтобы они позаботились о нем и хорошенько накормили, а сам пошел во двор проведать пони. Это был превосходный экземпляр. Потом он долго и честно работал на ферме, хотя дядюшка просил отдать его в Дулвертон, чтобы запрягать его в повозку. «Хорошо,

я отдам его, — сказал я тогда, — но только с одним условием. Вы поедете на нем верхом в таком же положении, в котором я вас впервые на нем и увидел». На этом вопрос был исчерпан.

Дядя Бен был весьма своеобразным человеком — долговязым и неуклюжим, очень быстро принимавшим решения, не церемонившимся ни с кем. Он оценивал человека по внешнему виду и всегда смотрел на окружающих с подозрением, словно ожидая подвоха с любой стороны. Это поначалу несколько удивляло меня, потому что честнее фермеров народа нет. Мы никогда никого не обманываем, разве что только в базарный день, да и то потому, что так велит традиция, и на то он и есть рынок, чтобы торговаться. Дядя не воспринимал наши простые обычаи и частенько посмеивался над деревенским укладом жизни. Но очень скоро я стал замечать, что ему становится скучновато без дела в наших местах. Я уже согласен был отдать ему пони, чтобы как-то скрасить его потери, но он наотрез отказался, заявив, что эта сделка уже свершилась.

В том, что дядюшку Рубена ограбили Дуны, никто не сомневался. Великолепная кобыла дяди сразу приглянулась Дунам и они, по их выражению, «выменяли» ее на дикого пони, к которому жестоко прикрутили хозяина коня ремнями. Два или три часа они развлекались тем, что гоняли пони в тумане по лесу, наслаждаясь стонами дяди, а потом, проголодавшись, просто ускакали прочь, оставив дядю и пони на произвол судьбы. Через несколько дней, когда дядя окончательно пришел в себя, он стал возмущаться, рассуждая о том, чем он мог заслужить подобное отношение и почему негодяи ограбили именно его.

— Разве именно я достоин этого? — негодовал дядя, не веря в слепую судьбу и Его Величество случай. — Нет, такого отношения к себе я не потерплю, и я дойду даже до короля, если понадобится!

Иногда он добавлял:

— Семьдесят пять лет я живу на белом свете и ни разу никого не обманул. Никто меня и пальцем не смел тронуть. И вот, пожалуйста! Дожил до благородных седин — тут-то меня, честного торговца, и ограбили!

Здесь мы все наперебой начинали хвалить дядюшку за то, какой он честный и справедливый, как ему повезло, что раньше на него никто не нападал, несмотря на то, что он прожил такую долгую жизнь. И какой ужас, какое бесчестье, что именно теперь его так жестоко наказали. Но надо быть благодарным Богу за то, что это случилось всего один раз и обошлось благополучно с точки зрения жизни и здоровья дядюшки. Дядя Бен молча выслушивал, а потом заявлял, что именно ему-то Бога благодарить абсолютно не за что.

Глава 14

И все закончилось вином

Вместо того чтобы наслаждаться новогодним пудингом, дядюшка Бен беспрестанно твердил о своем горе, снова и снова пережевывая случившееся. В конце концов, мать не выдержала и спросила, что же именно так тревожит дядю, на что тот ответил, что больше всего ему жаль дорогих подарков, которые он приготовил для нас. Мать заявила, что у ее детей и так всего достаточно и что нам не нужно от него ни золота, ни серебра, а хитрющая Элиза тут же добавила, что дядя может нам сделать и новые подарки, когда мы летом приедем навестить его в Дулвертон.

Чтобы немного успокоить дядю, мать обещала пригласить Николаса Сноу, дабы посоветоваться, как лучше всего поступить в данном случае.

— А если с ним придут его три дочери, — улыбнулась мать, — будет еще веселее. Это очаровательные девушки. Может быть, они вам понравятся, дядюшка, и вы возьмете их к себе на работу в магазин. Из них получатся прекрасные помощницы.

Я понял, что мать говорит это не столько для дяди Бена, сколько для меня, но сделал вид, что ни о чем не догадываюсь, продолжая смотреть в свою тарелку.

Вечером пришел Сноу с дочерьми, и дядюшка Бен в самом деле очень обрадовался (он еще не видел девушек, поскольку в день его приезда им сообщили о несчастье и попросили временно отложить визит). Сестры тут же обступили дядюшку, начали веселить его, осыпать комплиментами и щебетать о всякой ерунде. Маме стало немножко обидно за Энни, которая всегда держалась очень скромно и не привлекала внимания гостей. Правда, когда настало время подавать вино, мы собрали всех девушек в одной комнате и заперли на ключ, объяснив, что нам предстоит серьезный деловой разговор.

Николас Сноу устроился в углу, потягивая трубку. Ему не хотелось выслушивать ничего серьезного после сытного ужина, и он уже почти дремал, качая головой, косматой, как у пастушьей собаки. Мать с вязаньем присела рядом, а дядюшка Бен примостился на табуретке, словно показывая этим, как он беден и несчастен и все, что теперь у него осталось — это табурет от трех ног. Он молчал, полагая, что первой заговорить положено хозяйке дома.

— Господин Сноу, — не спеша начала мать, сразу почему-то покраснев, — вы, наверное, уже слышали о том несчастье, которое постигло нашего родственника по пути из Дулвертона. Времена настали тяжелые, и никаких улучшений пока не предвидится. Если бы только у меня была возможность поговорить с Его Величеством, я рассказала бы ему, что творится в наших краях, но у меня много своих хлопот, и я...

— Ты отвлекаешься, Сара, — устало произнес дядюшка Бен.

— Расскажите, как все произошло, — потребовал Сноу. — Опишите все с самого начала и в подробностях, тогда будем думать, что нам делать дальше.

— К черту подробности! — рассердился дядя Бен. — Какие вам нужны еще подробности, когда меня ограбили? Причем в вашем приходе, и я это легко докажу. Позор не только для Оара, но и скандал на всю Англию. Я заставлю вас всех ответить! Хорош приход, раз в нем гнездятся разбойники, и всех это, кажется, вполне устраивает! Я разорю здесь всех, если, конечно, кто-то еще не разорен! Да я на ваших глазах продам вашу же церковь, но верну себе все — и шубу, и седло, и коня.

Мать посмотрела на меня, а я — на Николаса Сноу. Дядюшка бушевал, а мы с матерью прекрасно понимали, что в нашем приходе люди тоже умеют постоять за себя, и начали опасаться, как бы Николас в ответ не наговорил еще больших глупостей, чем наш любимый дядя.

Однако, это молчание дядюшка воспринял по-другому. Он посчитал, что мы страшно испугались, и обрушился на наш приход с новой силой.

— Племянник! — обратился он ко мне, грозно помахав мне указательным пальцем. — Ты дубина и неуч, и тебе я ничего не оставляю, потому что ты годишься разве что только чистить мне башмаки.

— Ничего страшного, дядюшка, — спокойно ответил я. — Я с удовольствием буду чистить для вас башмаки хоть два раза в день, пока вы у нас гостите.

Цена этой фразы, брошенной невзначай, была две тысячи фунтов, как вы потом сами в этом убедитесь.

— А что касается нашего прихода, — выкрикнула мать, не в силах больше сдерживать свои чувства, — то мы сможем за себя постоять. Но при чем тут Джек, сэр? Оставьте его в покое! Между прочим, он мог бы запросто проехать мимо вас в тот вечер, так что лучше не трогайте его! После всего того, что он для вас сделал, вы начинаете кричать на моих детей...

— Подумаешь! Твои дети, Сара, я полагаю, ничем не отличаются от других детей.

— Да как вы смеете такое говорить? Да еще и сравнивать их с другими!

— Успокойся, Сара, я мало что знаю о детях. Вот моя маленькая Руфь, например, ничем не примечательна.

— Я и не говорю, дядюшка, что мои дети исключительные, но что касается доброты...

Мать достала платок, но я жестом показал ей, что не стоит обращать внимание на слова дядюшки, неважно, каким бы состоянием он ни владел.

Тут выступил вперед Николас Сноу, решив, что пора и ему заступиться за наш приход.

— Господин Гекабек, — начал он, указывая на дядюшку мундштуком трубки, — вы говорите, что только в нашем приходе существуют разбойники. Смею вас заверить, что это далеко не так. Так что вы, извините, просто клеветник.

Николас Сноу замолчал и гордо оглядел нас, словно ожидая похвалы. Однако, ничего подобного не произошло. Мать волновалась не за приход, ее больше беспокоила судьба собственных детей. Что же касается меня, то мне было неловко и стыдно слышать, как один гость оскорбляет другого, потому что обвинение во лжи в наших местах считается самым тяжким. Но, видимо, на дядюшку это как раз не произвело сильного впечатления, потому что по роду своей работы ему часто приходилось сталкиваться с обманами и мошенничеством.

Поэтому он только покачал головой, глядя на Сноу и мысленно подсчитал, какую бы выгоду он имел при заключении сделки с таким простаком и тупицей.

— Давайте прекратим эту перебранку, — примирительно произнесла мать, — обижать друг друга проще всего, но лучше такие слова произносить про себя. Я, кстати, сама так частенько поступаю. Давайте, послушаем, что может предложить сам дядюшка Рубен, чтобы как можно скорее смыть это позорное пятно со всех нас, и как ему побыстрее вернуть его имущество.

— Меня не интересует имущество, дорогая моя, — вздохнул господин Гекабек, — хотя и стоит это все немалых денег. Я хочу наказать этих негодяев.

— Тише, тише! — испугался Николас. — Мы слишком близко к их логову, не надо так говорить о Дунах!

— Стая трусов! — негодовал дядюшка, однако при этом поглядывая на дверь. — Кажется, ничего я здесь так и не добьюсь. А уж вы-то, господин Сноу, церковный староста, на которого надеются ваши прихожане! Да у меня мальчишки на побегушках в сто раз смелее! Трусы! — Дядюшка размахивал руками, словно пытаясь смести нас всех с лица земли прямо сейчас. — Да я вас всех уничтожу!

Зная, что перечить дяде невозможно, мы молчали, ожидая, когда буря стихнет. Тем не менее все продолжали пить вино, и, когда добрая половина бочонка опустела, дядюшка Бен пришел к выводу, что был к нам строг и несправедлив. К тому же Николас Сноу стал ему

нравиться по той причине, что он очень долго курил трубку и в основном молчал. Девушкам к этому времени разрешили выйти из комнаты, Энни и Лиззи суетились вокруг дядюшки, а дочери Сноу вовремя успевали подливать вина в бокал достопочтенно-го господина Гекабека.

В самом конце вечера, когда Энни и Лиззи ушли зажигать фонари, дядюшка Бен встал, не опираясь на трость, оглядел всех присутствующих и произнес следующую речь:

— Позвольте мне задержать вас еще на некоторое время, друзья мои. Я хочу, чтобы вы все выслушали меня внимательно и сделали правильные выводы. Возможно, я был не совсем прав, когда не стеснялся в выражениях по отношению к вам, но ни одного из них назад я брать не стану — это не в моих привычках и противоречит всем принципам моей жизни. Замечу вот что. Если вы в Экзмуре недостаточно храбры, чтобы сражаться со злом и победить его, я могу с уверенностью сказать, что кое в чем другом вы превзошли многих своих соотечественников, а именно — в умении принимать гостей и потчевать их.

С этими словами он снова уселся на свой табурет и, еще раз окинув нас блестящими от вина глазами, потребовал очередную чарку. Девушки, которые к этому времени успели вернуться, бросились исполнять желание важного гостя, но Энни, разумеется, опередила всех. Так и закончилась наша встреча и обсуждение планов о том, как поступить с Дунами. Лично я спал спокойно, счастливый оттого, что нахожусь у себя дома в собственной постели и что ни о чем не надо думать, а вся беседа только в том и состояла, что бы мы могли сделать, да если бы, то есть одни слова и никаких действий. И это меня вполне устраивало.

Глава 15

Напрасная попытка

На следующий день господин Гекабек попросил у матери дать ему сопровождающего в очень опасное и секретное место, куда ему надо было прибыть по делам своего магазина. Мать порекомендовала ему Джона Фрэя, на что торговец сукном только рассмеялся и заметил, что тот Джон не слишком внушительных размеров, а вот другой Джон ему как раз подошел бы, поскольку уж если он пропадет, то сам Гекабек камня на камне не оставит во всем Экзмуре.

Мать тут же нашла с полсотни причин, только бы не пускать меня с дядюшкой. Правда, ни одна из ее отговорок не подействовала на него, поскольку он знал, что все это лишь глупые выдумки. Но мне самому захотелось поехать вместе с дядей, поскольку охранять такого почтенного господина льстило моему самолюбию. После долгих уговоров мать разрешила мне ехать, и каково же было мое разочарование, когда я выяснил, что нам всего-навсего предстоит визит к барону де Уичехальзу, чтобы рассказать ему об ограблении дядюшки и получить ордер на арест Дунов.

Каким же глупцом я был тогда (впрочем, таким же, видимо и остался), что не сказал дяде сразу о всей тщетности его намерений. Ведь де Уичехальз никогда бы не дал такой ордер. Тем не менее, я почему-то промолчал. Наверное, я посчитал себя молодым и неопытным, и, кроме того, мне хотелось смены обстановки, а душа жаждала приключений.

Мы выбрали дорогу через Брендон и Бабрук, стараясь избежать горных троп над Линмаутом. День выдался ясный, и я посмеивался над опасениями дядюшки. Когда мы добрались до Лей Мэнор, нас сразу провели в большой зал, где угостили добрым элем и рождественским пудингом. Здесь мне очень понравилось, я никогда не видел таких богатых домов, и тем более было приятно, что угощение подавали люди знатного происхождения. Но дядюшке Рубену, естественно, все это было не в диковинку, и его даже немного раздражало то, что многие посетители, узнав его, тут же подняли бокалы за его здоровье.

— Сэр, — обратился дядюшка к одному торговцу, своему знакомому, — мое здоро-вье окрепнет, если вы мне вернете три фунта и двенадцать шиллингов, которые должны мне вот уже пять лет, а так как мы находимся у судьи, у вас есть прекрасная возможность рассчитаться с долгами.

Потом нас провели в комнату судебных заседаний, где находился сам барон и полковник Хардинг, еще один мировой судья. Барона я видел и раньше, поэтому никакого страха или благоговения он мне не внушал. Тем более, что я учился в Блюндеде вместе с его сыном, и барон относился ко мне благосклонно. Это был миролюбивый человек, и все в округе уважали его и немного жалели, потому что род его находился на грани вымирания. Первый из де Уичехальзов был родом из Голландии. Фамилия была знаменита лет сто или сто пятьдесят назад. Преследуемый за религию, он переселился в Англию, купив обширные поместья в Девоншире. С тех пор его потомки заключали браки с различными графскими семьями: Котуэллов, Марвудов, Уолрондов, так что дамы приносили с собой довольно приличное приданое. Лет за пятьдесят до того времени, которое я описываю, семья де Уичехальзов имела большое влияние и хорошую репутацию в западной части Англии. Но с годами они потеряли большую часть земель, и, соответственно, власти. Как это произошло, никто толком и не помнил, но если первые потомки голландца сумели приумножить свое богатство, то последние отличались способностью лишь прожигать свое состояние. Может быть, так повлияла девоншрская кровь в смеси с голландской, но только теперь последнюю ветвь рода де Уичехальзов продолжали уважать, хотя и значительно меньше.

Хью де Уичехальз, седовласый господин с добрыми голубыми глазами, высоким лбом, орлиным носом и тонкими губами (совсем как у дамы знатного происхождения) поднялся с кресла, как только мы зашли в зал, а полковник повернулся и галантно шелкнул шпорами. По моему, это мы должны были поклониться тем, к кому приехали, но так уж устроены джентльмены, и девять из десяти будут первыми оказывать уважение, даже имея дело с низшим сословием.

Дядюшка Рубен шаркнул ногой, изображая нечто наподобие реверанса, и зашагал вперед с видом такого важного и богатого человека, будто он готов был купить этих двух джентльменов со всеми потрохами. Конечно, они знали друг друга, а полковник Хардинг, как выяснилось, должен был дядюшке приличную сумму денег под залог. Но полковника дядя как будто и не заметил, а обратился непосредственно к де Уичехальзу. После того, как он изложил суть дела, барон ласково улыбнулся и сказал:

— Значит, вы хотите, чтобы мы арестовали Дунов, господин Гекабек? Которых из них, будьте любезны, назовите их имена.

— Милорд, я не являюсь их крестным отцом, и я сомневаюсь, чтобы таковой у них вообще был. Но мы все хорошо знаем сэра Энзора, и с именами, я думаю, заминки тоже не будет.

— Итак, сэр Энзор Дун и его сыновья. Сколько сыновей, господин Гекабек, и как зовут каждого из них?

— Откуда мне знать, милорд, и если бы даже они мне были знакомы, как я смог бы запомнить все их имена? Могу сказать только, что их было семеро.

— Итак, ордера на арест сэра Энзора Дуна и семерых его сыновей, имена которых неизвестны и вряд ли они их имеют... Что ж, господин Гекабек, я все это записал. Сэр Энзор, разумеется, был среди них, как вы только что сами показали?

— Нет, что вы, милорд, я не говорил, что...

— Если он сможет доказать, что его там не было, вас обвинят в лжесвидетельстве. А что касается сыновей, господин Гекабек, готовы ли вы принести клятву, что это были именно его сыновья, а не племянники, не внуки и что они вообще принадлежат к роду Дунов?

— Милорд, я уверен, что это были Дуны. К тому же, я готов заплатить за любую ошибку, допущенную мною.

— Да, заплатить он действительно сможет, — вмешался в разговор полковник Хардинг.

— Я рад это слышать, — улыбнулся барон. — Значит, ограбление (если таковое вообще произошло) не слишком подорвало ваше финансовое положение. Иногда людям только кажется, что их ограбили, зато потом приятно сознавать, что ничего подобного не было, что это только мелочь, которая никак не сказалась на общем благосостоянии. Итак, вы уверены, что те люди (если вообще таковые были) действительно отобрали у вас или, может быть, позаимствовали какие-то вещи?

— Милорд, может быть, вы считаете, что я был пьян и ничего не помню?

— Ни в коем случае. Хотя в это праздничное время и такое состояние было бы вполне объяснимым. Но откуда вам известно, господин Гекабек, что нападавшие были именно членами конкретной семьи?

— Потому что никто другой там быть не мог. Потому что, несмотря на густой туман...

— Туман! — воскликнул полковник Хардинг.

— Вот именно: туман! — заметил барон. — Ну что ж, вот вам и объяснение. Теперь я вспоминаю, что день был действительно безобразный и всадник едва мог бы различить голову собственного коня, и Дуны никогда бы не выехали со своей земли, это понятно. Господин Гекабек, я искренне рад, что вы обозначились. Что ж, это и понятно, в таком тумане не мудрено ошибиться.

— Возвращайтесь назад, дорогой друг, — посоветовал полковник Хардинг. — И я уверен, что вы найдете все пропавшие вещи там, где их случайно оставили. Я и сам прекрасно знаю, что это такое — заблудиться в тумане на болотах Экзмура.

Дядюшка Рубен был настолько потрясен, что не находил нужных слов.

— Милорд, неужели вы так все и оставите? И это называется справедливостью? Да если я поеду в Лондон и расскажу Его Величеству, что человека грабят на дороге, в графстве Сомерсет, а его судьи уверяют, что он сам во всем виноват, тогда...

— Извините меня, — прервал его де Уичехальз, — но я как раз собирался объяснить вам самое главное. Дело в том, что несчастье произошло с вами в Сомерсете, а мы, скромные слуги Его Величества, отвечаем за порядок только в графстве Девоншир, и поэтому не можем вам помочь, даже если и на самом деле было совершено уголовное преступление, как вы уверяете.

— А почему же тогда, — закричал дядюшка Бен, не в силах сдерживаться, — вы не сказали об этом сразу, а заставили меня терять столько времени попусту? Да вы все тут сговорились. Вы считаете, что честного торговца можно ограбить и чуть ли не убить, а преступники останутся без наказаний только потому, что они знатного происхождения? А если несчастный бедняк, который спасает своих детей от голода, украдет паршивого ягненка, вы тут же отправите его на виселицу и скажете «Подделом тебе, ворюга!». Выходит, если у меня все в роду дворяне, а сам я при этом подонок, то...

Дядюшка Бен не мог больше говорить, он так разволновался, что изо рта у него пошла пена.

Не помню, как мы добирались до дома, но все услышанное так потрясло меня, что я с трудом пересказал все матери. Никогда не думал, что благородные люди могут вести себя настолько низко и подло.

Мать, конечно, тоже переживала все случившееся, но гордилась мною. По крайней мере, я сделал то, что обещал — я проводил дядю к барону, но сам в разговор не встревал, а только стоял рядом и молча слушал.

Всю дорогу домой дядюшка молчал. Он был недоволен собою, но поведение барона и полковника расстроили его еще сильнее. В ту ночь, перед тем как идти спать, дядя обратился ко мне:

— Племянник Джон, я вижу, что ты лучше других относишься ко мне. И так как ты не владеешь красноречием и вследствие этого будешь хранить тайну, я скажу тебе вот что. Дело это не закончено, у меня есть еще козырь про запас.

— Вы имеете в виду, дядя, судей из графства Сомерсет?

— Нет, не имеет смысла. Они станут насмехаться надо мной подобно негодяям из Девоншира. Я придумал кое-что получше. Я обращусь к самому королю или даже не к нему, а к человеку, более влиятельному, чем Его Величество. У меня есть связи. Я сейчас не буду называть тебе его имени, но когда ты с ним встретишься, то поймешь, что я имею в виду.

Так оно и вышло. А человек, о котором говорил дядюшка, был никто иной, как судья Джеффриз.

— А когда вы поедете к нему?

— Может быть, весной, а может, даже летом, ведь я не могу ездить в Лондон, когда мне заблагорассудится, а только по делам. Помни, Джек, когда ты с ним встретишься, смотри ему прямо в глаза и никогда не лги. Это могущественный человек, даже самые знатные люди трепещут от его взгляда. Впрочем, я засиделся у вас в гостях, может быть, от этого у меня и нервы расшалились. Хотя я согласен задержаться еще на денек, но только с одним условием.

— С каким же, дядя Бен? Жаль, что вам не понравилось у нас. Если хотите, мы пригласим еще раз Николаса, а еще для вас может спеть хор...

— И еще очаровательных дочек Сноу. Спасибо, Джон. Но уж очень они шумные. Мне вполне хватает твоих сестер. Нэнни очень милая девочка, пусть приезжает ко мне летом. —

Дядя всегда называл сестру «Нэнни», говоря, что имя «Энни» кажется ему слишком утонченным и напоминает о французах. — Завтра, мой мальчик, если ты не откажешься, мы с тобой поедem к крепости Дунов. Я хочу оглядеть все собственными глазами, чтобы найти их слабые места и подготовить план нападения, когда придет время. Только сделать это надо тихо, чтобы никто не узнал. Поедешь? Я хорошо заплачу тебе.

Я тут же дал свое согласие, но отказался от денег, поскольку не считал себя бедным. На следующий день я расставил работников в поле, особенно обратив внимание на любопытного Джона Фрэя, вечно сующего нос не в свои дела, чтобы потом обо всем доложить жене, и мы с дядюшкой, которого я усадил на старушку Пэгги, отправились за запад сразу же после завтрака. Дядюшка Бен отказывался ехать безоружным, поэтому мне пришлось все-таки зарядить карабин. Правда, в те времена ружье никогда не мешало в дороге и каждый, у кого оно было, обычно брал его с собой. Таким образом, мы часто недосчитывались даже собственных овец. Правда, здесь я не могу обвинять Дунов, тем более, что они любили повторять, что сами они «не мясники». Дуны заставляли пастухов убивать для них овец, разделявать лучшим образом и приносить к воротам. Несчастные пастухи выбирали самый отборный откормленный скот, лишь бы уцелеть. Поэтому фермеры, владеющие стадами в пятьсот или шестьсот овец, частенько обнаруживали, что пропадают как раз те барашки, которых они намечали зарезать к празднику.

Но вернемся к рассказу. Дядюшка ехал на Пэгги, однако, не разрешал мне отходить слишком далеко. День выдался солнечным, но настроение от этого не улучшалось, и всю дорогу дядя молчал, погруженный в свои заботы. Я заметил, что тревога не оставляет его, и поэтому решил хоть как-то развеять его уныние.

— Выше голову, дядя Бен, не бойтесь ничего. Я тут знаю каждый куст, и нам никто не угрожает.

— Бояться? Кто говорит о страхе, Джон? Давай лучше думать о чем-нибудь хорошем, ну, хотя бы о цветах!

Мне представилась примула, и тут же воспоминания о Лорне Дун нахлынули на меня. Я вспомнил прекрасную девочку с огромными мечтательными глазами, смотрящую мне вслед. Помнит ли она меня? Или, может быть, забыла мальчишку с рыбой, который так дерзко вторгся в ее владения? Сердце защемило, мне захотелось снова увидеть ее, притронуться к шелковым волосам, прижаться щекой к гладкой коже. Сердце тревожно забилося, я уже чувствовал, как любовь завладевает всем моим существом. Я понимал, что та короткая встреча навсегда покорила меня, и никто, кроме моей Лорны, не сможет занять место в моем сердце.

Дядюшка прервал мои мечты, потому что теперь мы въезжали в леса Бэгворти — самое темное и безлюдное место во всей округе. Даже теперь, когда деревья стояли без листвы, черные стволы и ветви окружали нас, словно хотели накрыть невидимым плащом. Я шел рядом с дядей, и Пэгги время от времени оборачивалась ко мне и недовольно фыркала, видимо, почувствовав наше беспокойство. Правда, на пути мы встретили только несколько сов и ястребов и вскоре подошли к крутому склону, который Пэгги был уже не под силу. Дядюшка не хотел слезать с пони, считая, что в случае чего, он легко ускачет на ней, но я убедил его, что раз уж мы доехали сюда, то дело надо закончить. Кряхтя, он слез с Пэгги, и мы привязали ее в укромном месте. Потом дядюшка оперся на свою палку, я взял в руки карабин, и мы начали подниматься в гору.

Никаких тропинок тут не было, и это нас обнадежило. Значит, Дуны здесь не ходят. К тому же исключалась полностью возможность заблудиться, потому что мы поднимались именно по той горе, которая образовывала естественную каменную ограду вокруг крепости Дунов. Подниматься было трудно, слишком крутой оказалась гора, но нам помогали корни дубов и кусты, за которое мы цеплялись, чтобы не свалиться вниз. В конце концов, мне при-

шлось даже спрятать карабин в камнях, поскольку одной рукой я хватался за ветви, а другой поддерживал дядюшку.

Наконец мы добрались до вершины и оттуда, с высоты трехсот метров, осмотрели владения Дунов. Зрелище действительно было великолепным. Правда, семь лет назад мне пришлось побывать в этой долине, но те впечатления уже стерлись, к тому же я был мальчишкой, и красота природы меня не увлекала. А теперь, зная, куда именно я пришел, я осмотрелся повнимательнее.

Впереди на расстоянии в полмили находился еще один горный хребет, похожий на тот, на которым мы сейчас стояли, а между ними лежали расщелины. Одна такая расщелина и служила воротами на территорию Дунов, другая представляла собой пропасть, через которую я когда-то и проник к ним в долину. Там я увидел равнину овальной формы, окруженную черными скалами, полностью защищенную от ветра. Казалось, там, вдали, должны всегда царить мир и спокойствие.

Но дядюшка Рубен смотрел на обитель Дунов по-своему. Он понюхал воздух, словно определяя, чем может пахнуть это гнездо хищников, прищурился и произнес:

— Ты видишь, какие они глупцы?

— Конечно, — согласился я. — Все мошенники и негодяи дураки, это я выучил еще раньше, чем азбуку.

— Тупицы. Я думаю, что даже такой молодой человек, как ты, в состоянии сообразить, как можно взять эту крепость в течение получаса.

— Конечно, дядюшка, если только они добровольно сдадутся.

— Три пушки поставить вон на той горе и три на этой — и они у нас в ловушке. Мне пришлось увидеть не одну войну, мой мальчик, и я был бы уже генералом, если бы только к моим советам прислушивались...

Но я не слушал его. Мои глаза увидели нечто более интересное, что ускользнуло от взгляда несостоявшегося генерала. Я увидел ту маленькую пещеру, из которой мне пришлось выбираться семь лет тому назад. С того места, где мы стояли, пещера больше напоминала кроличью нору, но теперь я не мог смотреть ни на что другое, словно это темное пятно околдовало меня. И в этот момент я заметил легкое движение рядом со входом в пещеру. В душе моей вспыхнула надежда, сердце затрепетало. Неважно, сколько времени прошло с тех пор. Из мальчика я превратился в юношу и, может быть, она давно забыла меня, но я по-прежнему верил, что судьба отнесется благосклонно к жаждущему любви человеку. Я готов был встретиться с судьбой и в горе и в радости, потому что судьбу эту звали Лорна Дун.

Глава 16

Недосыгаемая Лорна

Осмотрев расположение противника, господин Гекабек остался собою доволен, но на пути домой подверг меня перекрестному допросу, что мне очень не понравилось. Он заметил, что я разволновался и смотрел в какое-то определенное место, поэтому, заподозрив что-то неладное, принялся выведывать мою тайну. И так как врать я просто не умел, дядюшка попытался зайти со всех сторон, рассчитывая и на свою проницательность и на мою простоту. Все же ему удалось выпытать, что много лет назад я побывал в долине Дунов и что теперь в случае крайней необходимости мог бы попасть туда снова. Однако, дядя узнал только то, что я счел нужным ему сообщить и даже из этой малости он поверил мне только наполовину.

Тем не менее, он очень легко выманил у меня обещание проникнуть к Дунам, как только представится возможность, причем решение проблемы и план действий оставил полностью за мной, во всем полагаясь на мои опыт и смекалку. Правда, он даже не догадывался, что долина Дунов меня интересовала совсем по другой причине.

На следующий день дядюшка отправился домой в славный город Дулвертон, оставив мне обещания о золотых горах, если только я буду всегда и во всем ему помогать. Оставшись один, я загрустил, потому что после посещения Бэгвортского леса я уже и думать ни о чем не мог, кроме как о предстоящей встрече с моей любимой Лорной. Не придумав ничего умнее, я решил проникнуть в долину тем же самым опасным путем, каким я добирался туда в детстве. Чтобы напомнить о себе, я, не скупясь на затраты, заказал в Порлоке у лучшего портного бриджи, и когда мне их привезли, я расплатился, не торгуясь, забыв, однако, что это не самая лучшая одежда для путешествия в ледяной воде.

Время шло, и подходил день святого Валентина. У девушек появились воздыхатели и ухажеры, парни на ферме выглядели озабоченными и немного растерянными. Я и сам был не в своей тарелке. Мне исполнился двадцать один год, и я прекрасно чувствовал себя в компании молодых людей, а с женщинами становился смущенным, краснел и прятал глаза, особенно если это были симпатичные девушки. Самое неприятное было осознавать свою силу, которая росла с каждым днем, и кроме того я, как уже говорил, очень стеснялся своего роста и веса. Дело доходило даже до того, что если у нас были гости, мне было совестно показывать свою силу, и вместо того, чтобы принести поленьев и подбросить их в печь, я просил это сделать Энни и тогда она, грозя мне пальцем и смеясь, убегала и сама подносила дрова нежными девичьими руками. Сколько раз в мыслях я представлял себе, что вырос не больше нашего Джона Фрэя! (Кстати, теперь в порыве гнева я запросто хватал его левой рукой за пояс и поднимал над землей так, что он, брыкаясь, вынужден был извиняться за свои оплошности и каяться, чтобы я отпустил его с миром).

Итак, семь лет прошло с того памятного дня, и я вправе был считать себя влюбленным в течение этих долгого срока. В конце концов я решился навестить Лорну. Для этого я выбрал огромную палку и привязал к ней вилку, чтобы вызвать в памяти мальчика с остройгой. Убедив мать, что мне необходимо отлучиться по делам, я тихо вышел черным ходом и, минуя фруктовый сад, зашагал к ручью Линн. Не задерживаясь в пути, я очень скоро вышел к Бэгворти и без труда нашел ту черную заводь, где начинался водный каскад. Меня немного удивил низкий уровень воды в реке, в остальном же вокруг ничего не изменилось. Я смело вошел в воду, хотя там было так же скользко, но зато теперь на самой большей глубине, которую я исследовал в детстве и где вода доходила мне до колена, теперь я едва мог замочить щиколотки. После некоторых усилий я очутился наверху и остановился, чтобы оглядеться по сторонам.

Зима, как я уже говорил, выдалась теплой, и теперь повсюду чувствовалось приближение весны. Долина прогревалась солнцем и, судя по почкам на кустах, вот-вот должны были распуститься первые листочки. Вода журчала, словно игривая танцующая девушка, разливаясь голубизной, больше присущей апрельским дням. На лугу появились нежные ростки травы, и очень скоро должны были распуститься желтые цветки примулы.

Я люблю наблюдать за природой, в такие минуты мне кажется, что душа моя сливается с каждой травинкой, я начинаю чувствовать каждый листочек, как будто они могут мне рассказать свои истории. Бутоны мне кажутся младенцами, готовящимися к новой жизни, а сам я словно становлюсь их неотъемлемой частью, забывая обо всем на свете.

Итак, я любовался природой, не думая об опасности, которая могла подстергать меня в долине. И вдруг до меня донесся звук в тысячи раз прекрасней журчанья ручья и пения птиц. Легкий ветерок донес до меня нежную старинную песню, слова которой были и трогательны, и наивны:

Пусть любовь ко мне придет
Коль есть она на этом свете!
Моим любимым станет тот,
Кто мне взаимностью ответит.

Но цену трепетной мечты
Нельзя на золото измерить,
Знать это будешь только ты,
В мою любовь ты можешь верить.

Ведь если на земле одна
Лишь я твоей желанной стану
В награду мне — любовь, она
Чиста, в ней места нет обману.

Захочешь же свободным стать,
В другую влюбишься девчонку,

Добром лишь буду вспоминать,
Проклятье не пошлю вдогонку.

Но верю я, любимый мой,
Как верит женщина любая:
Навеки будем мы с тобой
Вдвоем, до врат небесных рая.

Я слушал, затаив дыхание. Нет, слова сейчас не имели для меня значения, это была аллегория, песня, не посвященная никому конкретно. Но звучание этого голоса тронуло самые нежные струны моей души. Так петь не умели даже в хоре нашей церкви. Я прятался между скал там, где начинался водопад, боясь, как бы прекрасная певунья не заметила меня и не убе-

жала в страхе прочь. Но понемногу я осмелел и выглянул из-за куста, и тогда увидел ее — мою любимую Лорну. Я был готов забыть о ледяной воде и грохнуться на колени перед ней в тот же момент, как перед небесным созданием, сошедшим на землю.

Она шла ко мне навстречу, и распускаящиеся примулы словно улыбались ей. Мне казалось, что каждый цветок, на который она посмотрела, начинал распускаться на глазах, становясь ярче, как маленькое солнышко. Я еще не видел ее лица, но длинные черные волосы, как королевский шлейф, плавными волнами струились по ее спине. В волосы Лорны были вплетены белые фиалки, и сама она напоминала нежный цветок, трепещущий при легком бризе. Сполохи заката освещали ее, словно солнце не хотело расставаться с ней. И потом каждый раз, наблюдая закат, я вспоминал о ней.

Песня замерла на ее прекрасных губах, и Лорна замолчала, словно ожидая, что теперь мелодию подхватят птицы и унесут на легких крыльях далеко-далеко. Мне стало страшно перед такой красотой. Ведь я-то был простым деревенским парнем. Не знаю, откуда во мне набралось столько смелости, но я не выдержал и шагнул навстречу ей из темноты и остановился, не в силах поднять глаза.

Она повернулась, готовая бежать, но тут я упал на траву, как тогда, семь лет назад, и выкрикнул:

— Лорна Дун!

Она сразу же меня узнала, остановилась и улыбнулась, и солнце снова сверкнуло в листьях ивы. Лорна подошла ближе, уверенная во мне. Теперь она поняла, что опасаться ей нечего.

— Ах, вот как? — произнесла она, притворяясь, что очень недовольна моим появлением. Еще бы! Она успела показать, что ей страшно, и теперь стыдилась этого. Но я видел, что глаза ее улыбаются, и она вовсе не сердится на меня. — Скажите мне, сударь, кто вы такой и откуда вам известно мое имя?

— Меня зовут Джон Рид, — отозвался я. — Я тот самый мальчик с гольцами, помните? Я приходил сюда, только очень давно, вы были еще маленькой девочкой.

— Да-да, тот самый мальчик, который до того перепугался, что был вынужден прятаться в холодной воде.

— И вы были ко мне очень добры, и не выдали моего присутствия, когда вас забрал чернобородый охранник, а вы притворились спящей, хотя я видел, что это не так. Вы еще помахали мне рукой, когда вас уносили домой.

— Да, конечно, я все прекрасно помню, потому что здесь никого не бывает, кроме... Потому что я просто все запомнила. Только вы, очевидно, забыли, что это место очень опасно.

Она не сводила с меня своих прекрасных глаз, огромных и глубоких, и я чувствовал, что начинаю терять рассудок от любви, и тем более мне было мучительно сознавать, что я недостойн ее и что никогда мне не будет суждено назвать ее своею. Я ждал, что эти глаза наполнятся любовью, ведь именно она и есть весна жизни. Я был не в силах отвечать, а только стоял и смотрел на нее, как зачарованный. Я надеялся снова услышать ее голос, который теперь для меня стал слаще любой музыки и желаннее любой песни. Но она, казалось, даже не замечала моего смущения и не понимала, что сейчас происходило в моей душе.

— Мне думается, господин Рид, — продолжала Лорна, — что вы не отдаете себе отчета в своих поступках. Вы не понимаете, насколько вам опасно тут находиться и что за люди обитают в этих местах.

— Я все это знаю, — медленно проговорил я. — И мне становится страшно только тогда, когда я не смотрю на вас.

Лорна была еще слишком юной, чтобы ответить мне так, как сумела бы взрослая девушка из светского общества, в том стиле, который мы называем кокетством. Она разволновалась и я видел, что она дрожит. Ей действительно стало боязно за меня, ведь в любую минуту

сюда могла прийти охрана и расправиться со мной. Честно говоря, мне тоже стало не по себе, поскольку на собственном опыте я уже знал, что, к сожалению, зло гораздо быстрее находит добычу, чем добро пытается защитить невинного.

Итак, без лишнего шума я решил удалиться, вознамерившись прийти еще раз, уже более подготовленным, и тогда рассказать ей обо всем, что я чувствую и чего желаю. Мне захотелось прильнуть к ней и поцеловать ее (конечно, не грубо, а лишь чуть-чуть прикоснуться губами к белоснежной коже), и я еле сдержался, чтобы не броситься к ней. Но я решил выждать и дать ей время на раздумье. «Так будет лучше, — решил я. — Мое внезапное появление должно вызвать у нее интерес, но не надо торопить события. Может быть, я ей неприятен, а может, наоборот, она будет думать обо мне все время до следующей встречи». А пока я бы смог заняться самосовершенствованием и, например, выучиться играть на каком-нибудь музыкальном инструменте.

— Госпожа Лорна, позвольте мне отбыть в направлении дома (я старался говорить как можно мудреней, мне тогда чудилось, что от этого я начинаю казаться гораздо умнее), ибо мне не хотелось бы доставлять вам лишние хлопоты. Если меня пристрелит какой-нибудь разбойник, вам это не доставит большого удовольствия, а что касается моей матери, то она просто умрет от горя. Мало кто из матерей может похвастаться таким сыном. Думайте обо мне почаще, и в следующий раз я принесу вам свежих яиц. У нас есть прекрасная пестрая несушка.

— Огромное вам спасибо, — улыбнулась Лорна. — Но нам не обязательно видеться. Вы можете положить их в мою маленькую беседку. Я там часто бываю, когда мне хочется уединиться.

— Покажите мне это место. Я буду приходить туда два раза в день и...

— Нет, господин Рид, — перебила меня Лорна. — Тогда я вам ничего не покажу. Вам опасно здесь находиться, тем более, что вы знаете путь сюда, и это может их разозлить.

И она снова лучезарно улыбнулась. Солнце словно опять взошло из-за горизонта вопреки всем законам природы. Мне захотелось закричать от радости, и теперь цель моей жизни была только в одном — завоевать сердце этой красавицы, потому что мое было уже отдано ей на века. В душе я прыгал и хлопал в ладоши, как ребенок, но, памятуя о хороших манерах, я только взял ее протянутую ладонь и поцеловал, чуть дотронувшись до нежной кожи губами.

На обратном пути я пел и насвистывал от счастья, мысленно дарил Лорне все свои богатства, совершенно забыв о том, что еще жива мать, осыпал ее несуществующими драгоценностями, а пройдя милю или полторы, уже проклинал всех мужчин на свете за одно то, что они могут смотреть на мою Лорну и восхищаться ее неповторимой красотой.

Глава 17

Джон очарован

Невозможно передать словами, как я любил мою Лорну. Для меня она означала все, и куда бы я ни кинул взгляд — на цветы или ручей, на солнце или хмурое небо, везде мерещилась мне желанная фигура, слышался мелодичный голос и казалось, еще немного — и она сама выйдет мне навстречу из тумана. Я не мог заставить себя думать ни о чем другом, постоянно вспоминая эту короткую встречу и мечтая о следующей. Даже во время работы на ферме я не замечал ничего вокруг, хотя приходилось мне делать многое и довольно прозаичное, как, например, отправлять шерсть на мануфактуру или закалывать свиней. Я смотрел на резвящихся поросят, а в голове была только одна мысль — интересно, а какую свинью выбрала бы Лорна? Наверное, со стороны это выглядело дико, и вряд ли кто-нибудь из мужчин поймет меня, если он, конечно, не был так сильно влюблен.

Всю следующую неделю я потратил на путешествия, бродя по окрестностям и снова воспроизводя в памяти все мельчайшие подробности нашего свидания. Я потерял интерес к беседам с приятелями и совсем лишился аппетита. Теперь я ел и пил только для того, чтобы немного поддержать свои силы. Вскоре мое странное поведение заметили и работники, потому что теперь я считался полноправным хозяином на ферме, и это породило всяческого рода толки. Я не обращал на них внимания и даже немного презирал, поскольку они не видели Лорну и не могли представить себе, из-за кого я так страдал. Я помногу пил холодную воду, иногда по целому ведру за день, отчего наблюдательный Джон Фрэй распространил сплетню, будто меня укусил бешеный пес, прибежавший с дальних болот.

Это меня возмутило. Да как он посмел сравнивать мою милую неповторимую Лорну с бешеной собакой и сопоставлять душевные муки с водобоязнью! Поэтому я выбрал подходящий момент и задал Фрэю хорошую трепку, да такую, что вытряхнул из него, наверное, остатки мозгов. Фрэй еле добрался до дома, но своей жене ничего объяснять не стал. Однако, я думаю, это надолго отбило у него охоту злословить.

Климат в наших местах довольно мягкий, поэтому человек вправе расслабляться, когда ему угодно, однако раз на раз не приходится, и бывают такие времена, когда природа восстает, и тогда надо бросать все силы для того, чтобы помочь растениям выжить. А вот на юге, например, фермеры практически ничего не делают — там все за них решает небо, а они только сидят дома и занимаются своими делами, пока урожай зреет сам по себе. И если у них небо — мать родная, то нам оно досталось в виде мачехи.

В том году в марте погода резко изменилась к худшему. Восточный ветер принес засуху, губельную для молодых ростков. Лилии и зацветающий орешник погибли, не успев распуститься. Листья становились хрупкими, зеленый цвет их сменился на коричневый. И все в наших краях мало-мальски сведущие в фермерстве понимали, что с природой творится что-то неладное. Даже вязы в том году приобрели песочный оттенок, а завязь на орешнике, казалось, просто покрылась пылью. Солнце едва проглядывало, и все растения трепетали на ветру, словно дрожа от холода. Иногда, бродя по лесам, я прижимался к холодным стволам деревьев, жалея их и пытаясь отогреть собственным теплом, но восточный ветер был жесток и продолжал дуть, уничтожая все живое.

После работы на ферме я приходил домой уставшим. Дни увеличивались, значит, и забот становилось все больше, но, вместо того чтобы порадоваться за сад, мы опять наблюдали печальное зрелище. Земля растрескалась, на почве появлялись узоры, напоминавшие паутину. Растения ждали дождей и тепла, но перемены не наступало. Ростки ослабевали и прижимались к грядкам, словно ища защиты.

Выжили только груши, посаженные еще моим дедом. Эти великаны стойко выдерживали все тяготы своего существования, а достались деду саженцы еще от одного итальянца, которого он выручил во времена царствования Карла Первого. Как этого итальянца занесло в наши края, трудно сказать, но груши выросли на удивление красивые и плодоносят до сих пор.

Когда же на смену восточному ветру пришел западный, тут же принесся с собой бесконечные дожди, груши пережили с достоинством и эту перемену. Короче говоря, ветер менялся, и мне было от этого еще печальнее смотреть на растения, которые не знали, как выжить. Как только погода начинала налаживаться, все вокруг расцветало, но за преждевременной радостью тут же снова следовал сухой ветер.

Я рассказываю об этом, чтобы вы могли понять, как непостоянна может быть погода и как трудно бывает предугадать, что же ждет вас впереди. То же самое можно сказать и в отношении животных — собак, лошадей, а, если уж на то пошло, то и людей — в особенности девушек. Надо только научиться замечать любые перемены и в поведении, и в настроении, чтобы лучше понять, отчего это все происходит.

Печальные сады, поля и леса как нельзя лучше соответствовали моему минорному настроению. Я пребывал в меланхолии и даже иногда упивался своей обреченностью и одиночеством. Конечно, я делал все, что мне полагалось как фермеру и хозяину, но все это не приносило радости. Мать с трудом заставляла меня есть и частенько сидела возле меня, пока я отдыхал. Разумеется, она не поверила в сказку о бешеной собаке, поскольку твердо знала, что Господь не допустил бы такой несправедливости, однако я стал замечать, что она ставит около меня какую-то мисочку с водой, а иногда этой водой опрыскивает мою одежду.

Жестокая Бетти Максурти, которая ничуть мне не сочувствовала и вообще плевать хотела на мое здоровье, изобрела дурацкую шутку. Она врывалась на кухню с высунутым языком, лаяла и заявляла, будто я ее укусил и теперь она подаст на меня в суд и отсудит себе штраф в размере годового жалованья. Особенно она любила это проделывать после ужина, когда я устраивался в углу, скрестив ноги и, положив голову на руки, тихо мечтая о Лорне.

Однако, мы пытаемся найти успокоение даже в самой безысходной ситуации. Мало-помалу я свикся со своим одиночеством и начал усерднее трудиться. Теперь, когда я ставил ограду или вскапывал огород, я чувствовал, что мои мышцы крепнут, а моя сила, в конце концов, сможет еще кое-кому и пригодиться. В шуме ветерка, в изгибах деревьев, в мелодиях молитв и, конечно, в запахе цветов, везде мне чудилась моя дорогая Лорна. И, вспоминая ее, я каждый раз испытывал сладостный прилив любви и нежности.

Но как бы ни была тяжела зима, как бы суров ни был ветер, меня больше всего теперь волновало совсем не это. Я размышлял над тем, сколько еще времени мне нужно терпеть прежде чем я снова смогу отправиться в долину Дунов. Мне было неприятно одно то, что пробираться я туда должен тайком, как вор, что мне надо притворяться невидимкой, будто я совершил какой-то проступок и вынужден скрываться от человеческих глаз. Но еще сильнее я боялся неизвестности — как-то моя Лорна прореагирует на мое появление? А вдруг она посчитает меня грубым нахалом и деревенщиной, болваном, который и знать ничего не знает о хороших манерах? Я не знал, сколько времени должно пройти, потому что конкретного приглашения я так и не получил. К тому же кожа у меня на лице потрескалась от сухого ветра, и кто знает, вдруг Лорне это не понравится и она уже никогда не захочет видеть меня.

Но советоваться было не с кем, поскольку свою тайну я так никому и не доверил. А восточный ветер продолжал дуть, лицо мое становилось все грубее, и я подумал — а что если у Лорны руки тоже страдают от ветра? И может быть, она все-таки выходит из своего заточения? А если она захочет показать мне свои руки? Ведь я должен быть наготове и уметь решить любую проблему. И я решил искать помощи на стороне, не вовлекая никого из знакомых и не рассказывая о том, зачем мне все это нужно.

Самой мудрой женщиной, сведущей в подобных делах, во всем Экзмуре счита-лась некая старушка, известная под именем «матушки Мелдрум». На самом деле ее звали Мейпл Дургем, как я выяснил позже, она происходила из старинной семьи, но не принадлежала ни к Девону ни к Сомерсету. Тем не менее она умела предсказывать и так привыкла к нашим местам, что выучилась всем местным гаданиям, хотя сама она говорила, что для этого нужен особый талант и что люди, обладающие даром ясновидения, должны таковыми родиться.

У матушки Мелдрум было два дома, то есть, на самом деле у нее не было ни одного, но обитала она в двух разных местах в зависимости от времени года. Летом она ночевала в пещере у реки Барль, где было довольно уютно и прохладно. Легенда утверждает, что эту пещеру сотворил сам дьявол ради своего удовольствия. Зимой матушка Мелдрум перемещалась ближе к морю, считая, что морской воздух для нее полезней. Все боялись ее и обходили стороной, если она вдруг попадалась на пути, но каждый знал, где ее можно найти в случае необходимости.

И вот осенью, когда в лесу становилось сыро и неуютно, матушка Мелдрум переселялась ближе к морю, устраиваясь в скалах на теплой подстилке из листьев папоротника. Отсюда она наблюдала за волнами, сюда же к ней приходили и за помощью. Джон Фрэй, например, неоднократно обращался к старухе — то по поводу своего ревматизма, то с просьбой свести бордавки с рук сына, а один раз — снять порчу с овец. Днем матушка Мелдрум бродила по лесу и собирала хворост для костра. Эту местность приезжие окрестили Долиной Камней.

Долина Камней, хотя для долины она и маловата, расположена к западу от Линтона примерно в миле от Лей Мэнора. Само по себе местечко довольно живописное, зеленое, с нагромождениями камней, неизвестно откуда появившихся прямо среди высокой травы. Справа высится большая скала, которую местные жители называли «Замком» и с которой удобно наблюдать за морем. С другой стороны громоздятся сразу несколько утесов и называются они «Дьявольские ножи», и, если верить легендам, то дьявол любил трапезничать в этих местах и пользовался именно такими ножами, которые потом второпях забыл забрать с собой.

Сама долина представляла собой тихое уютное местечко, где можно было присесть отдохнуть от мирских забот и пофилософствовать с собой наедине. Отсюда слышно, как плещутся волны, как шумит море, но воды не видно, отчего создается лирическое настроение. Здесь же солнце всходит, как будто неожиданный гость, из-за камней, пробуждая к жизни все вокруг. И здесь же под его теплыми лучами можно подремать, уютно устроившись в листьях папоротника.

Матушка Мелдрум как раз и ютилась в скалах Дьявольских Ножей, в поисках тепла. И это только способствовало ее репутации, потому что ни один здравомыслящий человек не осмелился бы и близко подойти к скалам после захода солнца или даже в пасмурный день. В Дьявольских Ножах было несколько проходов, куда, по-моему, вообще не ступала нога человека. И вот в это дикое место я и направился в воскресенье после того, как загнал скотину в хлев.

Наш пастор прочел проповедь об Эндорской ведьме (как будто он знал о моих намерениях!) и о неведомых силах, окружавших нас со всех сторон. Он упомянул и о странных звуках, которые были слышны в нашем приходе, и под конец призвал всех укрепить свою веру. Мы все любим слушать истории о непонятных явлениях, и всем нам иногда нужна такая же эмоциональная встряска, как отаре овец хорошая собака, иногда вспугивающая все стадо и гоняющая глупых животных. Правда, было не совсем ясно, какое отношение сила нашей веры имеет к непонятным звукам.

После церкви все разбрелись по домам, а те, кому было далеко идти, остались у нас пообедать, как это, собственно, и происходило каждое воскресенье. Пастор, усевшийся, как обычно, рядом с матерью, волновался, не слишком ли он сегодня запугал прихожан, и даже отказался от лучшего куска мяса, что нас несколько насторожило. Но мы все дружно принялись расхваливать его и очень скоро убедили, что он был неправ, и тогда пастор подобрел и милостиво согласился на добавочный кусок филейной части.

Глава 18

Очарование приводит к колдунье

Несмотря на конец марта, ветер продолжал дуть по-зимнему, когда я направился пешком к матушке Мелдрум. Так было безопаснее, поскольку колдунья могла наслать порчу и на лошадь, как, например, случилось с одной кобылой из конюшни Сноу.

Солнце уже клонилось к горизонту, но раньше я выбраться не смог, поскольку сначала должен был закончить дела на ферме. В долину ложились длинные тени от скал, листья папоротника раскачивались из стороны в сторону и отливали красноватым светом. Между утесов паслись дикие козы. Заметив меня, они насторожились и угрожающе выставили кривые рога. Я услышал рев моря совсем рядом, волны бились о берег, и шум их напоминал тот, который издает большая морская раковина, если ее приложить к уху.

Размышляя о своих заботах и тревогах и не имея при себе даже палки на случай внезапного нападения, я постепенно стал склоняться к мысли, что лучше было бы повернуть назад и вернуться сюда летом, если погода будет этому благоприятствовать. Когда же вдаль я увидел мелькающие серые тени, то меня охватил самый настоящий страх, да такой, что рука, которой я держал Библию в кармане куртки (я прихватил ее, чтобы чувствовать себя поспокойнее), невольно разжалась. «Так тебе и надо, — выругал я себя. — Не будешь вступать в сговор с Вельзевулом!» И почему я не послушался пастора!..

Я не стал убегать сразу, а принялся рассматривать долину, изображая из себя путешественника, который уже изучил все в округе и собирается отправиться дальше. План мой был хорош, и я мог бы благополучно свернуть домой, как вдруг на следующем повороте я заметил пожилую женщину. Завидев меня, она подняла вверх посох, и я вынужден был остановиться.

И теперь, отбросив все страхи и сомнения, я зашагал навстречу старухе, понимая, что на то была воля Божья. Втайне я рассчитывал и на поддержку Библии, хотя только что послушался ее и не обратил внимания на знак свыше. Однако ноги мои перестали повиноваться, и дальше идти я не смог.

Старуха сама подошла ко мне, и я был этому даже рад, поскольку смог присесть на большой камень и успокоиться, так сильно у меня тряслись колени. Я попытался отвлечься, но в голову ничего не приходило, и я стал молиться Господу, чтобы он не бросал меня в такую трудную минуту.

Однако, когда старуха подошла, я увидел, что она совсем не такая страшная, как ее описывают, и в лице ее даже есть что-то приятное и доброе. Казалось, ей пришлось пережить очень многое за долгую жизнь, однако ее сердце еще было способно к состраданию и сопереживанию с другими. Длинные белые волосы спадали до плеч и развевались на ветру, а большие ясные глаза на морщинистом лице внимательно изучали меня. И хотя я мысленно подготовился к этой встрече, все слова разом вылетели у меня из головы, и теперь мне хотелось, чтобы наступившую тишину нарушил хоть какой-нибудь посторонний звук.

— Ты пришел ко мне не за тем, чтобы я благословила твои занятия по стрельбе в амбарную дверь, — сходу заявила старуха, как будто видела меня насквозь. — Дай мне свою руку, Джон Рид, и расскажи, какого совета ты ждешь от меня. Чем помочь тебе?

Но меня так перепугали ее слова, что я не смог протянуть не то что руку, но даже и язык. Оказывается, старуха знала не только мое имя, но и некоторые подробности из моей жизни!

— Не бойся меня, сынок, я не владею силами причинить тебе вред, а если бы и владела, не стала бы их использовать. А теперь, если ты сможешь догадаться, скажи, отчего я так люблю тебя.

— Понятия не имею, матушка, — как можно вежливее ответил я. — Насколько мне известно, мы раньше никогда не встречались.

— И все же я хорошо знаю тебя, как если бы ты был моим родным внуком, Джон. Ты помнишь старый дуб на болоте в Экзмуре? Ты помнишь маленькую девочку, которая могла погибнуть, если бы не твоя забота и доброта? Это была моя единственная внучка, которую я люблю больше себя.

Теперь, когда она напомнила мне про дуб и девочку, я сразу понял, в чем было дело. А случилось это в августе. Какой же я был дурак, что ни о чем не расспросил ту девчонку. Она свалилась в яму на болоте с целой корзиной черники и утонула бы, если бы ее собачонка не заметила меня и не подняла лай. Я принес ее домой, мать передела ее в сухое платье, и я отнес девочку туда, куда она попросила. При этом она назвала только свое имя и сказала, что ей восемь лет. Мы накормили ее сладким картофелем, но ни о чем не спрашивали. Впрочем, у нас это не принято, и гость говорит только то, что он сочтет нужным.

Теперь я смотрел на матушку Мелдрум без страха. Ведь я спас ее внучку, и она должна понять, что я вполне приличный человек и, может быть, она действительно сможет мне помочь. Поэтому я выпрямился, чувствуя себя намного увереннее.

— Добрая женщина, один башмак она потеряла на болоте, мы его себе не брали, а наоборот, обули ее в башмаки Лиззи, — словно оправдываясь, заговорил я.

— Сын мой, ты очень прост и наивен. Какое мне дело до ее башмаков? Но я вижу, что ты не умеешь лгать, поэтому скажи мне прямо: зачем ты пришел сюда?

Я смутился и хотел сказать первое, что придет в голову, но матушка Мелдрум знала, что врать я не умею, поэтому я продолжал молчать еще некоторое время, собираясь с духом, и наконец заговорил:

— Я пришел узнать, когда мне можно будет увидеться с Лорной Дун. — Голос мой дрожал, и я продолжал смотреть на скалы, упорно избегая взгляда колдуньи.

Больше я ничего не сказал, хотя в голове завертелось еще с полсотни вопросов, на которые мне тоже захотелось узнать ответы. И, хотя я глядел в сторону, было ясно, что я сгораю от нетерпения услышать свой приговор. Старуха смотрела на меня с сожалением и осуждением, и я уже разозлился на себя за то, что позволил себе говорить о Лорне в таком легком тоне.

— Джон Рид, — обратилась ко мне матушка Мелдрум. — Кого ты имеешь в виду? Не ту ли милостивую девушку из рода тех, кто убил твоего отца?

— Этого я не могу сказать. Откуда я знаю? И потом, ведь это не имеет отношения к моей просьбе.

— Зато это имеет отношение к твоей матери, Джон, а также и к тебе самому, как я полагаю. Ничто хуже этого не могло выпасть на твою долю.

Она замолчала, но голос ее прозвучал так грустно, что я понял всю безысходность своего положения, но ждал, что старуха добавит еще что-нибудь.

— Джон Рид, если тебе дорога твоя душа и тело, если ты любишь мать и чтить память об отце, никогда не имей дела с Дунами.

Она смотрела на меня в упор и говорила так резко, что вскоре мне стало казаться, что слово «Дун» как проклятье доносил до меня злой ветер, будто деревья зловеще зашелестели листьями, повторяя «Ду-у-ун!». В отчаянии я посмотрел на скалы и загадал, что если оттуда появится знак Божий, значит, нам не суждено быть вместе. Но никакого знамения не было, и тогда я рассердился на колдунью и пожалел, что она женщина и я не смогу дать ей отпор.

— Несчастное существо! Ты проводишь целые дни с костями, ведрами воды и ключами, а что тебе известно о судьбе такой девушки как Лорна? Ты можешь гадать и колдовать, но все это в лучшем случае поможет вылечить хромого ягненка или исцелить домашнюю птицу. Посмотри на меня, матушка Мелдрум, неужели ты считаешь меня полным идиотом?

— Именно так, Джон Рид, но самое главное, что это несчастье постигло именно тебя, хотя ты достоин гораздо лучшей доли. Забудь о ней, пока еще не слишком поздно. Забудь! А теперь смотри вон туда.

Она указала на узкую скалу на фоне темного звездного неба, где вот-вот должен был разгореться бой. Большой толстый белый баран забрался на самую вершину, чтобы полакомиться сочной травой, на которую уже выпала роса. Но к нему навстречу уже спешил черный дикий козел, угрожающе выставив вперед острые рога и злобно фырча. Видимо, козел облюбовал это место первым, и, хотя травы хватило бы на двоих, тем не менее козел вознамерился выгнать со своей земли непрошенного гостя.

Безобидный домашний баран не собирался драться, он с удовольствием ушел бы с пастбища, но отступить уже было некуда. Оставалось одно — сражаться, иначе ему грозило быть сброшенным с обрыва.

— Ложись, ложись! — закричал я барану, как будто это была пастушья собака. Мне уже доводилось наблюдать подобную схватку, и я знал, что у барана не оставалось шансов выжить, если он только не ляжет, а тогда из-за его большой массы козлу просто не удастся скинуть его в море.

— Ложись, ложись, Джон Рид, — передразнила меня матушка Мелдрум, однако на лице ее не было и тени усмешки.

Несчастный баран, услышав мой голос, так жалобно посмотрел на меня, что я не смог этого вынести и рванулся в сторону скалы. Я бежал во весь опор, стараясь предотвратить эту схватку. Но баран понял, что я не успею прийти на помощь, а козел уже начал наступление. Баран нагнул голову, но рога его были непригодны для борьбы, а козел взвился на задних ногах и прыжками поскакал вперед, намереваясь сбить противника в один момент.

Пока я карабкался наверх, я не видел, что там происходит, но знал, что баран будет держаться до конца, и я почти что поверил, что успею спасти его. Но, когда я сделал последний шаг, взбираясь наверх, то увидел, как он, жалобно заблеяв, летит вниз. Эхо его голоса еще несколько секунд висело в воздухе, и я так и не понял, попал он в воду или нет. Я задыхался от быстрого бега и плохо соображал, что произошло, но этот козел вывел меня из себя, так что я не дал ему насладиться победой. Я схватил его за заднюю ногу, поднял в воздух и с силой швырнул в пропасть вслед за бараном.

Глава 19

Еще одна опасная встреча

Я не стал больше задавать вопросов колдунье и твердо решил не навещать ее, хотя она сказала, что всегда будет рада видеть такого гостя. Всю дорогу домой я бежал, и все равно вернулся на ферму уже затемно. Мать начала расспрашивать меня о матушке Мелдрум, но я лишь отмалчивался, чтобы не запугать ее. Я не смог спать, но твердо решил, что буду поступать только так, как подскажет мне сердце. Мысли о старухе не выходили у меня из головы, и поэтому я решил отвлечься тяжелым трудом, работая на ферме буквально на износ, и когда приходил домой, то едва добирался до постели. Так прошло две недели, и душевная боль стала понемногу проходить, правда, теперь от боли ныли мои руки.

Но вскоре холода прошли, подул теплый юго-западный ветер, зацвели луга и ягнята весело запрыгали по зеленой траве. Теперь я снова думал только о Лорне. Солнце согрело землю, весело журчали ручьи, переливаясь на солнце всеми цветами радуги. Горные склоны казались зелеными, рыжими и серебряными — в зависимости от того, какой вид деревьев преобладал в лесу. Как-то я подошел к могучему вязу и, вырезав на нем инициалы Л.Д., долго смотрел на ствол, не в силах отвести взгляда от заветных букв.

Но хуже всего было то, что Лорна являлась ко мне только во сне, а я не мыслил себе жизни без нее. Итак, существование мое теряло всяческий смысл, и поэтому я решил еще раз испытать судьбу с твердым намерением рассказать девушке о своих чувствах. Итак, не ожидая следующей весны, я собрался с духом, оделся по возможности представительнее и красивее и, обогнув дом (чтобы острые глаза Лиззи не заметили меня), твердым шагом направился к заветной цели.

Иногда я ругал себя за то, что не доверил секрета Энни. Ведь она искренне любила меня и никогда никому бы не рассказала о моей тайне. Несколько раз я начинал издали, но когда дело доходило до главного, во рту у меня внезапно пересыхало, слова путались, и я замолкал. Наверное, из-за того, что начинал боготворить Лорну, и говорить о ней простыми словами было для меня недопустимо.

Сперва я хотел взять с собой ружье, поскольку мне было бы чертовски обидно, если бы меня начали стрелять, и я не смог бы ответить тем же. Но, поразмыслив немного, я отказался от этой затеи, вспомнив, что, пробираясь по скользкому водяному каскаду я все равно размочу порох, и толку от ружья уже не будет. Поэтому я ограничился огромной дубовой палкой, которой мы несколько лет прочищали трубу.

Сердце мое трепетало в ожидании встречи с Лорной, душа жаждала приключений, тем не менее, я был рад, что день выдался солнечный, погода стояла тихая и ничто в пути меня не останавливало. Бывает такое время, когда кажется, что все вокруг начинает помогать и сопутствовать удаче — и солнце, и вода, и даже ветер. Будто в воздухе витает надежда на будущее, а под ногами сминается прошлое, и заботы уходят вдаль вместе с прошлогодней листвой. И тогда мы ускоряем шаг, спеша на встречу тайне и неизвестности.

Правда, никакой особенной неизвестности меня не ожидало. Я шел по хорошо знакомому пути и вскоре оказался на вершине водяной лестницы, обозревая долину Дунов. Поток несся лавиной, поскольку ночью прошел сильный дождь, и вода выходила из берегов. Мне пришлось немного потрудиться, чтобы добраться до верха, и там я уселся на камень, чтобы дать отдохнуть уставшим мышцам.

Я был так счастлив от того, что скоро увижу свою Лорну, что незаметно для себя растянулся на мху и заснул, положив перед собой дубовую палку и скинув плащ в лишайник. Может быть, я бы и не задремал, но перед выходом из дома я приях изрядную дозу сидра. Надо

заметить, что я стал прикладываться к нему после того, как навестил матушку Мелдрум в ее колдовской обители.

Рядом со мной протекал небольшой ручей. Он совсем не журчал, потому что вода проходила через массу водорослей и мох, и ручей этот навевал сон. Мне даже показалось, что ручеек иногда замирает, как бы боясь наделать шума и разбудить меня. А за поворотом, где течение становилось быстрее, ручеек начинал сердиться и ворчать. Это показалось мне забавным. Я просыпался, смотрел на сверкающую воду полуприкрытыми глазами и снова погружался в дремоту. Неожиданно сон мой был прерван. На меня упала тень, я открыл глаза и увидел, что солнце мне застилает сама Лорна Дун.

— Господин Рид, вы что, с ума сошли? — нахмурилась девушка и потрясла меня за плечо.

— Не совсем. Я заснул, по-моему, — сразу же ответил я, стараясь не обращать внимания на ее руку, только бы она ее не убирала.

— Уходите отсюда, если вам дорога жизнь. Сейчас сюда придут охранники. Господин Рид, позвольте мне спрятать вас.

— Я и шагу отсюда не ступлю, — поклялся я, хотя внутри уже весь дрожал от страха, — пока вы не будете называть меня просто Джон.

— Хорошо, Джон... Господин Джон Рид, пойдете скорее, если вы не хотите погибнуть.

— Я буду вам повиноваться, но только без спешки. Я думаю, что вашим охранникам тоже не поздоровится, если они наткнутся на меня, — важно ответил я, стараясь дать ей понять, что я не робкого десятка.

Лорна повела меня по верхней долине, время от времени тревожно оглядываясь по сторонам, и мы пришли к беседке, вход в которую был прорублен прямо в скале. Я уже говорил раньше, что еще тогда, в детстве, чуть было не погиб в яме, куда направила меня Лорна и даже сердился на нее из-за того, что она показала мне такой страшный выход. Теперь же я понял, что она была права, и что даже опытным взглядом различить это отверстие в скале было практически невозможно. Внутри этой каменной ниши была лестница, ведущая наверх в горы, по которой я тогда и выбрался в лес. Направо зияла черная дыра, откуда доносился шум воды. Я вздрогнул, вспомнив тот давний вечер, но Лорна только посмеялась над моими страхами. Зато с левой стороны находился уютный грот, вход в который был искусно замаскирован плющом, и если незнакомец зашел бы сюда днем, то после яркого солнечного света никогда бы и не догадался, что тут скрывается весьма уютная беседка.

Лорна приподняла ветви плюща, пропуская меня вперед, и я очень неловко начал протискиваться внутрь. Из-за своих габаритов я передвигался довольно неуклюже, чем постоянно вызывал смех Лорны. Я был готов сквозь землю провалиться, но все же, прижав локти к бокам и наклонившись как можно ниже, я просочился через узенькое отверстие и оказался внутри беседки, там, где Лорна любила уединяться, чтобы помечтать или пофилософствовать.

Комната оказалась почти круглой, метров шесть в диаметре и пестрела разного рода лишайниками, папоротником и мхом. Папоротник был еще прошлогодним, зато мох зеленел вовсю, напоминая пушистую ткань. Крыши тут не было, и наверху плыли веселые апрельские облачка. Роль пола выполняла трава, вместо стульев громоздились валуны, а посреди комнатки пробивался источник, веселым журчанием напоминающий смех младенца. Вода струилась по полу, а потом, превращаясь в тонкий ручеек, исчезала за пределами беседки.

Пока я с восторгом и удивлением рассматривал этот потайной уголок моей возлюбленной, Лорна обратилась ко мне:

— А где же обещанные яйца, господин Рид? Может быть, с вашей пеструшкой что-то случилось и она перестала нестись?

Мне не понравилось, как она это все произнесла, словно насмехаясь надо мной, простым крестьянином.

— Вот они, — невозмутимо ответил я, не обращая внимания на ее обидные слова. — Я бы принес гораздо больше, только я боялся, что половину разобью по дороге к вам, госпожа Лорна.

И я начал доставать из карманов яйца, переложенные сеном, одно за другим и складывать их на мох перед ней. Так я выложил две дюжины яиц. Лорна смотрела на меня в изумлении, а когда я достал последнее яйцо, она ни с того ни с сего разрыдалась.

— Что я такого натворил? — перепугался я, не зная, что делать. Когда плакала Энни, я не сильно волновался, поскольку знал, что всегда смогу ее утешить. — Чем я вас расстроил?

— Дело не в вас, господин Рид, — гордо ответила Лорна, будто я вообще ничего не значил для нее, и слезы ее тут же просохли, — просто я сильно переживаю, когда чувствую запах свежекошенного сена. К тому же, вы ко мне очень добры, и от этого я расчувствовалась. Дело в том, что я не привыкла к доброте.

Я не знал, что сказать, чтобы не испортить все впечатление, и поэтому предпочел отмолчаться. И так получилось, что мое молчание Лорна расценила по-своему и начала рассказывать сама. Я не любопытен от природы, но слушать Лорну доставляло мне истинное удовольствие. Я только боялся, что она закончит свой рассказ и замолчит, да и глаза поднимать на нее мне тоже было немного боязно, поэтому я стоял и не шевелился, словно боясь спугнуть с цветка прекрасную бабочку.

Лорна отошла в угол беседки, и я невольно шагнул вслед за ней. Мне хотелось ходить за ней по пятам, как верный пес, все время ощущать ее присутствие. Но она внезапно остановилась, я услышал легкий вздох, и когда Лорна повернулась ко мне, я увидел глубокую печаль в ее задумчивых глазах. Она уже не вскидывала голову с прежней гордостью, я увидел самую обыкновенную девушку, погруженную в свои тревоги и волнения, готовую поделиться со мной всем, что накопилось за долгие годы одиночества в ее израненной душе.

— Господин Рид, — тихо произнесла она, — я не обидела вас?

Я бросился вперед, чтобы прижать ее к себе и поцеловать, но вовремя спохватился. Ведь это могло оскорбить ее. Нет, пользоваться ее беззащитностью и доверчивостью я не имел права. Я отвернулся, стараясь думать о чем-нибудь постороннем, потому что чувствовал, как жгучее желание овладевает мною. Я тяжело вздохнул и, стиснув зубы, медленно проговорил про себя: «Джон Рид, ты забываешься. Напряги всю свою силу воли и веди себя так, как подобает молодому человеку в присутствии одинокой благородной девушки. Следи, в конце концов, за своими манерами и не забывайся!»

Лорна оценила мою выдержку и самообладание. Ведь тогда она еще не любила меня, да и вряд ли задумывалась над этим. В глазах ее светилась доброта и нежность, но одновременно с этим и решимость. И я понял, что у этой девушки сильный характер, и она никогда не совершит поступка вопреки своим желаниям.

Но теперь она осознала, что я действительно достоин ее уважения, что мне можно довериться, и тогда, сидя рядом со мной в беседке, Лорна поведала мне свою историю. Она говорила долго, ничего не скрывая и не утаивая, а глаза ее казались мне путеводными огнями, потому что каждый раз, когда она описывала события своей жизни, они загорались то гневом, то состраданием, то нежностью, то обидой и болью.

Но, возможно, те, кто не видел Лорну, сочли бы ее повествование довольно долгим, поэтому я решил изложить его вкратце для того, чтобы вы лучше поняли эту девушку, то есть рассказать все услышанное своими словами.

Но нет! Я обещал невозможное. Я не смогу сделать этого. Я начну путаться в прошлом и настоящем, а иногда и отождествлять себя с Лорной. Поэтому я поступлю иначе. Пусть Лорна сама расскажет вам все то, что услышал я в беседке. И если вам ее история покажется утомительной, обратитесь лучше сами к себе — может быть, усталость уже давно залегла в вашем сердце?

Глава 20

Лорна начинает свой рассказ

Мне трудно рассказать обо всем, о чем хотелось бы, потому что раньше я никогда не думала, что кто-то захочет выслушать мою историю. Я не знаю, где у нее начало, где середина, и что надо сказать о сегодняшнем дне. Мне трудно вспомнить, как я относилась к различным событиям в детстве, и как изменились мои взгляды сейчас. Теперь я стала намного старше и умнее. А когда раньше я просила окружающих меня людей объяснить мне некоторые вещи, кое-то из них открыто смеялся мне в лицо, а некоторые даже сердились на меня за излишнее любопытство.

В нашем роду существовало только два человека, которые охотно выслушивали меня и сами что-то рассказывали. Один из них — мой дед, а второй — мудрец, которого мы называем Советник. Мой дедушка, сэр Энзор Дун, человек весьма сурового и жестокого характера (кроме как в отношениях со мной, разумеется). Кажется, он прекрасно понимает, где лежит грань между добром и злом, просто не задумывается над этим. Советник же, напротив, очень жизнерадостный и веселый джентльмен, но ко мне он относился как к ребенку, переводя все в игру, если только не видел, что от ответа на мой вопрос ему не уйти.

Среди женщин не могу назвать ни одной, с кем можно было бы побеседовать, с тех пор как умерла тетушка Сабина, которая, кстати, и занималась моим воспитанием и обучением. Это была образованная женщина, благородная во всех своих поступках и страдающая от того, что ее окружало насилие и невежество. Тщетно она пыталась обучать наших юношей быть справедливыми и честными, как и подобает людям подобного происхождения. Из-за этого ее даже прозвали «Тетушка Честь». Она любила повторять, что я для нее — единственное утешение, но для меня тетя была на самом деле как тихая гавань и отрада, и когда она умерла, я горевала больше, чем когда потеряла родную мать.

Я не помню своего отца, хотя знаю, что он был старшим сыном сэра Энзора и при этом самым храбрым и самым умным. Поэтому меня считают наследницей в этом королевстве насилия, а когда проводятся турниры, то меня величают принцессой или даже королевой.

Здесь живет много людей, и все они счастливы. Возможно, я тоже была бы счастлива. У нас чудесная долина, закрытая зимой от холода, а летом от зноя, бури и метели к нам не залетают. Правда, мы не можем скрыться от дождей, но и в этом есть своя прелесть. Трава зеленеет, вода весело журчит, а какое разнообразие цветов! Тут скучать не приходится, даже если просто остаешься на поляне одна, настолько красива у нас природа.

Рано поутру, как только солнце начинало освещать долину, я убегала к цветам и жила как равная среди них. Но когда наступал вечер и день клонился к закату, маленькое облачко одиночества и печали словно окутывало мое сердце. Я многого не понимала, и ни небо, ни бескрайний звездный простор не давали мне ответа.

А мне хотелось узнать многое: кто я такая, зачем я нужна на этой земле и когда настанет мое время, чтобы я смогла воссоединиться со звездами? Я вижу, вы несколько удивлены. Действительно, почему это все так волновало маленькую девочку? Я и сама не понимала, почему, но те же самые проблемы мучали меня долгие годы, я и сейчас не могу найти ответа на свои вопросы.

А вокруг меня люди жили совсем в другом мире. Это был мир насилия и грабежей, грубых развлечений и боли, безжалостных шуток и бесполезных смертей. Странно, как я смогла не огрубеть среди таких людей, не растратила душевное тепло и сохранила чистоту души. Не было у меня ни учителя, ни наставника, указывающего верный путь. Я молода, но живу как будто под проклятием, которое длится уже долгие годы.

Тут Лорна замолчала и начала горько плакать, словно сожалея о напрасно прожитых годах. Я не знал, как реагировать на все это, но старался выглядеть как можно более жизнерадостно, чтобы не расстраивать ее еще больше. А потом, позабыв про все хорошие манеры, я подошел и аккуратно вытер ей слезы.

— Господин Рид, — продолжала девушка. — Мне и стыдно, и горестно рассказывать вам о своих детских мечтах и переживаниях. Но у вас есть мать, которая вас любит, сестры, которые вас обожают и свой тихий спокойный дом. Вам никогда не понять, что такое полное одиночество. Трудно объяснить, что испытываешь, когда знаешь, что обратиться за советом и помощью тебе не к кому, разве только к небесам, но и Господь Бог не всегда слышит наши молитвы, и тогда наступает полная безысходность, и душу заполняет отчаяние.

Правда, это случалось со мной не так уж часто, тем более, мне совестно сознаваться в этом сейчас, ведь вы мой гость, и я обязана развлекать вас и рассказывать что-то веселое и занятное. Иногда я сердилась на своих сородичей, и тогда они начали скрывать от меня свои победы и больше помалкивать в моем присутствии. Смешно, как взрослые люди боялись маленькой девочки и говорили между собой намеками. Тетушке Сабине они, наоборот, докладывали о своих зверствах в подробностях, специально, чтобы позлить ее, однако никто бы не решился проделать это со мной. Было и забавно, и противно смотреть, как они предлагали мне в подарок кольца, цепочки и драгоценности, недавно принадлежавшие их жертвам.

Я вспоминаю детство потому, что пытаюсь выяснить, что же именно повлияло на мое мировоззрение, и ничего не понимаю. Может быть, мне просто удалось сохранить чистоту в себе? Советник говорит, что все мы в принципе должны оставаться детьми в глубине души, и если это именно так, то это прекрасно.

Я рано лишилась родителей, и поэтому дом перестал для меня существовать. Помню, что мать учила меня вести домашнее хозяйство и отец любил, чтобы мы все по вечерам собирались у очага, но это было слишком давно. С тех пор я ничего не приобрела. Для меня оставались только путешествия по долине и общение с природой, да еще размытые, забытые образы ушедших людей. Иногда, когда я не предаюсь воспоминаниям и не думаю о родителях, внезапно мне начинает казаться, что кто-то в небесах подает мне знак, как высшее знамение. Это может быть или шум ветра, или далекая музыка, или песня птицы, или даже солнечный или лунный свет, и тогда со всей ясностью я ощущаю сладостную боль.

Но часто, когда я просыпаюсь по ночам и прислушиваюсь к тишине, или брожу в одиночестве перед рассветом, или просто стою около ручья и смотрю в воду, неясный образ начинает вырисовываться перед моим мысленным взором. Я припоминаю что-то из прошлого, и тогда этот образ тает и распадается. Я становлюсь похожа на ребенка, который упустил птичку из клетки и тщетно пытается вернуть ее назад. Нет, птица больше не соблазнится золотыми прутьями, она останется на дереве, распевая победную песенку, а клетка будет пустовать.

Иногда я задумываюсь над иронией судьбы. Почему должна была свершиться такая несправедливость, что именно меня, любящую мир и спокойствие, прочат в наследницы этих безумных владений и повелительницы негодяев и разбойников? Трудно поверить, что они станут слушаться меня. Во всяком случае, Советник уже метит мне в помощники, а его сын предлагает руку и сердце. Его называют самым честным вором, но о какой чести можно в таком случае говорить?

И хотя мы даже здесь не можем рассчитывать на полную безопасность, все же мне удалось добиться хоть каких-то уступок и привилегий в связи с моим исключительным положением. Вся территория, там, где долина сужается, считается моей собственностью, и ходить по этой земле имеет право только охрана. Так что кроме часовых здесь никого не бывает. Исключение составляет, разумеется, мой дед, Советник и Карвер.

По выражению вашего лица, господин Рид, я могу сделать лишь один вывод: имя Карвера Дуна вам известно. Он считается самым сильным и храбрым среди наших людей, как и подо-

бает сыну Советника. Но он не похож на своего отца характером — Карвер слишком жесток и горяч и никогда не прислушивается к голосу разума. Советник, мой дядя, пытался научить его сочетать все достоинства с красноречием и мудростью, но ничего из этого не получилось.

Наверное, вам уже надоело слушать мой рассказ, и я готова признать, что он не слишком интересен. Все дело в том, что жизнь моя течет однообразно, в ней не происходит ничего необычного, и один день похож на другой как две капли воды. Среди воинов нет такого, чьего возвращения я бы ждала с тревогой и нетерпением. Да и что тревожиться за них? Ведь они теперь стали грозой всей округи. Среди стариков нет такого, кому я могла бы излить душу и довериться (я не говорю, конечно, о дедушке, потому что он для меня совсем особенный человек), и среди женщин у меня нет подруг. Правда, я нашла общий язык со своей служанкой, которую мне удалось спасти от голодной смерти.

Это симпатичная девушка из Корнуолла, невысокая, но очень толстая, про таких говорят «что в высоту что в ширину». Ее отец работал на шахте в Корнуолле (по крайней мере, она сама так утверждает) и стоил двоих работников из Девоншира, а если брать Сомерсет, то и всех четверых. Он был мастером на все руки, но случилось так, что он вынужден был оставить свою дочь на голодную смерть. Она сама толком не могла мне ничего объяснить, ссылаясь на то, что здесь кроется страшная тайна, но что придет время, тайна раскроется, и тогда мы все поймем, что отец ее ни в чем не виноват. Звали его Саймон Карфакс, и со временем он стал начальником шахты на оловянных приисках в Корнуолле. Гвенни, моя служанка, прекрасно помнит, как это все произошло. Ее мать умерла, отец сильно горевал, но не прошло и недели, как к нему пришли какие-то люди и предложили ему работу. Они ссылались на то, что все мы смертны, что каждый может потерять жену, и, чтобы не расклеиться вовсе, надо немедленно заняться чем-то рискованным. Отец несколько дней не ходил на работу и подыскал себе новое место, но планы товарищей изменили его судьбу. Итак, он стал их предводителем. Эти люди, выставив охрану, занимались чем-то тайным на болотах Экзмура. Отец оставил дочери сыр, хлеб и свою шляпу, которую велел беречь. И с тех пор она больше о нем не слыхала.

Гвенни ждала его три дня, не выпуская из рук драгоценную шляпу. За это время она съела сыр и хлеб и, не придумав ничего лучше, брошенная и обиженная на весь мир, просто пошла куда глаза глядят. Так она прошагала несколько миль, а потом, обессилев, легла возле валуна на дороге и стала ждать смерти.

В тот самый день я возвращалась от тетушки Сабини. Это были ее последние дни, а желание умирающего для нас закон. Тетушка не хотела умирать в долине Дунов, поскольку считала, что даже ангелы побрезгуют спуститься туда, и ей было разрешено дожить остаток дней в одиноком домике в соседней долине. Дуны свято чтут последние желания своих родственников, так что, если перед смертью кто-то захочет исповедаться, мы даже приводим сюда священников. Возвращаясь назад домой в мрачном настроении и не желая никого видеть, я вдруг заметила на обочине маленькую бездомную девчонку. Она лежала, как труп, раскинув руки, но еще дышала, вернее, жевала. Я подошла поближе и увидела, что девушка грызет какой-то черный корень, а у ног ее валялась скорлупа от яйца мелкой болотной птички.

Я попыталась поднять ее, но девушка оказалась слишком тяжелой. Тогда я положила ей в рот кусочек пирога. Девушка тут же проглотила его, и я начала кормить ее по кусочкам. Бедняжка ни от чего не отказывалась, тем более, что я выбрала самые роскошные яства, чтобы хоть как-то уговорить поесть тетушку Сабину. Когда еда кончилась, Гвенни продолжала смотреть на меня такими голодными глазами, словно собиралась съесть и корзину, откуда я доставала для нее лакомства.

Несчастливая Гвенни приняла меня за ангела, хотя я совсем на них не похожа, как вы сами могли в этом убедиться, господин Рид. Она пошла вслед за мною, ожидая в любой момент, что я расправлю крылья, и мы полетим с ней вместе прямо к воротам рая. Я привела ее домой, если, конечно, можно назвать это домом, и Гвенни сама решила стать моей единственной служанкой

и подругой, забыв, правда, спросить, нужно ли это мне самой. В первый же день она побила двоих или троих девушек, с которыми я иногда выходила на прогулку, да так сильно, что с тех пор они не осмеливались появляться ни у моего дома, ни у дедушкиного. Гвенни не страшится ни одного из наших воинов. Единственный человек, к которому она относится с почтением и уважением — это наш Советник. Что касается воровства, грабежей и шумных пирушек, свидетелями коих она становится, Гвенни сразу же заявила, что это их личное дело и ее никоим образом не касается.

Таким образом, она покорила всех мужчин сразу, и ей было разрешено ходить куда заблагорассудится, без дополнительных вопросов и лишних проверок. Она толстая и не слишком красивая, поэтому никто и не пытается за ней ухаживать, а если кто и пробовал, то получал отпор по той простой причине, что Гвенни считает мужчинами только корнуольцев. Иногда по ночам она путешествует по болотам и руслам рек, чтобы дать отцу еще один шанс отыскать ее, а потом возвращается мрачная и разбитая, но все равно верит в то, что рано или поздно отец объявится.

Гвенни подает хороший пример терпения, и я стараюсь в этом походить на нее, хотя пока что у меня ничего не получается. Иногда мне кажется, что я не смогу смириться со своей участью, что настал предел и надо бежать из этой проклятой долины. И меня даже не страшат трудности, которые ожидают молодую девушку вдали от дома. Если бы не дед, которого я очень люблю, я давно бы сбежала отсюда. Но я не могу даже допустить мысли о том, что он будет умирать без меня, без заботливых и любящих рук и сердца. К тому же может возникнуть спор о наследстве, и это тоже сильно расстроило бы деда.

Трудно поверить, что на земле еще существуют такие места, где главным в жизни людей остается мир и любовь, домашний очаг и дружба с соседями, и все это считается нормой. Эти люди уходят на работу с восходом, а вечером целые и невредимые возвращаются домой к детям. И даже ночью они спокойно засыпают, ничего не опасаясь, а когда завывает ветер, они не шарахаются в страхе, для них он слышится не как угроза, а как колыбельная.

Я слышала об этом и читала в книгах, но никогда не видела ничего подобного в жизни и, видимо, никогда уже не увижу, поскольку мне суждено жить здесь. Один раз, правда, мне предложили бежать отсюда, чтобы жить в солнечном мире среди добрых людей. Но тогда мне показалось сомнительным такое предложение, и я не доверилась даже собственному родственнику. Закончилось это весьма печально, так, что мне даже рассказывать страшно. В один миг меня словно вышвырнули из мира детской наивности, цветов и деревьев в мир жестокости и беспощадности, темноты и страха. Даже не просите меня вспоминать это, господин Рид, я хочу, чтобы сон ваш оставался крепким.

Но я, Джон Рид, разумеется, уговорил Лорну продолжать. Я был тогда еще слишком молод, и мне нравились истории, будоражащие кровь. Лорна вздохнула, с минуту помолчала, а потом продолжила свой рассказ.

Глава 21

Второй рассказ Лорны

С той поры не прошло и года, но мне кажется, что минуло уже лет десять, так много изменили во мне события, о которых я хочу вам поведать. Тогда я любила бесцельно бродить по долине, ничего не пугаясь, а лишь мысленно строя себе чудовищ из камней или темных елей, играла с цветами, обдувая себя пушистыми одуванчиками. Ничто не тревожило мой покой, и я наслаждалась безмятежностью, как любой другой ребенок.

Я еще не сознавала, что живу среди зла, что мои родственники приносят боль и горе в чужие дома. По приказу деда никто не должен был рассказывать мне об этом, и я видела перед собой только галантных кавалеров и храбрых наездников. И все они казались мне добрыми и благородными. Это было неудивительно, поскольку на своей территории Дуны никого не грабят и ведут себя тихо, а ссоры происходят только во время карточной игры. И хотя сэр Энзор уже стар и слаб, никто бы не осмелился его послушаться. Даже самые отчаянные головорезы притихают и становятся смиренными, если им предстоит встреча с этим седовласым старцем. Нет, он не груб с ними, он никогда не ругает и не упрекает их, наоборот, на лице его появляется странная улыбка, которой они все боятся. А когда дед начинает пристально смотреть на своих сородичей, у тех даже язык отнимается от страха. Имея такую надежную охрану, я никогда не волновалась о своем благополучии и спала спокойно, ничего не опасаясь.

Но в тот вечер, о котором я хочу рассказать, случилось непоправимое. Как сейчас помню, это произошло в середине июля, пятнадцатого числа. Я заигралась в долине после заката, поскольку помнила старинную примету: если в этот день пойдет дождь, то он будет идти потом еще сорок дней подряд. Я сплетала затейливый венок из цветов жимолости и побегов вереска, чтобы порадовать деда — он любил смотреть на меня за ужином в самых причудливых головных уборах, которые я изобретала сама. Надев на голову свою изысканную диадему, чтобы не смять ее по дороге, я взяла в руки шляпку и пошла по тропинке в сторону дома. Я торопилась, потому что боялась опоздать к ужину и не хотела сердить дедушку. Самое неприятное заключалось в том, что дед никогда не показывал своего гнева, но плохое настроение его передавалось и мне, и всем окружающим.

Поэтому я выбрала короткий путь и, вместо того чтобы идти через луг, срезала угол и помчалась лесом. Вы там еще не бывали, господин Рид, насколько мне известно, но с горного хребта это местечко кажется большим серым пятном. Молодые люди не любят этот лес, потому что о нем ходят страшные легенды, а старики не забредают туда, поскольку в этой чащобе почти не слышны выстрелы.

Солнце клонилось к горизонту, и надо было поторапливаться. Длинные тени от деревьев ложились на поляны, а в траве я заметила слабое мерцание, будто какой-то таинственный свет шел прямо из земли. В этом месте почва покрыта старой листвой и гниющими ветвями, которые и начинают светиться в темноте. Я немного испугалась и готова была рвануться вперед, услышав шорох в кустах, хотя прекрасно понимала, что никого страшнее мыши или кролика я здесь встретить не могу.

Но за поворотом, там, где протекает ручей, из-за деревьев неожиданно вышел мужчина и сразу же остановил меня, схватив за руку. Я хотела закричать, но голос куда-то пропал, и единственным звуком теперь оставалось биение моего собственного сердца.

— Кузина Лорна, — заговорил незнакомец, — милая моя кузина! Ваш голос, несомненно, самый прекрасный из всех, что мне доводилось слышать. Но я умоляю вас, молчите, если не желаете смерти своего кузена и верного опекуна, Алана Брэндира.

— Вы — мой опекун? — удивилась я, чуть не рассмеявшись от такого заявления. Меня всегда веселили внезапные откровения.

— Да, мэм, имею честь быть назначенным именно вашим опекуном, — ответил юноша и поклонился, — если, конечно, я не спутал вас с кем-то другим и вы действительно являетесь Лорной Дун.

— Нет, вы не ошиблись. Я и есть Лорна Дун.

Он смерил меня взглядом и хотел уже что-то сказать, но я вырвала руку и, отступив назад, вскинула голову и повторила:

— Мое имя Лорна Дун, сэр.

— Тогда я ваш покорный слуга, Алан Брэндир из Лох Оув, лорд Алан Брэндир, сын почтенного пэра Шотландии. Теперь вы доверяете мне?

— Как я могу вам доверять? — изумленно воскликнула я — Да вы еще совсем молодой, не старше меня самой!

— Старше на целых три года, — обиделся Алан. — Вы, моя кузина, еще совсем ребенок, вам только шестнадцать, а мне уже почти девятнадцать.

Услышав это, я еще раз внимательнее всмотрелась в своего собеседника, поскольку такой возраст показался мне почтенным, однако сомнения мои не рассеивались, хотя одет он был, как и подобает взрослому мужчине. Мы прошли к ручью, где свет падал на воду и я могла разглядеть Алана получше.

— Я вам нравлюсь, кузина? — спросил он через некоторое время, ничуть не смущаясь моим пристальным взглядом. — Как вам нравится ваш опекун и родственник? Иными словами, могу ли я рассчитывать на взаимное восхищение?

— Честно говоря, я и сама не знаю, но мне кажется, что вы добрый юноша и никому не желаете зла. А вам можно доверить меч?

Я хорошо знала силу и мощь наших воинов, поэтому хрупкий и изнеженный Алан показался мне куклой по сравнению с ними. Правда, в темном лесу он напугал меня, но теперь, при свете заходящего солнца, я поняла, что страшиться было нечего. Он был чуть выше меня, хотя изображал из себя бесстрашного воина. На нем был накинут зеленый с красной оторочкой плащ, из-под полы виднелся довольно тонкий меч.

Я смотрела на него без восторга, и он это сразу заметил.

— Я надеюсь, что не слишком запугал вас вот этим, — он выхватил меч из ножен и ударил клинком по камням. — Могу вас заверить, что мне приходилось сражаться, и не раз, причем многие мастера фехтования признавали мое превосходство. И если кто-нибудь в этой долине посмеет приблизиться к вам, чтобы похитить ваш веночек, а кстати, это не он вас украшает, а вы его (тут он заговорил о какой-то ерунде, и я потеряла нить его мыслей), я искромсаю негодея на мелкие кусочки, даже если он умеет летать.

— Тише! — остановила я поток красноречия Алана, — а то вам самому придется улетать отсюда, что вряд ли удастся, если вас обнаружат.

Бедный юноша в порыве хвастовства передо мной совсем забыл, где он находится, с кем разговаривает, и как хорошо мы видны оба на берегу ручья. Я прекрасно понимала, что этот молодой человек действительно происходит из знатного рода (невзирая на бахвальство), и тем не менее для Дунов с их силой и умением владеть мечом несчастный Алан представлялся в виде подушечки, в которую втыкают булавки.

— Я умоляю вас не сердиться, — уже тише заговорил мой собеседник. — Мне пришлось проделать огромный путь, чтобы увидеть вас. Я прекрасно понимаю, что нахожусь среди тех, кто скорее всадит нож в спину гостя, чем подаст ему кусок хлеба. Однако я чувствую себя спокойной, потому что в беге мне нет равных, а что такое ваши холмы по сравнению с горами Шотландии? Я видел набег разбойников, которые будут на голову выше Дунов. Помню, однажды, когда я был еще совсем несмышленишкой...

— Уважаемый опекун, — прервала я Алана, — у меня нет времени выслушивать ваши занятные истории. Если вы никуда не торопитесь, то должна вас огорчить — я спешу домой. Скажите мне точно, каким образом нас связывают родственные узы, почему вы назначили себя моим опекуном и с какой целью прибыли в наши места.

— По порядку, кузина, сейчас я все изложу по порядку. Во-первых, я сын вашего дяди, мой отец — никто иной как брат вашей матери или, по крайней мере, бабушки. В этом я не могу ошибиться. Мой отец, будучи одним из почтеннейших лордов в совете короля Карла Второго, приказал мне изучать закон. Правда, не для того, чтобы это стало моей профессией, слава Богу, а по той простой причине, что сам был не слишком сведущ в вопросах юриспруденции. Я надеюсь, вы простите меня, юная госпожа Лорна, но я не привык рассказывать о серьезных вещах без табака. Позвольте мне закурить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.